

Информационный научно-аналитический журнал
КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
ЗИМА 2014 (13)

Казань: Издательство Казанский Издательский Дом: 152 с., 2014.

ISSN 2079-5912

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-53079 от 07 марта 2013г., и ПИ №ФС77-39603 от 26 апреля 2010г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке (участвует в программе по формированию РИНЦ).

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № 11899.

Адрес в сети Интернет: www.kazanvestnik.ru

Редакционный совет

Р.Г. Минзарилов (главный редактор) – д.соц.н., профессор,
член диссертационного совета Д 212.081.16

Н.Г. Багаутдинова – д.экон.н., профессор,
председатель диссертационного совета Д 212.081.29

А.Г. Большаков – д.полит.н., профессор,
член диссертационного совета Д 212.081.06

К.Р. Галиуллин – д.филол.н., профессор,
член диссертационного совета Д 212.081.05

О.И. Зазнаев – д.ю.н., профессор,
заместитель председателя диссертационного совета Д 212.081.06

А.М. Калимуллин – д.и.н., профессор

В.Д. Козлов – д.экон.н., профессор,
член диссертационного совета Д 212.166.14

Ю.А. Королев – к.экон.н.

З.Г. Нигматов – д.и.н., профессор

Л.М. Попов – д.психол.н., профессор,
председатель диссертационного совета Д 212.081.22

З.Ф. Сафин – д.ю.н., профессор,
председатель диссертационного совета Д 212.081.26

Е.А. Чеглинцев – д.и.н., профессор

М.Д. Щелкунов – д.филол.н., профессор,
председатель диссертационного совета Д 212.081.16

Howard Davis – PhD in Sociology, Professor at the Bangor University (United Kingdom)

Gabriel Douglas Donleavy – PhD Accounting, Professor at the University of Western Sydney (Australia)

Matsuzato Kimitaka – Doctor of Law, Professor at Hokkaido University (Japan)

Andrei P. Tsygankov – PhD in Political Science, Professor at San Francisco State University (USA)

Evert van der Zverde – Professor of political philosophy at Radboud University Nijmegen (Netherlands)

Редакционная коллегия

Б.С. Алишев – д.псих.н., профессор, член диссертационного совета Д212.081.22; **Р.Р. Амирова** – к.ю.н., доцент; **Е.Я. Балашова** – к.экон.н., доцент; **О.Л. Габелко** – д.и.н., доцент, член диссертационного совета Д212.081.01; **Е.А. Горобец** – к.филол.н.; **А.Н. Ершов** – д.соц.н., профессор, член диссертационного совета Д212.083.03; **Г.Н. Каримуллина** – к.филол.н.; **Р.Г. Каспина** – д.экон.н., профессор, член межрегионального диссертационного совета ДМ212.083.02; **Г.И. Курдюков** – д.ю.н., профессор, председатель межрегионального диссертационного совета ДМ212.081.26; **А.Н. Макаров** – д.экон.н., профессор; **Г.В. Морозова** – д.экон.н., профессор, член докторского совета Д212.081.25, член диссертационного совета ДМ212.080.09; **Н.Г. Нугаева** – к.ю.н., доцент; **А.О. Прохоров** – д.псих.н., профессор, член диссертационного совета Д212.081.22; **Г.К. Сайкина** – д.филол.н., доцент; **М.Л. Тузов** – к.филол.н., доцент; **Р.А. Циунчук** – д.и.н., профессор; **Т.М. Шатунова** – д.филол.н., профессор, член диссертационного совета Д.212.081.16.

Абдрафикова А.Р., Шарафиева А.М. Формирование профессиональной компетентности будущих специалистов нефтегазодобывающей отрасли средствами иностранного языка.....	4
Авзалова Э.И. Интернет и информационные технологии в создании новых каналов коммуникации власти и общества.....	13
Водолажская Е.Л. Методические подходы к оценке эффективности работы персонала.....	18
Галихузина Р.Г. Проблемы подходов к исламскому возрождению в Татарстане: конфликтологический анализ.....	26
Гараева А.М. Исламофобия в современном социуме: сущность, практики и возможности изучения.....	34
Кузина Н.А., Старостина Т.Ю. Контроль уровня знаний студентов технического ВУЗа с применением информационных технологий.....	40
Кузнецова Э.Б. Формирование и функционирование кооперативных структур в аграрном производстве современной российской экономики.....	46
Лосева Е.Э. Медиаотображение протестных движений как формы политической коммуникации.....	53
Милинис О.А. Субъектно-ориентированный подход к развитию культуры творческой самореализации студентов-педагогов в креативной образовательной деятельности.....	58
Никитина Т.Н., Шакирова А.Ю. Ценностные основания профессионального сообщества: кластерный анализ.....	65
Новикова К.Н. Специфика управления системой социальной защиты населения в некоторых зарубежных странах.....	73
Озерова К.А. Культурная память в татарской музыке: репрезентации истории, культурная травма и этническая идентичность.....	83
Пименова Т.С. Малый профильный институт как новая стратегия образования (из опыта работы малого института филологии и межкультурной коммуникации).....	93
Прохоров А.О., Юсупов М.Г. Познавательные состояния в учебной деятельности студентов.....	98
Пыркова К.В. Особенности адаптации к условиям профессиональной деятельности водителей спецтранспорта с разным стажем работы.....	110
Сафиуллина Г.Р. Лингвокультурологический анализ загадок в татарском языке (на примере сборника татарских загадок А.Гумерова, опубликованного в 1946 г.).....	116
Силаева З.В., Силаева Е.Н., Силаев В.Б. Применение интерактивных форм обучения основам религиозных культур и советской этики в современной школе.....	123
Фурсова В.В., Ха Ван Хоанг Доступность высшего образования.....	127
Шамина В.Б. Деконструкция в театре.....	136
ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ БИЗНЕСА РЕКОМЕНДУЕТ В.Д. КОЗЛОВ.....	145
ОБЪЯВЛЕНИЯ О ПРЕДСТОЯЩИХ ЗАЩИТАХ ДИССЕРТАЦИЙ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.....	148
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ.....	150

Abdrafikova A.R., Sharafieva A.M. The formation of occupational competence of future specialists in oil and gas industry by foreign language.....	4
Avzalova E.I. Internet and information technologies in the creation of new communication channels of government and society.....	13
Vodolazhskaya E.L. Methodological approaches to assessing staff efficiency.....	18
Galikhuzina R.G. Problems of the approaches to the islamic revival in Tatarstan: conflictological analysis.....	26
Garaeva A.M. Islamophobia in the modern society: contents, practices and opportunities of research.....	34
Cousina N.A., Starostina T.Yu. Knowledge level control of technical college students with the use of information technology	40
Kuznecova E.B. Formation and functioning of cooperating structures in agrarian production of modern russian economy	46
Loseva E.E. Media-image protest movements as a form of political communication.....	53
Milinis O.A. Subject-oriented approach to the development of culture of self-organization of students-teachers in creative educational activities.....	58
Nikitina T.N., Shakirova A.Yu. Valuable bases for professional community: a cluster analysis.....	65
Novikova K.N. The specificity of the social protection system in some foreign countries.....	73
Ozerova K.A. Cultural memory in the tatar music: representations of history, cultural trauma and ethnic identity.....	83
Pimenova T.S. Maly specialized institutes as a new strategy of education (experience of maly institute of philology and intercultural communication)	93
Prokhorov A.O., Yusupov M.G. Cognitive states in educational activity of students.....	98
Pirkova K.V. Peculiarities of adaptation to the condition of professional driver activity of special transport with different work expirience.....	110
Safiullina G.R. Linguistic and cultural analysis of riddles in tatar language (on the example of the compilation of tatar riddles published in 1946 by TATGOSIZDAT).....	116
Silaeva Z.V., Silaeva E.N., Silaev V.B. Application of interactive forms of education based on religious culture and secular ethics in the modern school.....	123
Fursova V.V., Van Hoang Availability of the higher education.....	127
Shamina V.B. Deconstruction in the theatre.....	136
THE BEST BOOKS FOR BUSINESS RECOMMENDED BY V.D. KOZLOV.....	145
ANNOUNCEMENT OF FORTHCOMING DEFENCES OF DOCTOR'S THESIS IN THE KAZAN FEDERAL UNIVERSITY.....	148
THE ARTICLE SUBMISSION.....	150

Абдрафикова А.Р., к.пед.н.
Шарафиева А.М.

albina112000@mail.ru
albina-lina@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация: В статье даётся педагогическая характеристика современного процесса формирования профессиональной компетентности студентов нефтяного института. Понятие профессиональной компетентности студентов нефтяного института определяется как интегративное качество личности, характеризующее всесторонние знания студентов, его адаптационные механизмы, обеспечивающие достижение профессиональной компетентности, позволяющее выстроить процесс приобщения будущего специалиста

Проблема формирования профессиональной компетентности на современном этапе актуализировалась рядом обстоятельств: вступлением России в международное Болонское соглашение, одной из главных целей которого является создание условий для роста социально-профессиональной мобильности студентов; недостаточным уровнем подготовки педагогических кадров к реализации инновационных технологий, созданию условий для формирования качеств личности специалистов высшего звена, обусловленных современными требованиями (компетентность, мобильность, конкурентоспособность, адаптивность, социальная активность, саморазвитие и др.).

Изложенное выше позволяет нам констатировать о социальном заказе нефтегазодобывающей отрасли на подготовку профессионально компетентного специалиста, необходимости научного обоснования организации процесса развития профессиональной компетентности, ориентации Государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования на повышение профессиональной компетентности студентов в учреждениях высшего профессионального образования.

нефтегазодобывающей
отрасли к приобретаемой
профессии в период обучения.

Ключевые слова:
профессиональная
компетентность;
профессиональная
компетентность студентов
технического вуза;
функциональный,
коммуникативный и
рефлексивный компоненты
профессиональной
компетентности студентов
технического вуза.

Понятие «компетентность» в современном его понимании стало активно использоваться в работах ученых - педагогов со второй половины 1990-х гг. В центре внимания педагогической науки оказались следующие вопросы: история становления и развития профессиональной компетентности в контексте модернизации образования; подготовка профессионально компетентных студентов; совершенствование методики преподавания в высшем профессиональном образовании и т.д. [5].

Несмотря на тот факт, что профессиональная компетентность на всех уровнях образования признана сегодня одним из актуальных вопросов для изучения, сама категория «профессиональная компетентность» требует тщательного анализа. На сегодняшний день понятие «профессиональная компетентность» не только получает неоднозначную трактовку исследователей, но и подменяется в ряде случаев сходными или близкими по значению понятиями. Из анализа ряда источников понятие «компетентный» означает «наличие знаний и опыта, необходимых для эффективной деятельности в заданной предметной области.»; «качество человека, обладающего всесторонними знаниями в какой-либо области и мнение, которого поэтому является веским, авторитетным». Однако современные отечественные педагогические словари и энциклопедии не содержат термина «профессиональная компетентность студентов технического института». На наш взгляд, категория «профессиональная компетентность» должна быть рассмотрена через общее видовое понятие. Такими понятиями могут выступать: «социальная компетентность», «социально-профессиональная компетентность». Остановимся на рассмотрении специфических черт выделяемых видов компетентности и попытаемся сопоставить их с характеристиками профессиональной компетентности, выявляя при этом общие составляющие элементы.

В условиях усиления процессов мобильности различных социальных групп в динамично развивающемся современном мире достаточно значимую позицию занимает явление социальной компетентности. В Большой современной энциклопедии под компетентностью понимается мера соответствия знаний, умений и опыта лиц определенного социально-профессионального статуса реальному уровню сложности выполняемых ими задач и решаемых проблем [4]. В.И. Загвязинский определяет понятие компетентность как содержательное обобщение теоретических и эмпирических знаний, представленных в форме понятий, принципов, смыслообразующих положений [5]. По мнению А.К. Марковой, социальная компетентность – владение совместной профессиональной деятельностью, сотрудничеством, а также принятыми в данной профессии приемами профессионального общения; социальная ответственность за результаты своего труда [6]. Профессор В.А. Сластенин выделяет социальную компетентность как способность брать на себя ответственность и принимать решения, участвовать в совместном принятии

решений, регулировать конфликты ненасильственным путем, продуктивно взаимодействовать с представителями других культур и религий [7]. Социальная компетентность, проявляющаяся в разных сферах деятельности, в большей степени связана с тем непосредственным социальным контекстом, в котором действует тот или иной человек.

В работах ряда исследователей рассматривается понятие социально-профессиональной компетентности. Ю.И. Калиновский определяет ее так: способность быстрой профессиональной и личностной переориентации как при сохранении профессиональной и социальной идентичности, так и при ее смене при обязательном соотношении прошлого опыта и новой деятельности [5]. М.А. Ставрук рассматривает социально-профессиональную компетентность с двух точек зрения. С одной стороны, это смена позиций, обусловленная внешними обстоятельствами (такими, как отсутствие рабочих мест, низкая заработная плата, бытовая неустроенность и т.д.). С другой - социально-профессиональная компетентность – это внутреннее самосовершенствование личности, основанное на стабильных ценностях и потребности в самосовершенствовании. В ее основе лежат такие понятия, как грамотность, образованность и профессиональная компетентность.

Как результат - внутренняя свобода и раскрепощенность личности, которая способна быстро реагировать на происходящие в социуме изменения [8]. Профессиональная компетентность, подобно социально-профессиональной компетентности, вызвана потребностью внутреннего самосовершенствования личности, стремлением к приобретению более качественных образовательных и профессиональных компетенций.

Много известных ученых внесли свой вклад в разработку проблемы как профессиональной компетентности, так и условий ее формирования.

Однако вопрос о педагогических условиях формирования профессиональной компетентности и в настоящее время является открытым. К числу главных факторов, тормозящих решение этого вопроса, на наш взгляд, относятся практически изолированное друг от друга развитие психологии и педагогики, отдельностью отраслей каждой из них, консервативное влияние идеологических установок на развитие теории и практики профессиональной деятельности. В результате действия перечисленных факторов современное состояние проблемы педагогических условий формирования профессиональной компетентности студента технического института отличается отсутствием системности введении самой проблемы и, следовательно, не разработанностью критериев ее оценки, далеко не полным раскрытием механизмов ее становления и развития и, как закономерный результат, отсутствием эффективных технологий развития профессиональной компетентности. Анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что в качестве педагогических условий формирования профессиональной компетентности могут выступать ее компоненты: профессиональные знания; практические умения; профессионально значимые личностные качества. Несмотря на различия в подходах к проблеме педагогических условий формирования профессиональной компетентности, данные авторы сходятся на том, что для формирования профессиональной компетентности достаточно развития любого из ее компонентов. Существует тесная взаимосвязь между структурными компонентами профессиональной компетентности, характеризующая ее как системное качество. И при формировании профессиональной компетентности важно учитывать уровень профессиональной грамотности будущего выпускника технического института, степень владения практическими умениями и сформированность его профессионально значимых личностных качеств. Поэтому при разработке развивающих технологий следует

исходить из того, что формирование профессиональной компетентности может идти через развитие системы ее структурных компонентов. В своем исследовании Е.А. Садовская утверждает, что «...для формирования успешной профессиональной компетентности специалисту надо обладать профессиональной грамотностью» [9]. Она включает наряду с профессиональной информированностью еще и личностные качества, которые под влиянием профессиональных знаний претерпевают изменения. Появляется интерес к другой деятельности и оптимистическая убежденность в собственных возможностях.

При этом такие педагоги как, Л.П. Меркулова [6], и др. сходятся на том, что теоретические профессиональные знания (за которыми – обобщенный профессиональный опыт) не только опираются на практическую деятельность, но и раздвигают границы индивидуального опыта студента, направляют и организуют этот опыт, позволяют переосмысливать его в системе профессионального опыта и, таким образом, влияют на процесс формирования профессиональной компетентности.

Таким образом, несмотря на различия в подходах на проблему влияния профессиональных знаний на формирование профессиональной компетентности студента нефтяного института, авторы сходятся на том, что профессиональные знания являются педагогическим условием формирования профессиональной компетентности и изменения ее структуры.

Исследования, проведенные современными учёными, дали возможность определить роль овладения студентом определенных умений и навыков в своей профессиональной деятельности при формировании профессиональной компетентности. По их мнению, «...каждый студент как субъект практической деятельности строит свой собственный опыт; каждый студент создает свою лично пережитую стратегию решения профессиональных задач и свой индивидуальный стиль деятельности» [8]. И при этом, как следствие,

происходит развитие, формирование, совершенствование профессиональной компетентности. «Как бы специалисты не исполняли свою профессиональную деятельность, она всегда должна иметь полную структуру – от понимания и постановки целей и задач до осуществления действий самоконтроля и самооценки». Только в этом случае, по мнению Е.А. Садовской, происходит формирование профессиональной компетентности. Причем, обеспечивается это через выполнение практических приемов в основных способах профессиональной деятельности специалиста [9].

И.С. Якиманская связывает понимание сущности профессиональной компетентности с комплексом профессионально значимых качеств личности. По мнению автора, профессиональная компетентность коррелирует прежде всего с индивидуально-психологическими качествами личности, к которым он относит высокие познавательные интересы, потребность в работе, адекватность восприятия профессиональной ситуации, прогнозирование формирующейся личности специалиста, определение условий и выбор средств его всестороннего развития и др.

Нельзя в связи с этим обойти вниманием точку зрения Ю.И. Калиновского, который считает, что «...профессиональная компетентность подчас определяет жизненный путь человека, но при этом сама является результатом взаимодействия индивидуально-типологических свойств личности и социальных ее отношений с окружающим миром, в том числе профессиональных» [5].

Анализируя психолого-педагогическую литературу, мы делаем вывод об актуальности нашего исследования, так как вопрос о профессиональной компетентности студентов технического вуза до сих пор остается дискуссионным. Опираясь на труды отечественных и зарубежных учёных, мы сформулировали понятие профессиональная компетентность применительно к обучению студентов нефтяного института. Таким образом, профессиональная компетентность студентов нефтяного института

выступает как интегративное качество личности, характеризующее всесторонние знания студентов, его адаптационные механизмы, обеспечивающие достижение профессиональной компетентности, позволяющее выстроить процесс приобщения будущего специалиста нефтегазодобывающей отрасли к приобретаемой профессии в период обучения.

В ходе данного исследования было проведено анкетирование, позволившее проследить развитие критериев оценки профессиональной компетентности. В результате обработки данных анкет были выявлены негативные и позитивные стороны организации профессиональной подготовки специалистов технического профиля, что в дальнейшем помогло улучшить работу в данном направлении.

Практическая значимость исследования состоит в том, что в ходе исследования вскрыты резервы совершенствования профессиональной подготовки специалистов технического профиля; разработаны психологические характеристики студентов разного уровня адаптированности к учебной деятельности, ориентация на которые обеспечивает возможности реализации личностно-ориентированного подхода к формированию профессиональной компетентности специалистов технического профиля; установлена зависимость успешности обучения иностранному языку и адаптированности студентов к учебной деятельности, в ходе осуществления которой происходит развитие компонентов в структуре профессиональной компетентности. Разработана авторская система подготовки специалистов технического профиля, обеспечивающая формирование профессиональной компетентности средствами иностранного языка; создано методическое сопровождение (учебные пособия по иностранному языку, справочники, методические рекомендации) процесса обучения студентов иностранному языку как средству формирования профессиональной компетентности.

Материалы исследования могут быть

использованы преподавателями иностранного языка в техническом вузе для достижения качества профессиональной подготовки инженеров.

Методологическую основу исследования составляют отечественные и зарубежные концепции, раскрывающие проблемы профессиональной подготовки; современные психологические, педагогические и культурологические теории и концепции образования.

Источниками исследования являются фундаментальные положения о сущности целостного педагогического процесса (Ю.К. Бабанский, В.П. Беспалько, В.А. Сластёнин и др.); о профессиональном становлении личности (А.К. Маркова, Л.М. Митина, Н.В. Молоткова, Т.И. Руднева, Н.Ф. Тальзина, А.П. Тряпицина и др.); о качестве подготовки специалистов (А.П. Адлер, В.И. Байденко, Г.Е. Володина, А.Л. Денисова, В.Г. Колосова, Э.М. Короткова, В.П. Панасюк, Э.П. Печерская, Н.Я. Селезнёва и др.)

Освоение средств, обеспечивающих основу для выработки умений осуществления ведущего вида инженерной деятельности, должно быть представлено личностным результатом в виде профессиональной компетентности, под которой следует понимать интегративное свойство личности, системообразующее готовность (подготовленность) и мобильность (способность адаптироваться) для совершения оптимальных действий по преобразованию техносферы средствами ведущей деятельности в соответствии с содержанием профессиональной ситуации. Методологической основой раскрытия сущности и структуры профессиональной компетентности специалиста технического профиля является компетентностный подход, позволяющий учитывать инновационную направленность инженерного образования, функции специалиста технического профиля, требования, предъявляемые к его личности.

Разработка новой глобальной парадигмы развития человечества обуславливает потребность общества в гибкой образовательной системе,

обеспечивающей формирование профессиональной готовности и адаптивности специалистов к позиционированию в условиях современной конкурентной среды. Однако существует ряд противоречий между образовательной реальностью и социальной потребностью в специалистах, владеющих современными средствами решения профессиональных задач; возрастающими требованиями к личности молодого специалиста и недостаточным уровнем развития его профессионально значимых личностных качеств. Одним из способов устранения данных противоречий должен стать процесс профессиональной подготовки, основанный на разработке профессионально ориентированных технологий обучения адекватно мировым тенденциям развития высшего образования. Соответствие инженерного образования данным тенденциям обеспечит квалификационную адаптацию специалистов к динамично изменяющимся условиям современного производства, готовность будущих инженеров к продуктивной деятельности по преобразованию техносферы. Востребованность в специалистах технического профиля для таких отраслей промышленности, как авиационная, космическая, предполагает сформированность у них профессиональных компетенций и адаптивно важных качеств, обеспечивающих их компетентность в условиях рыночных отношений. Системообразующим фактором для отбора содержания и форм профессионального образования должна выступать модель специалиста технического профиля, ассимилирующая преимущества квалификационной и компетентностной моделей.

Процесс профессиональной подготовки специалистов технического профиля организуется таким образом, что средствами конкретных дисциплин формируются навыки адаптивного поведения (психологические основы формирования профессиональной компетентности); применением личностно-

ориентированной и субъект-субъектной моделей педагогического взаимодействия (педагогические основы формирования профессиональной компетентности) оптимизируется учебный процесс по достижению высокого уровня профессиональных компетенций и адаптированности студентов к профессиональной сфере; межпредметными связями достигается зависимость между показателями эффективности изучения специальных дисциплин и адаптированности студентов, что обеспечивает условия для влияния успешного результата обучения иностранному языку на успешность обучения другим учебным предметам. Высокий уровень значимости показателей психических качеств и успешности, выступает (уровень) критерий внутренней адаптированности к процессу профессиональной подготовки будущих специалистов технического профиля.

Формированию профессиональной компетентности специалистов технического профиля способствует такая организация процесса обучения, при которой создаются условия для развития показателей в структуре профессиональной компетентности, осуществляются изменения содержательного и процессуального характера, совокупность которых, имитируя виды профессиональной деятельности, обеспечивает будущему специалисту индивидуальный путь развития компетентности адекватно структуре адаптивности (поведенческий, функциональный, морфологический компоненты), принимаемой за способность организма и психики человека изменяться в соответствии с воздействующими на него факторами внешней среды. Системный характер профессиональной подготовки специалистов технического профиля требует выделения личностно-ориентированного и системно-синергетического подходов в качестве методологической основы процесса образовательного пространства. Достижение цели профессиональной подготовки специалистов технического профиля в ходе модернизации всех элементов системы высшего образования

возможно при опоре на базовые методологические принципы. Принципы аксиологического и культурологического подходов обеспечивают формирование компетентности за счет изменений морфологического характера (морфологический компонент адаптивности) и развитие инвариантных и мотивационно-ценностных компетенций; принципы антропологического, гуманистического и акмеологического подходов обеспечивают формирование профессиональной компетентности за счет изменений функционального характера (функциональный компонент адаптивности) и развитие адаптивно важных качеств;

Стратегия управления профессиональной подготовкой специалистов технического профиля становится эффективной тогда, когда в число базовых профессиональных учебных дисциплин включается иностранный язык, изучение которого интегрирует два вида деятельности - познание и общение: с помощью языка решаются профессиональные задачи и развивается потребность в профессиональной самореализации; коммуникативная функция языка репродуцируется в функцию регуляции поведения; общение на иностранном языке усиливает адапционно-преобразовательную взаимосвязь субъектов, обеспечивая их предметно-психологическую совместимость. Должно прийти понимание того, что успешность обучения специальным дисциплинам обусловлена успешностью обучения иностранному языку, повышающей адаптированность к условиям профессиональной среды за счет синергетичности адаптации к познавательной деятельности и адаптации к коммуникативной деятельности.

Эффект влияния результатов обучения иностранному языку на качество обучения другим предметам обеспечивается ориентацией на индивидуальный интегральный показатель адаптированности студентов, представленный профилями психических качеств, характерных для успешно и неуспешно обучающихся, которые

(профили) становятся основой для отбора средств развития адаптивно важных качеств будущего специалиста технического профиля по индивидуальному образовательному маршруту.

Подготовка специалистов технического профиля, обеспечивающая формирование профессиональной компетентности, должна осуществляться на социокультурном и коммуникативном уровнях, достигаемых средствами иностранного языка. Это становится возможным, если в образовательный процесс внедряется системы формирования профессиональной компетентности студентов - будущих специалистов технического профиля, в которой содержательный и процессуальный блоки находятся во взаимосвязи и единстве. Развитие профессиональных компетенций и адаптивно важных качеств в структуре профессиональной компетентности специалистов технического профиля становится возможным при соблюдении следующих условий: 1) организационно-методических (социокультурный фон профессиональной подготовки создается иностранным языком, способы овладения которым обеспечивают развитие адаптированности к условиям профессиональной деятельности); 2) дидактических (учебный материал структурируется на основе принципа контекстности и представляется модулями соответственно видам речевой деятельности; приближение к основному виду деятельности специалистов технического профиля - проектированию достигается реализацией принципа проектности; индивидуальные образовательные маршруты, создаваемые на базе профилей психических качеств студентов, имеют методическое сопровождение; итоговый мониторинг включает показатели компонентов профессиональной компетентности и интегральные показатели адаптированности; уровни усвоения иностранного языка достигаются выполнением разного вида упражнений и применением имитационных и диалоговых методов, требующих проявления профессиональной компетентности); 3)

психолого-педагогических (гармонизация процессов познания и общения достигается поэтапно овладения речевыми образцами ситуативно-профессионального контекста, задаваемого личностно-ориентированной и субъект-субъектной моделями педагогического взаимодействия).

Обоснованность и достоверность полученных результатов исследования обеспечивается методологией исследования, её соответствием поставленной проблеме; осуществлением исследования на теоретическом и практическом уровнях; применением комплекса методов, адекватных его предмету; возможностью повторения эксперимента; сопоставлением полученных данных с имеющимся педагогическим опытом; репрезентативностью объема выборки и статистической значимостью полученных экспериментальных данных.

Abdrafikova A., Sharafieva A.

THE FORMATION OF OCCUPATIONAL COMPETENCE OF FUTURE SPECIALISTS IN OIL AND GAS INDUSTRY BY FOREIGN LANGUAGE

This article gives a pedagogical description of the formation of modern professional competence of students of technical institute. The concept of professional competence of students is determined by the College of oil as an integrative quality of personality that characterizes the comprehensive knowledge of students, their coping mechanisms that ensure the achievement of professional competence, to establish a process allowing initiation of future oil and gas industry expert to the profession acquired during the training.

Keywords: occupational competence; occupational competence of students of a technical institute; functional, communicative and reflective components of occupational competence of students of a technical institute.

Анализ результатов исследования в области инженерного образования показал, что среди профессионально значимых характеристик доминирующей является компетентность.

Достижение нового качества образования в технических вузах соответственно требованиям, предъявляемым к специалистам новой системой общественных ценностей и отношений, предполагает поиск механизма внедрения новой образовательной парадигмы в существующую систему профессиональной подготовки специалистов технического профиля. Одним из способов разрешения противоречий явилась разработка концепции подготовки современных специалистов в техническом вузе, способных выдерживать конкуренцию в условиях рыночных отношений и востребованности профессионалов сектором реформированной экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гальперин П.Я. Формирование умственных действий // Гальперин П.Я., 1980 год, 13 стр. [Электронный ресурс] http://www.iu.ru/biblio/archive/galperin_for (дата обращения 12.07.2011).
2. Горюнова Л.В. Профессиональная компетентность специалиста как проблема развивающегося образования России. - Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2006. - 228с.
3. Дюнина В.Н. Формирование профессиональной компетенции студентов информационных специальностей в техникуме: дис... канд. пед. наук. – Нижний Новгород, 2009. – 151 с.
4. Игошев Б. М. Системно-интегративная организация подготовки профессионально компетентных педагогов: автореферат дис... д-ра. пед. наук.- Москва, 2008 – 274 с.
5. Меркулова Л. П. Формирование профессиональной мобильности специалистов технического профиля средствами иностранного языка: автореф. дис... д-ра пед.наук – Самара, 2008.
6. Мищенко В.А. Профессиональная мобильность в России: история и современность. – Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр ЮГУ, 2010. – 122с.
7. Рассказов Ф.Д. Педагогическое мастерство как условие формирования профессиональных качеств у студентов педагогических ВУЗов / Ф. Д. Рассказов, Н. С. Бирюкова // Секреты педагогического мастерства / Н. С.Бирюкова, Б. А. Борисов, Н. В. Дерябина и др. ;под общ. ред. Е. В. Коротаевой, С. С. Чернова. - Новосибирск : ЦРНС, 2009.- 222 с.
8. Садовская Е.А. Формирование профессиональной компетентности будущих преподавателей-исследователей университета: дисс... канд. пед. наук / Е.А. Садовская. - Оренбург, 2005. - 224 с.
9. Сорокин П.А. Социальная мобильность / пер. с англ. М.В. Соколовой. М.: Akademia: LVS. 2005. - 460 с.

Авзалова Э.И.

elmira_avzalova@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ИНТЕРНЕТ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЗДАНИИ НОВЫХ КАНАЛОВ КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Аннотация: Одной из ключевых проблем становления демократического государства в России является построение эффективных каналов коммуникации власти и общества. В статье исследована роль Интернета и информационных технологий в создании новых каналов коммуникации власти и общества. Раскрыты формы политического участия посредством Интернет, рассмотрена роль информационных и интернет-технологий при предупреждении коррупции. Ключевые слова: политика, Интернет, информационные технологии, власть, общество, коммуникации.

Проблема построения диалоговой коммуникации между властью и обществом является для российской действительности одной из ключевых. Построение эффективных каналов коммуникации между институтами государства и гражданского общества важная гарантия демократического развития и стабильного функционирования всего общества в целом.

Одной из перспективных направлений институционализации форм участия граждан в принятии важных политико-управленческих решений является выдвижение и развитие концепций «сетевой» или «онлайновой» политики. Развитие Всемирной паутины и информационно-коммуникационных технологий дает возможность выделить Интернет-участие как особую разновидность политического участия.

Интернет позволяет преодолеть временные, географические, культурные ограничения и рамки, усиливая групповую интеграцию вне зависимости от места проживания и позволяя мгновенно реагировать на возникающие политические проблемы. Это придает интернет-участию мобильный и организованный характер. Внедрение Интернета и информационно-коммуникационных технологий увеличивает

способность граждан привлечь к решению важных общественных проблем правительственные и неправительственные структуры и способствует становлению обратной связи между органами власти и обществом. Тем самым меняется сама коммуникационная модель политического участия: её вертикально организованная форма сменяется сложной, разнонаправленной, интерактивной.

Один из наиболее успешных примеров внедрения информационных технологий в деятельность органов государственной власти на территории России – система электронного правительства Республики Татарстан. Комплексный проект «Электронное правительство» запущен в 2005 году и ориентирован на широкое применение в деятельности органов государственной власти республики инноваций в сфере информационных технологий. Электронное правительство Республики Татарстан – первый опыт широкомасштабного внедрения информационных и коммуникационных технологий в деятельность органов государственной власти в Российской Федерации. В связи с этим исследователи отмечают, что за Татарстаном закрепилась репутация одного из тех регионов-«локомотивов», где апробируются наиболее перспективные инструменты и механизмы долгосрочного развития всей Российской Федерации в целом [4].

В чем же именно проявляется роль Интернета и информационных технологий в создании новых каналов коммуникации власти и общества?

Внедрение Интернета и информационно-коммуникационных технологий, например, реализованного в Республики Татарстан системы электронного правительства обеспечивает систему электронного документооборота, межведомственного сотрудничества, предоставление услуг населению. Дальнейшее развитие электронных систем, как показывает опыт передовых стран, создает возможность широкого участия граждан в принятии политических решений посредством Интернет и информационно-коммуникационных технологий. То есть

генерируются условия для участия граждан в процессе принятия решений и осуществление контроля над деятельностью власти (например, через систему электронных выборов и назначений), что является одним из важнейших условий эффективности власти.

Новые технологии позволяют преодолеть характерную для российских условий ситуацию, когда общество чувствует свою непричастность к политическому процессу, невозможность повлиять на принимаемые решения, и таким образом, органы государственной власти живут своей жизнью, население – своей. Развитие информационных и интернет-технологий позволяет создавать централизованные ресурсы для обсуждения законопроектов. Например, на сайте Белого дома в виде небольшого информера размещаются петиции по важным общественным проблемам, эту идею может поддержать любой интернет-пользователь. На те петиции, которые набирают большое количество голосов, администрация Белого дома дает ответ, хотя юридически не обязана выполнять содержащиеся в них требования. Однако правила сайта гласят, что Белый дом будет отвечать на все обращения, которые превысят установленный рубеж поданных голосов [1].

Тем самым получается, что информационные и интернет-технологии в совокупности могут значительно расширить количество активных участников политического процесса и возможности осуществления контроля гражданского общества над властью, что будет способствовать повышению доверия к органам государственной власти и легитимности власти. Ведь если гражданин задействован в принятии решения, то ему небезразличен результат реализации данного решения. Это связано ещё с психологическими особенностями человека: если ты принял участие в решении, то ты будешь его защищать, если ты отчуждён от этого, то ты будешь выступать против.

Внедрение информационных и интернет-технологий способствует повышению степени

ответственности правительства перед обществом и позволяет гражданам оказывать большое влияние на процесс принятия решений. Тем самым можно говорить о демократизации процедур принятия решений в условиях «онлайновой политики», что породило представление, согласно которому, конечным результатом внедрения данных технологий является эволюция современной представительной демократии в систему партиципаторной «электронной демократии». М. Ю. Павлютенкова так определяет суть «электронной демократии» – это использование информационно-коммуникационных технологий и информационной инфраструктуры для развития и усиления демократических институтов и расширения участия граждан в общественной и политической деятельности [2].

С другой стороны, роль Интернета и информационных технологий в создании новых каналов коммуникации власти и общества может проявляться и через возможность организации каналов обратной связи власти и общества. Примером может служить система электронного правительства Республики Татарстан, которая (на уровне современной, уже внедрённой системы) предоставляет широкие возможности для обращений граждан в органы государственной власти. И при условии реального рассмотрения и решения проблемы граждан, у населения формируется положительный образ власти, доверие к ней, что в дальнейшем может перерасти в авторитет власти. К тому же, значительно сокращаются сроки рассмотрения обращений, система позволяет отслеживать стадию рассмотрения обращения. В целом, нужно отметить создание формы правления с большим участием граждан. С внедрением информационных и интернет-технологий граждане получают большую возможность выразить свое отношение к тому, что они ожидают от государственных служб. Зарубежные исследователи также отмечают широкие возможности Всемирной паутины и информационных технологий, например электронного правительства, в создании новых

каналов коммуникации власти и общества: «Электронное правительство предполагает повышение ответственности государства перед обществом и создаёт дополнительный ресурс для его легитимности» [6].

В целом, можно отметить широкие возможности Интернета и информационно-коммуникационных технологий в преодолении кризиса легитимности власти. Как отмечается в литературе, «содействие укреплению доверия к правительству – это одна из главных идей существования электронного правительства» [5]. Другой вопрос, насколько этот потенциал используется в решении проблем реальной политической жизни.

В последнее время российское руководство всерьез задумалось над проблемой «электронного» участия населения в процессе принятия решений (об этом можно судить, например, по идеям создания «Открытого правительства»). В решении вопросов создания новых каналов коммуникации власти общества может быть применена технология краудсорсинга, которую можно определить как решение общественно значимых задач силами добровольцев посредством информационных технологий. И, как отмечают некоторые исследователи, технологии краудсорсинга приобретают популярность в провинциальных городах. К примеру, «в Перми работает проект StreetJournal.org – аналог FixMyStreet (английская система), куда граждане присылают жалобы обо всех жилищных проблемах. В идеале, как говорят пермские чиновники, этот сайт должен стать виртуальной моделью краевого правительства, где будут четко отображены все стадии бюджетного планирования и распределения. Аналогичные проекты созданы в Казани (DaiSignal.ru), Красноярске (KrasRoad.ru)» [3].

Также важно отметить значительную роль информационных и интернет-технологий при предупреждении коррупции – практически не решаемой проблемы российского общества. Можно выделить три основных условия возникновения коррупционных отношений: наличие

у чиновника дискреционных полномочий, то есть власти над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению и возможности выбора между различными вариантами своего поведения; личный контакт между чиновником и гражданином; закрытость процедур. Внедрение информационных и интернет-технологий способствует устранению всех трех условий, за счет перевода взаимодействия чиновника и гражданина в электронный вид. Высока и роль института электронного учета записей и «инфраструктуры доверия», благодаря которым граждане и бизнес получают возможность наблюдать за финансовыми и административными транзакциями, а также легко определять ответственных за те или иные решения.

Таким образом, внедрение Интернета и информационно-коммуникационных технологий в сферу политики открывает принципиально новые возможности коммуникации и взаимодействия: делает доступной политическую информацию, становится источником прозрачности и открытости действий политических институтов и конкретных политиков. «Онлайновая система» существенно сокращает временные и материальные издержки, бюрократические процедуры при получении государственных услуг и одновременно уменьшает их стоимость, расширяет возможности избирательных кампаний, являет собой дополнительную гарантию предупреждения коррупции. Новые технологии позволяют гражданам достаточно быстро и с минимальными затратами оказать воздействие на выработку решений, принимаемых государственными структурами, осуществлять контроль над их выполнением и тем самым реализовать основополагающие принципы демократии. Масштабы демократических трансформаций, сопровождающие процесс внедрение информационных и интернет-технологий в деятельность органов государственной власти, обуславливают необходимость дальнейших научных разработок в данной сфере.

Резюме:

Построение эффективных каналов коммуникации между институтами государства и гражданского общества важная гарантия демократического развития и стабильного функционирования всего общества в целом. Одной из перспективных направлений институционализации форм участия граждан в принятии важных политико-управленческих решений является выдвижение и развитие концепций «сетевой» или «онлайновой» политики.

Внедрение Интернета и информационно-коммуникационных технологий в сферу политики открывает принципиально новые возможности коммуникации и взаимодействия: делает доступной политическую информацию, становится источником прозрачности и открытости действий политических институтов и конкретных политиков. «Онлайновая система» существенно сокращает временные и материальные издержки, бюрократические процедуры при получении государственных услуг и одновременно уменьшает их стоимость, расширяет возможности избирательных кампаний, являет собой дополнительную гарантию предупреждения коррупции. Новые технологии позволяют гражданам достаточно быстро и с минимальными затратами оказать воздействие на выработку решений, принимаемых государственными структурами, осуществлять контроль над их выполнением и тем самым реализовать основополагающие принципы демократии. Меняется сама коммуникационная модель политического участия: её вертикально организованная форма сменяется сложной, разнонаправленной, интерактивной.

Avzalova E.I.

INTERNET AND INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE CREATION OF NEW COMMUNICATION CHANNELS OF GOVERNMENT AND SOCIETY

One of the key problems of the democratic state formation in Russia is to build effective communication channels between government and society. In this article, we consider the role of the Internet and information technologies in the creation of new communication channels between government and society. We analyze forms of political participation via the Internet, we also consider the role of information and Internet technologies in the prevention of corruption.

Keywords: politics, Internet, information technology, power, society, communication.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белый дом снял петицию о присоединении Аляски к России. – URL: <http://ria.ru/world/20140420/1004713181.html>, свободный.
2. Павлютенкова М. Ю. Электронная демократия и электронное правительство – предпосылка эффективного государства XXI века / М. Ю. Павлютенкова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://infosoc.ru/2005/thes/64.pdf>, свободный. – Проверено 23.05.2012.
3. Тихомиров В. Здесь будет город-сайт / В. Тихомиров [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/pda/ogoniok.html?id=1887312>, свободный. – Проверено 23.04.2012.
4. Точилкина Н. В. К вопросу об электронном документообороте в государственных структурах Республики Татарстан / Н. В. Точилкина, М. В. Марданова // Государственная и муниципальная служба в России и Татарстане: истоки и современные тенденции развития. Всероссийская научно-практическая конференция. Материалы секционных заседаний. Казань, 28 мая 2009 г. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – С. 81-86.
5. Almarabeh T. A General Framework for E-Government: challenges and success / T. Almarabeh, A. AbuAli // European Journal of Scientific Research. – 2010. - Vol.39. – No.1. – P. 29-42.
6. Cliff Steven L. E-government and democracy. Representation and citizen engagement in the information age / Steven L. Cliff [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.publicus.net/articles/cliftegovernment.pdf>, свободный. – Проверено 23.05.2012.

Водолажская Е.А.

leonid2204@rambler.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПЕРСОНАЛА

Аннотация: В статье представлена структура системы управления персоналом организации; обосновано, что стратегическим направлением антикризисного управления персоналом является разработка и совершенствование профессиограмм; представлен обзор альтернативных методик оценки эффективности работы персонала и предложена обобщенная методика, которая позволяет избирательно подходить к проблеме включения в систему занятости работников организации с различными качествами и трудовыми характеристиками.

Введение. Управление персоналом – это совокупность целенаправленных функциональных действий руководящего состава организации, профсоюзной и других общественных организаций, а также руководителей и специалистов подразделений, которая включает в своей основе: определение потребности в персонале в соответствии с целью, задачами и возможностями организации; набор персонала, планирование работы с персоналом (по привлечению, отбору, подбору на рабочие места и высвобождению, расстановке и распределению персонала по подразделениям и рабочим местам, его использованию); исследование потенциала и оценка персонала; мотивация и стимулирование труда; ротация персонала, движение его в системе управления, траектория карьеры; развитие личных и коллективных качеств персонала, повышение квалификации, образования, компетенции, накопление опыта; мотивацию и стимулирование карьерного роста персонала, создание благоприятных условий для его эффективной деятельности, социальное партнерство, социальное обеспечение персонала в процессе работы и после увольнения.

Ключевые слова: управление персоналом организации, планирование и маркетинг персонала, профессиограммы, организационные структуры управления персоналом, оценки эффективности работы персонала.

Теоретической основой данной работы являются исследования зарубежных авторов: А.Маслоу, М.Мескона, М.Альберта, Ф.Хедоури [2, 3, 6, 12], а также отечественных авторов: В.Р.Веснина, А.Я.Кибанова, Е.И.Холостовой, Е.В.Маслова, Е.И.Комарова и А.И.Войтенко и других.

Методология. При антикризисном управлении персоналом предполагается осуществлять не только формальную организацию работы по управлению персоналом, но и предусматривать влияние совокупности других факторов социально-психологического, нравственного характера, используя при этом демократический стиль управления, заботливое отношение к нуждам человека, учет его индивидуальных особенностей и прочее.

Глобальные перемены, наличие кризисной ситуации в социальной, экономической, политической, духовной сферах России одновременно как расширяют возможности, так и создают серьезные ограничения для каждого работающего, стабильности его существования и роста. Антикризисное управление персоналом в таких условиях призвано учесть целый спектр вопросов по адаптации сотрудника к внешним и внутренним более сложным условиям функционирования и развития организации. Особое внимание должно уделяться анализу мотивационных установок, умению их формировать и направлять в соответствии с задачами, стоящими перед организацией. Сюда же следует отнести проблемы взаимодействия руководителей организации с профсоюзами и службами занятости для обеспечения безопасности трудовой деятельности персонала, разработке принципиально новых подходов к приоритету ценностей [1, 11, 13].

Новые задачи не могут быть успешно решены традиционными кадровыми службами. Поэтому во многих, и прежде всего, крупных организациях создаются службы системы управления персоналом. Система антикризисного управления персоналом представляет собой совокупность подсистем общего руководства и ряда функциональных подсистем, специализирующихся на выполнении однородных функций, а также связей между ними. Подсистема общего руководства организацией осуществляет управление организацией в целом, управление функциональными и производственными подразделениями. Функции этой подсистемы выполняют: руководитель (менеджер) организации, директор и его заместители, руководители функциональных и производственных подразделений, их заместители, мастера, бригадиры.

Результаты. Исследование передового отечественного производства и зарубежных организаций показало, что в состав системы управления персоналом, как части общей системы, должен входить научно обоснованный набор относительно самостоятельных функциональных подсистем, таких как подсистема управления наймом и учетом персонала; подсистема управления трудовыми отношениями; подсистема обеспечения нормальных условий труда; подсистема

управления развитием персонала; подсистема управления социальным развитием; подсистема развития организационной структуры управления; подсистема правового обеспечения управления персоналом; подсистема информационного обеспечения системы управления персоналом (рис. 1). При этом следует учитывать, что организационная структура системы управления персоналом зависит от масштабов организации, ее

территориального расположения, характера деятельности и множества других факторов. В малых и средних фирмах одна подсистема может выполнять функции нескольких функциональных подсистем, а в предкризисных и кризисных условиях деятельности даже в крупных организациях могут быть упразднены одни подсистемы и созданы другие с набором новых функций, возможны и иные структурно-функциональные преобразования.

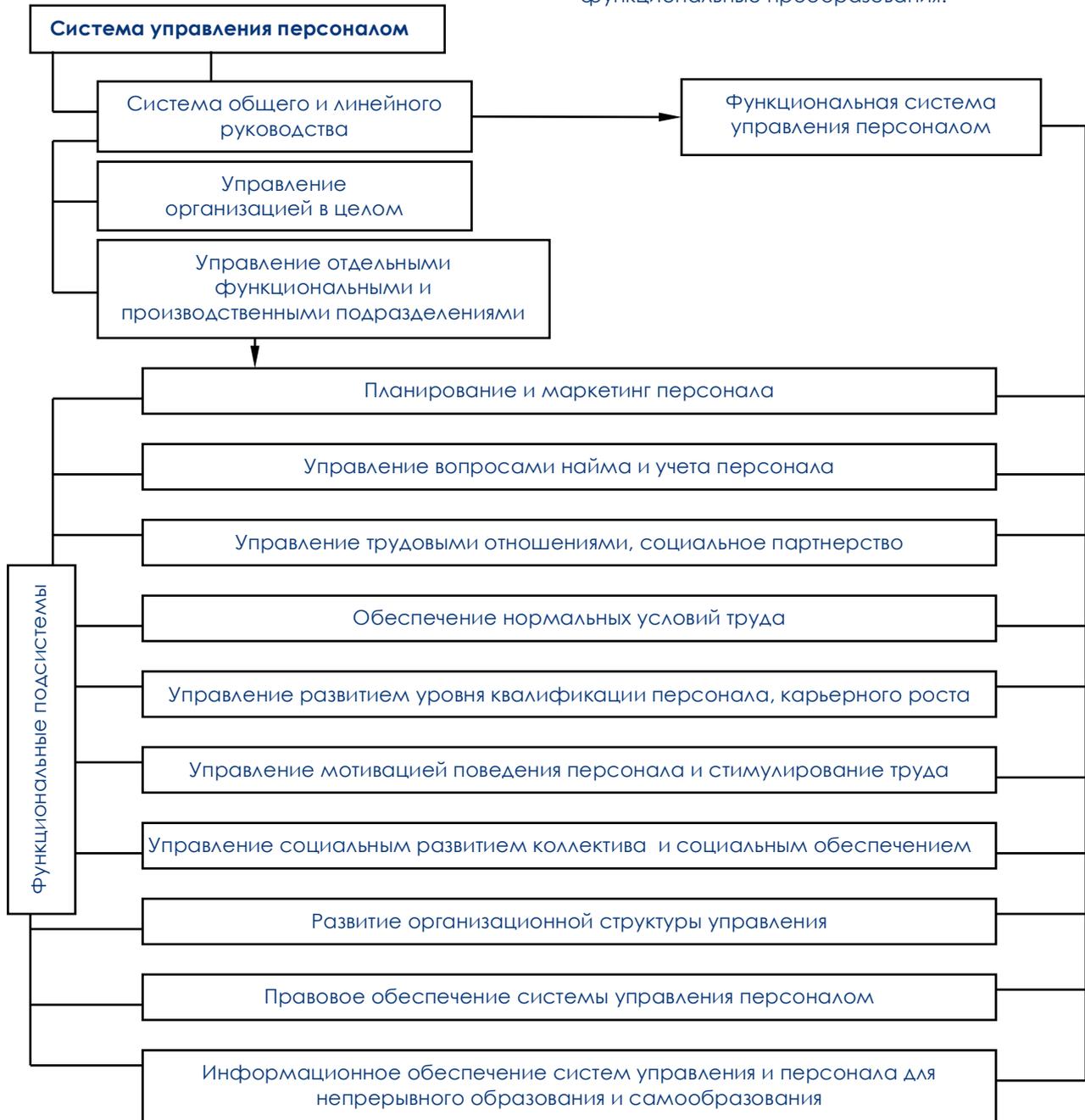

Рис. 1 Примерный состав системы управления персоналом организации

Особым стратегическим направлением антикризисного управления персоналом является разработка и совершенствование профессиограмм, т.е. определение комплекса качеств, которыми должен обладать сотрудник, претендующий на данную должность. В основе профессиограмм, или моделей профессий должны закладываться профессиональные стандарты, которые учитывают будущие потребности в персонале той или иной квалификации и профессии, и которые могут возникать в связи с ориентацией организации на новую стратегию развития. Концепция устойчивого развития антикризисного управления и в том числе управления персоналом побуждает и даже заставляет руководителей организации сосредотачиваться на стратегических, перспективных направлениях работы с персоналом, таких как постоянная массовая переподготовка и (или) повышение квалификации сотрудников организации в связи с переходом на новые инновационные технологии; омоложение кадров путем привлечения молодых специалистов и стимулирования досрочного выхода на пенсию лиц, не «вписывающихся» в систему новых требований и не способных освоить современные методы работы; разработка важных принципов и методов трудоустройства сотрудников при их массовом высвобождении; привлечение широких слоев работников к участию в управлении организацией и пр. [9].

Необходимым и важным стратегическим направлением системы антикризисного управления персоналом является эффективное применение кадрового маркетинга. Этот процесс обеспечивается рядом как известных, так и новых

способов: поиском перспективных студентов уже с младших курсов вузов и колледжей, которым должна предоставляться возможность работы в организации в период учебных практик и каникул с выплатой стипендий за счет ресурсов организации, помощь в прохождении производственной и преддипломной практик, в подготовке к защите дипломных работ по расшифровке узких мест на предприятии; сотрудничеством с государственной службой занятости; использованием частных специализированных фирм в подборе и подготовке менеджеров и другого персонала; взаимодействием с организациями, осуществляющими лизинг персонала, т.е. командируемых работников на время, «напрокат»; организацией прогностических исследований по проблемам подготовки и переподготовки квалифицированных работников организации.

Современной и актуальной задачей антикризисного управления персоналом является формирование надлежащей надежной организационной структуры на предприятиях. Овладение новыми, модернизационными управленческими технологиями невозможно без освоения основ организационно-структурного подхода, дающего интегральное понимание процессов функционирования и развития различных типов организаций с учетом психологических и социально-экономических механизмов поведения людей в условиях сложных кризисных ситуаций. Исследование показало, что в РФ перспективны четыре основных типа организационных структур управления персоналом: органическая, предпринимательская, бюрократическая, партиципативная (таблица 1).

Таблица 1

Перспективные типы организационных структур управления персоналом

Тип организационной структуры	Форма управления	Рычаг управления	Области целеопределения
Органическая	Коллективистская	Авторитет	Групповые интересы
Предпринимательская	Рыночная	Деньги	Максимальная прибыль
Бюрократическая	Бюрократическая	Сила	Воля начальства
Партиципативная	Демократическая	Закон	Интересы законопослушного большинства при обязательном соблюдении прав меньшинства

В одной организации может быть несколько «локальных» структур: одна структура, преобладающая во всей организации, и структура ее частей – уровней, подразделений, профессиональных, национальных, возрастных и других групп. Эти различные субструктуры могут сосуществовать под крышей одной общей структуры.

В зарубежной литературе, посвященной вопросам управления, выделяются четыре типа форм управления (ФУ) и соответствующие им рычаги управления, а также области целеопределения. В полиструктурных организациях наличие таких управленческих форм, которые позволяют отыскивать различные варианты решений возникающих проблем. Например, в случае возникновения конфликта его участники могут апеллировать и к общепризнанным нормам поведения (ФУ – коллективистская), и к соображениям выгоды (ФУ – рыночная), и к установкам властей (ФУ – бюрократическая), и к легитимному мнению большинства заинтересованных участников (ФУ – демократическая). Опыт показывает, что формирование надлежащей организационной структуры – дело сложное и нуждается в постоянном внимании со стороны ведущих руководителей системы управления персоналом [4, 5].

Исследование показывает, что в теории и практике управления в настоящее время используются в основном четыре методики оценки эффективности работы персонала: балльная, БОЭРО, КОУТ и другие.

Балльная методика оценки эффективности работы персонала основана на следующем. Оценка персонала осуществляется с помощью определенного перечня экономических, социально и организационных показателей, которые отбираются методами экспертного оценивания и корреляционного анализа и характеризующих конечные результаты деятельности предприятия, трудовую и социальную деятельность персонала. Для этого вводится экономическое стимулирование

достижения конечных результатов с наименьшими затратами ресурсов и высоким качеством продукции, труда и управления. Процесс соизмерения различных экономических и социальных показателей с учетом их важности осуществляется в комплексном показателе эффективности работы персонала с помощью весовых коэффициентов, определенных методом экспертных оценок и ранговой корреляции. Тогда комплексный показатель эффективности рассчитывается в виде суммы баллов с приведением к процентной шкале измерений (100 баллам). В результате обеспечивается сопоставимость количества и качества труда в производстве и управлении, а также различных подразделений предприятия. Итоговый комплексный показатель может рассчитываться путем суммирования частных показателей эффективности, которые отражают конечные результаты производства, использование ресурсов, социальную деятельность организации и результативность персонала. Частные показатели определяются по результатам выполнения экономических и социальных показателей путем умножения процентов их выполнения на весовые коэффициенты. Весовой коэффициент показывает относительную важность экономического или социального показателя в общей совокупности показателей эффективности. Полученное значение в баллах отражает «вклад» конкретного частного показателя в эффективность работы персонала предприятия.

Метод БОЭРО (балльная оценка эффективности работы организации) основан на определении социально-экономических тенденций развития предприятия любой организационно-правовой формы, его результативности с точки зрения достижения производственных, экономических и социальных целей. В упрощенном виде – это расчет результативности персонала предприятия за конкретный период времени [10]. Тогда эффективность работы предприятия за конкретный период определяется численным значением комплексного показателя

эффективности, характеризующего величину достигнутого результата относительно поставленных целей деятельности. Значение показателя БОЭРО базируется на оценке уровня достижения конечных результатов предприятия, эффективности использования ресурсов, обеспечении социального развития коллектива. Метод БОЭРО помогает определить эффективность работы предприятия и организации, а также их структурных подразделений за квартал, год, пятилетие. С помощью БОЭРО можно подвести итоги соревнований и распределить доходы между структурными подразделениями предприятий.

Комплексная оценка управленческого труда (КОУТ) предназначена для определения вклада конкретного подразделения предприятия (цеха, участка, отдела, службы, бюро, группы, лаборатории) в конечные результаты деятельности предприятия [7, 8]. Она позволяет объективно подводить итоги соревнования между подразделениями, организовать премирование работников по итогам хозяйственной деятельности с учетом их личного вклада, мобилизовать коллективы подразделений на выполнение плановых показателей, повысить трудовую и исполнительную дисциплину. КОУТ является детализацией и развитием БОЭРО применительно к подразделениям предприятия [7, 8]. Базовую основу КОУТ составляют экономические, социальные и организационные показатели,

разделенные на три основные группы: основные, дополнительные и вспомогательные. Самые весомые показатели отражают специфику работы конкретного структурного подразделения и организацию труда персонала и содержатся в статистической отчетности. Вспомогательные показатели характеризуют социальную эффективность персонала. Они содержатся в оперативной отчетности и одинаковы для всех подразделений. Основной перечень и номенклатура показателей КОУТ определяется методами технико-экономического анализа, анкетирования, экспертных оценок, корреляционно-регрессионного анализа на основе последовательных логических итераций. Из рассмотренных определений, положений, методов и методик следует, что для практика (например, менеджера по персоналу) весьма полезной была бы методика, которая объединила бы все изложенное выше и позволила более просто, наглядно и прозрачно производить анализ и оценку персонала фирмы.

Проведенное исследование позволило предложить обобщенную методику оценки персонала фирмы. Сложность задачи состоит в том, что показатели качества (группы качеств), по которым сравниваются претенденты, многочисленны (таблица 2), а кандидаты, уступая своим конкурентам по одним из них, превосходят их по другим качествам.

Таблица 2

Перечень основных показателей КОУТ

Обладание достаточными знаниями и навыками в управлении фирмой и компетентность в вопросах технологии производства в той отрасли, к которой относится фирма (W1)
Способность к разумной инициативе, принятию обоснованных решений и прогнозу (W2)
Склонность к анализу результатов основной деятельности подчиненного коллектива и конкурентов (W3)
Требовательность к сотрудникам, знание их способностей и недостатков, умение использовать сильные стороны сотрудников и нейтрализовать негативные черты (W4)
Целеустремленность, уверенность в себе, умение выделять главное в многообразии задач; неформальный, творческий подход к делу, самообладание и способность работать в стрессовой ситуации (W5)
Знание законов и других директивных документов, относящихся к основной деятельности фирмы (W6)
Умение планировать свой труд и деятельность подчиненных, способность к адаптивному управлению (W7)
Аккуратность и личная примерность в работе (W8)

В этой связи генеральный директор признал целесообразным прибегнуть к математическим методам поддержки управленческого решения. Очень удобна для этого методика решения задачи выбора на множестве вариантов по множеству показателей (Метод БОФа). Алгоритм решения данной задачи можно разделить на ряд этапов:

1) ранжирование (деление) качеств (таблица 2) по важности (R_j) в соответствии с личными предпочтениями лица принимающего решения (ЛПР);

2) определение весового коэффициента каждого показателя (C_j), нормирование весовых коэффициентов показателей (C_j^*);

3) ранжирование претендентов (вариантов) в соответствии с предпочтениями ЛПР по каждому показателю (R_{ji});

4) определение конкретных весовых коэффициентов вариантов (претендентов) по каждому показателю и нормирование полученных результатов (C_{ji});

5) расчет и обоснование обобщенного показателя для каждого варианта (претендента):

$$\bar{W}_i = \sum j C_j^* C_{ji}^i;$$

6) выявление по оптимальному критерию максимального результата лучшего варианта (определение претендента с наибольшим значением обобщенного показателя).

Пусть важность показателей соответствует расположению показателей в таблице 2 ($W1$ – самый важный; $W2$ – наименее важный), а места претендентов, соответствующие показателю в таблице 3.

Таблица 3

Wj	B1	B2	B3
W1	2	3	1
W2	2	1	3
W3	3	2	1
W4	3	1	2
W5	3	1	2
W6	1,5	3	1,5
W7	3	1	-
W8	2	3	1

$B1 = 0,259$; $B2 = 0,362$; $B3 = 0,379$.

Выводы. Таким образом, оценка реального трудового потенциала работника позволяет избирательно подходить к проблеме включения в систему занятости работников организации различным уровнем трудоспособности на различных этапах их жизненного цикла. Дифференцированный подход, основанный на учете трудового потенциала организации, позволяет более эффективно использовать существенную часть трудового потенциала, выявить и получить дополнительные ресурсы труда.

Vodolazhskaya E.L.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING STAFF EFFICIENCY

The article presents the structure of the HR management system of the organization. It is proved that the strategic direction of crisis management of personnel is the development and improvement of professionogram. Provides an overview of alternative methods for evaluating the performance of staff and offered a generalized method that allows selective approach to the problem of inclusion in the employment of workers organizations with different qualities and characteristics of labor.

Keywords:

personnel management, planning and marketing staff, professionogram, organizational structures of personnel management, evaluation of staff performance.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Averianov, B.A., Bagautdinova, N.G., Sarkin, A.V. Estimation of manufacturing enterprise development risks in process of operational activity // World Applied Sciences Journal, 27(13), 2013, 202-206.
2. Baird, Lloyd, and Meshoulam, Ham Managing Two Fits of Strategic Human Resource Management. Academy of Management Review, vol. 13, Ли /, p.p. 116 - 128.
3. Bowen, David E, and Greiner, Larry Moving from Production to Service in Human Resource Management. Organizational Dynamics, Summer 1986, p.p. 1 - 16.
4. Butler, John, Ferris, Gerald, and Napier, Nancy Strategy and Human Resources Management. Soth-Western Publishing, Cincinnati, Ohio, 1991.
5. Ceriello, Vincent Human Resource Management Systems. Lexington, New York, 1991.
6. Drucker, Peter Goodbye to the Old Personnel Department. The Wall Street Journal, May 22, 1986, P. 16.
7. Fitz-enz, Jac Human Value Management: The Value - Adding Human Resource Management Strategy for the 1990s. Jossey-Bass, San-Francisco, 1990.
8. Harrod R.F. Theory of imperfect completion revised. - N.Y.: Economic Essays, 1952.
9. Human Resource Management: Evolving Roles and Responsibilities. Bureau of National Affairs, Washington, D.C., 1988.
10. Samuelson P. Economics: An Introductory Analysis. New York, 1948.
11. Sarkin, A.V., Bagautdinova, N.G., Averianov, B.A. Development of science-intensive strategy in machinery-building company in contemporary Russia// World Applied Sciences Journal, 27(13), 2013, 24-28.
12. Shuller, Randall Repositioning the Human Resource Function: Transformation or Demise. Academy of Management Executive, vol. 4, # 3 P.P. 49 - 60.
13. Walker, James Human Resource Strategy, Mc-Graw Hill, Inc. 1992.

Галихузина Р.Г. к.и.н.

garezeda@yandex.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ПРОБЛЕМЫ ПОДХОДОВ К ИСЛАМСКОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ В ТАТАРСТАНЕ: КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: Одним из дискуссионных вопросов развития отечественного ислама является подходы к его возрождению. В статье исследовано содержание «возвращения ислама», раскрыты особенности его восприятия у основных субъектов исламского возрождения.

Ключевые слова: ислам, религия, ценностный конфликт, религиозная идентичность

Динамичное проникновение ислама в духовную жизнь общества способствовало утверждению позитивной роли религии в России. В тоже время последствия возрождения ислама в регионах традиционного проживания мусульман, ставит перед мусульманским и научным сообществом, вопрос об идеологических основаниях вхождения ислама в быт и общественные отношения российского общества.

Наряду с позитивными результатами более чем двадцатипятилетнего духовного развития (становление системы мусульманского образования, разрастание исламской инфраструктуры, формирование богословской школы) все отчетливее заметны проявления потенциального конфликта отношений и ценностного конфликта внутри мусульманской уммы (митинги, автопробеги деструктивных сил; покушения 2012 г. на представителей Духовного Управления мусульман Татарстана и др.).

С целью определения конфликтогенности процессов происходящих в мусульманской умме в Татарстане необходимо выявить субъекты исламского возрождения, изучить содержание идеологических конструктов которые выдвигаются в качестве модели возвращения ислама.

Дискурс – анализ научных публикаций, анализ документов Духовного Управления мусульман республики Татарстан позволил определить различные подходы и формы, в которых должен существовать ислам с точки зрения различных мусульманских сообществ. В качестве гипотезы исследования выдвигается предположение, что базой конфликта является категория так называемого «традиционного ислама» позиции которых одни мусульмане стремятся укрепить, другие ослабить.

В данной статье не ставится задача рассмотрения процессов возрождения ислама, через призму теологии, мы стремимся изучить сущность возрождения для каждого из его субъектов применяя конфликтологическое знание.

Для определения форм и содержания возвращения ислама в религиозную жизнь общества обратимся к работам исследователей данной области.

Р.М. Мухаметшин под возвращением религии понимает «возрождение традиций предков, которые на протяжении многих веков оберегали от недозволенных новшеств и к началу XX века донесли ее в форме, которая содержала в себе интеллектуальность, гибкость, мобильность, либеральность и первозданность». При этом исламовед приходит к выводу, что вернуть ислам в подобной форме не удалось по той причине, что в религиозное пространство привносится неприемлемое учение, которое не только «не входит в рамки наших религиозных традиций, сколько из –за их ценностных ориентиров, которые признают только замкнутые конфессиональные пространства. Для них не приемлемы постоянные интеллектуальные поиски определения своего места в обществе» [6, 57]. Полагаем, что, данная точка зрения максимально отражает рост

религиозного самосознания мусульман республики, наблюдаемый с начала 90-х годов прошлого века.

Р.М. Мухаметшин указывает, что возрождение традиций осложняется тем, что молодежь принимает любые религиозные догмы, и не проявляет интереса к ханафитскому мазхабу, который исторически бытовал в Поволжье, а светская интеллигенция в свою очередь чрезмерно идеализирует религиозное реформаторство.

По его мнению, теоретические установки в области богословия духовенства не всегда совпадают с позицией национальной интеллигенции. В частности существуют разные трактовки общественно – политических событий и понятий. Вместе с тем он заключает, что интеллигенция не выработала концепции изучения духовного наследия. В основном, в их работах, посвященных национальному возрождению, прослеживаются идеи мусульманского реформаторства и джадидизма.

Р.К. Уразманова обозначает, что «вопрос о соотношении этнического и конфессионального факторов в бытовой культуре российских мусульман заслуживает самого серьезного внимания»[9,164]. Она отмечает, что при обозначении реальных форм бытования ислама, используется термин народный. Д.М. Исхаков так же склонен выделять «исламский этнический пласт в общественном сознании татар» [8, 102]. Оценивая процессы реисламизации татарского общества, происходившие в конце XX века, он исходит из того, что это происходит «не на базе высокого, а так называемого народного ислама», так как исламское наследие татарских богословов недоступно большинству интеллектуалам, не говоря уже о более широкой аудитории [3, 151]. Указывая, на то, что не осмыслен формирующийся новый традиционализм, который выступает против реформаторства и прогресса.

Л.В. Сагитова отмечает, что современный ислам отличается от дореволюционных форм его бытования. Взамен понятию «исламское возрождение» по ее мнению приходит понятие

«исламская глобализация», под которым понимается «заполнение духовной ниши тюрков арабской версии ислама» [7, 441]. Как правило, использование атрибутов этой версии ислама в обыденном сознании вызывает дискуссии в обществе. Наиболее ярко это проблема проявляется относительно ношения одежды свойственной арабской культуре.

Таким образом, многообразие форм ислама и его проявления в обыденном сознании российских мусульман осложняет анализ процессов происходящих в исламском сообществе.

Институционализация походов и представлений об исламе субъектов происходила в разных исторических контекстах испытывала на себе внешнее влияние. Она осуществлялась в основном через многоступенчатую систему мусульманского образования, как в республике, так и за ее пределами. Эти обстоятельства объясняют столь полярные и неоднозначные суждения о месте веры у носителей исламской идентичности. Для понимания особенностей восприятия ислама субъектами перейдем к описанию данных сообществ.

Л.И. Алмазова выделяет три субъекта исламского возрождения в республике: это – ханафиты, защитники местных традиций ислама; суфии-традиционалисты / неотрадиционалисты и салафиты. Используя типологию Шепарда она, объединяет ханафитов – традиционалистов и суфиев в группу неотрадиционалистов. В.Е. Шепард характеризуя эту группу, указывает, что им присущи почитание местных традиций, противостояние западным ценностям и не принятие унитаристских исламских моделей предлагаемых радикальными исламистами. В тоже время В.Е. Шпард отмечает, что неотрадиционалист признает, что некоторые местные традиции не являются собственно исламскими, при этом чтит их, тем самым приспособлявая ислам в местный культурный ландшафт.

Характеризуя салафизм Л.И. Алмазова определяет его как умеренный, ненасильственный, не принимающий западное влияние и местные

искажения «изначально чистых религиозных представлений времен пророка Мухаммеда» [1, 333]. Очерчивая круг разногласий существующих между суфиями и ханафитами – традиционалистами с одной стороны и салафитами с другой она выделяет четыре вида противоречий разделяющие данные группы – это догматика, фикх (мусульманское право), обряды и этика.

В особом рассмотрении нуждается основной субъект возрождения ислама– мусульманское духовенство, которое по своему составу весьма не однородно. По классификации, предложенной Р.М. Мухаметшиным, оно представлено тремя группами: выпускниками мусульманских учебных заведений, обучение которых основывалось на нормативных исламских принципах, оторванного от татарской религиозной мысли; духовенством с высшим или среднее– специальным светским образованием, получивших религиозную подготовку в местных медресе или на краткосрочных курсах в учебных заведения мусульманских стран; представителями народного ислама, выходцами села, составляющих большинство религиозных служителей.

Их взгляды о том, каким образом должно происходить исламское возрождение значительно различаются между собой. Старшее поколение духовенства – представители традиционного ислама, не имеют фундаментальных богословских знаний, в силу того, что их религиозное мировоззрение формировалось в период советской власти, вместе с тем, именно они ставят задачу возродить истинно– татарские традиции.

Молодые имамы, в свою очередь, убеждены в истинности традиций, сложившихся в Саудовской Аравии и соответственно полагают, что существовавшие у российских мусульман в течение веков традиций, противоречат канонам ислама и призывают их искоренять. Особенность формирования подобной позиции по отношению к местным традициям можно объяснить и тем, что используемая в учебных заведениях литература по которым происходило обучение молодых

мусульман преимущественно привозная и в ней не может присутствовать религиозная специфика России. Таким образом, у нового поколения мусульман «формируется убеждение о том, что у российских мусульман не было соответствующих учебников и своей богословской мысли» [4, 78].

По мнению Р.М. Мухаметшина процесс возвращения исламских ценностей характеризуется попытками смены традиционной обрядовой системы. Он подчеркивает, что богословская мысль мусульман России выработала гибкую и интеллектуально-осмысленную модель ислама, вбирающая в себя толерантность и богобоязненность. Молодые же имамы, получившие образование передают «прихожанам представление о религиозной системе, которая формировалась в условиях моноконфессионального общества. Это догматизм, от которого мусульмане России отходили много веков» [4, 78].

О контурах возрождения ислама в Татарстане можно судить по докладу муфтия Г. Исакова, который на III съезде мусульман проходивший в 2006 г., указал, что духовенство, приступив к религиозному обновлению «абсолютизируют роль и значение обрядовой системы» [2, 72]. Особо выделил он необходимость избегать идеологических и догматических крайностей, призвал духовенство выявить приоритетные направления в работе. В своем выступлении он подчеркивает мысль, что у имамов и светской интеллигенции существуют разные подходы к пониманию исламского возрождения. Последние в противовес духовенству связывали его с возвратом в общество традиционных духовных ценностей.

Второй субъект исламского возрождения представлен сторонниками так называемого «чистого ислама» – салафитами и представителями политического ислама (Хиз – бут Тахрир и др.). Главным образом народные формы ислама (проминки на 3-й, 7-й, 40-й дни, институт женского духовенства, посещение святых мест в Болгарах и др.) являются предметом критики с их стороны, при этом существуют иные

непреодолимые разногласия с традиционалистами связанных с мазхабами (правовыми школами) и фикхом. Стремление салафитов к политизации ислама выливались в проявления религиозного экстремизма, и привлечению к ответственности.

Появление салафитов в республике, связано с деятельностью зарубежных проповедников обучавших мусульманскую молодёжь «правильному исламу» как в Татарстане, так и за его пределами.

Необходимо признать, что по проблеме «бидгат» (новшество) т.е. вынесение оценок плохих и хороших нововведений у духовенства так же не единого мнения. Одни полагают, что новшество отдаляет от возрождения истинных канонів шариата, а другие считают их частью этно-конфессиональной идентичности татар.

Отметим, разные точки зрения присутствовали в религиозной жизни мусульманского сообщества региона на протяжении многих столетий. Примеры этого можно обнаружить в работе богослова Г. Утыз-Имяни (1754–1834), который выделяет в религиозной практики своих современников 14 «бидгат» (недозволенных новшествах в религиозной догматике) которые мешают татарам оздоровлению общественной жизни. К их числу он относил: «1. Собираясь в мечети, организуют меджлисы (собрания); 2. Весной, когда нет дождей, организуют «моления о дожде»; 3. Проведение меджлисов в домке покойника на третий, седьмой, сороковой дни; 4. Читают Коран, не зная правил арабского языка; 5. Читают Коран за деньги; 6. Чревоугодничают и др.» [10, 92]. Как отмечает Р.М. Мухаметшин, это говорит «нестолько о нарушениях традиционной религиозной догматики, сколько о функционировании ислама среди татар именно в форме «народного» ислама» [3, 102]. Использование в системе возрождения ислама богословского опыта затруднительно в связи с ее недоступностью, оно «не только не осмысленно в контексте современных проблем, но и не выявлено и не основано до конца [5, 255]. О существовании

проблем с ориентирами исламского развития заявлял заместитель муфтия В. Якупов, указывая что «наиболее важной задачей является более внятное определение богословского самосознания татар в широком мусульманском спектре вариации ислама» [11,3].

Р.М. Мухаметшин подчеркивает, что в обществе не сформировано отношение к духовному наследию и современному ее состоянию, так как «в нем присутствуют разные уровни и типы сознания, разные мировоззренческие ориентации» [8, 112]. Он выделяет типы религиозного сознания, которые формируются в обществе: неотрадиционализм, возрожденчество (именуемый в литературе фундаментализмом), реформаторство. Для сознания неотрадиционализма (сторонники и служители официального ислама) поясняет исламовед характерно приверженность к историческим корням, восприятия ислама как комплекса символов веры – застывших форм религиозного мышления, обрядов и ритуала. Медресе Татарстана преимущественно воспроизводят укоренившуюся богословскую линию, выработанную в учебных заведениях Востока (Бухара, Ташкент), основу которой составляет неотрадиционализм. Он с сожалением признает, что традиции джадидистских учебных заведений, в которых отражается национальная и религиозная идентичность татар, не сохранились.

Носители второго типа религиозного сознания – возрожденчество, по описанию исследователя призывают возвратиться к истокам, отрицают модернизацию религиозного культа, адаптацию веры к имеющимся условиям. По своему составу не многочисленны, идейно неоднородны. Это сознание отражает идеологию второго субъекта исламского возрождения рассматриваемого нами – приверженцы «чистого ислама».

Третий тип религиозного сознания, назван Р.М. Мухаметшин реформаторским. Он свойственен интеллигенции, учащейся молодежи, жителям городов, которые в меньшей степени анализируют сами догмы религии, воспринимая ислам как нравственно-этническую систему, обладая

способностью адаптации к изменяющимся социальным и политическим условиям.

Анализ различных форм исламского возрождения в республике, позволяет сделать следующие выводы. Конфликтологический анализ событий происходящих в мусульманской среде говорит о существовании ценностного и поколенческого конфликта.

База первого кроется в том, что в республике представлены силы, которые формировали религиозное мировоззрение, находясь в разных цивилизационных плоскостях (Саудовская Аравия, Турция, Египет, Средняя Азия). Уразманова Р.К. указывает, что часть молодого «дипломированного» исламского духовенства по причине незнания или необученности не принимает многообразие мусульманской культуры, что приводит к возникновению конфликтов не только в своих приходах.

Основа же второго конфликта связана с неприятием образа жизни одного поколения другим, произошедшего по причине нарушения механизмов передачи культурно – исторической памяти. Что привело к тому, что мусульманская молодежь, оторванная от местной мусульманской культуры, вступает в споры с представителями старшего поколения, хранившего традиции, и понимающие ислам как набор ритуалов.

Проблему сближения позиций молодых мусульман и «старых» имамов могла бы решить выработка теоретических основ деятельности. Владение догматами ислама (использование методов вынесения решений в фикхе) могло бы повысить авторитет почтенных служителей культа в глазах молодых мусульман. Однако в силу того, что теоретические позиции духовенства только начинают складываться реализовать эту технологию примирения будет крайне сложно.

Общественное же сознание воспринимает ислам через призму местных реалий, которые порой разнятся с установками нормативного ислама. Это связано с тем, что, в эпоху атеизма, религиозные каноны у целых поколений мусульман размывались, что привело к трансформации

исламских норм в этнические.

Мусульманское духовенство неоднозначно воспринимает суть исламского возрождения: для одних это формирование исламского образа жизни, для других – это возрождение традиционного уклада жизни народа.

Таким образом, представления различных субъектов о сущности исламского возрождения приобретало различные формы. Народный ислам противопоставлялся привнесённым исламским традициям, как это происходит в случае с традиционалистами. Другая часть мусульманского духовенства, укрепляя позиций ислама в обществе, очищало его от не характерного и чуждого богословия.

Молодые мусульмане, опираясь, на экспортированные версии ислама, отвергли сложившиеся обычаи и обряды, что приводило часть из них к формированию экстремистского сознания и поведения.

Утраченные традиции суфизма (накшбандийского направления) распространённые в регионе могли бы противодействовать экстремистской идеологии. В то же время среди духовенства нет единого мнения о месте суфизма в духовной жизни татар.

Таким образом, выкристаллизовываются следующие подходы к проблеме исламского возрождения. Мусульманское духовенство ориентировано на распространение общих религиозных знаний об исламе. Мусульманская молодежь недопонимает ценности ханафитского мазхаба, что содержит в себе конфликтен в виде угроз внутриконфессиональному и межконфессиональному единству.

Сторонники салафизма отрицают достижения исламской мысли, не представляя организованного сообщества, в то же время, концентрируют в себе идеологию протеста, тем самым вызывают к себе симпатию молодых мусульман. Отсутствие в регионе живых авторитетных суфиев та же не позволяет делать возможным распространение суфизма в республике. Уже сейчас носители неотрадиционализма (мусульманское

духовенство) и возрожденчества (молодые мусульмане, сторонники политического ислама) прибывают в потенциальном конфликте отношений базу, которого составляет сложно разрешаемый ценностный конфликт и конфликт поколений. Только понимание общих интересов позволит перейти новой форме поведения, обеспечивающий полное преодоление разногласий внутри конфессионального сообщества в будущем российского ислама.

Резюме:

Возрастание религиозного фактора в жизни общества ставит необходимость рассмотрения вопроса относительно форм, путей и содержания возвращения ислама в общественные отношения. Будут ли исламское возрождение в российских регионах основываться только на канонах и догмах ислама, какое место в нем займет мировое и отечественное богословское наследие, либо это будет возврат к дореволюционному религиозному опыту или ислам, возвратиться к формам существовавшим в советский период сказать однозначно сложно. На формирование различных уровней религиозного сознания субъектов исламского возрождения повлияли такие факторы как культурно – исторические условия, в которых формировалось религиозная идентичность субъектов, их социальное происхождение, и возрастные характеристики. Проведенный анализ выявил следующие религиозные уровни сознания, существующие у мусульман республики: неотрадиционализм, возрожденчество (именуемый в литературе фундаментализмом), реформаторство. Для сознания неотрадиционализма (сторонники и служители официального ислама) характерно приверженность к историческим корням, восприятия ислама как комплекса символов веры – застывших форм религиозного мышления, обрядов и ритуала.

Носители второго типа религиозного сознания – возрожденчество, призывают возвратиться к истокам, отрицают модернизацию религиозного культа, адаптацию веры к имеющимся условиям.

По своему составу не многочисленны, идейно неоднородны. Это сознание отражает идеологию второго субъекта исламского возрождения рассматриваемого нами – приверженцы «чистого ислама».

Третий реформаторский тип религиозного сознания свойственен интеллигенции, учащейся молодежи, жителям городов, которые в меньшей степени анализируют сами догмы религии, воспринимая ислам как нравственно – этническую систему, обладая способностью адаптации к изменяющимся социальным и политическим

условиям. Носители идей возрожденчества (молодые мусульмане, сторонники политического ислама) и неотрадиционализма (официальное духовенство) уже сейчас являются участниками потенциального конфликта отношений базу, которого составляет сложно разрешаемый ценностный конфликт и конфликт поколений. Только понимание общих интересов сформирует новую норму взаимодействия, способствующая преодолению разногласий внутри конфессионального сообщества в будущем.

Galikhuzina R.G.

PROBLEMS OF THE APPROACHES TO THE ISLAMIC REVIVAL IN TATARSTAN: CONFLICTOLOGICAL ANALYSIS

One of the debatable issues of development of the national of Islam is the approaches to its revival. The article investigates the content of "return of Islam", the author reveals the peculiarities of perception of the main subjects of the Islamic revival.

Keywords: Islam, religion, value conflict, religious identity.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алмазова Л.И. Современные религиозные дискуссии в Волго-Уральском регионе: о чем не могут договориться между собой мусульмане? / 1-ый Казанский международный научный форум «Ислам мультикультурном мире», 1-3 ноября 2011.– Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2012. – 608 с.
2. Доклад Председателя ДУМ РТ, Муфтия Гусмана хазрата Исхакова на III Съезде мусульман Республики Татарстан, 20 февраля 2006.–Казань. –76 с.
3. Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография (этническая история татарского народа). – Казань: Татар.кн. изд-во, 2005.– 159 с.
4. Мухаметшин Р.М. Система мусульманского образования в современной России: Сборник материалов и научных статей «Развитие исламского теологического и религиозного образования в России и за рубежом». – М., 13-14 ноября 2008. – 125 с.
5. Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстан). – Казань: Фэн, 2003. – 303 с.
6. Мухаметшин Р.М. Ханафитский мазхаб в Центральной России: история и современность / Вестник Московского исламского университета. – № 2. – 2010. – С. 51– 59.
7. Сагитова Л.В. «Старый » и «новый» ислам в Волго-Уральском регионе: социология диспозиций / 1-ый Казанский международный научный форум «Ислам мультикультурном мире», 1-3 ноября 2011.– Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2012. – 608 с.
8. Современные национальные процессы в Республике Татарстан. – Выпуск II. – Казань, 1994.– 115 с.
9. Уразманова Р.К. Праздничная культура и культура праздников татар. XIX – начало XXI вв. Историко – этнографические очерки. – Наб. Челны, Духовно-деловой центр «Ислам Нуры», 2013. – 189 с.
10. Юзеев А.Н. Татарская религиозно – реформаторская мысль (XIX – начало XX вв.). – Казань: Татар.кн. изд-во, 2012. – 287 с.
11. Якупов В. Имидж и умма /Звезда Поволжья.–№ 42(444), 31 октябрь – 12 ноября 2008 г.

Гараева А.М.

alsou-garaeva@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ИСЛАМОФОБИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ: СУЩНОСТЬ, ПРАКТИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация: Исламский ренессанс повлек за собой многоплановые реакции, в том числе и негативные, одной из которых является исламофобия. Объективные события, такие как террористические акты, как на территории нашей страны, так и за её пределами, поддерживают постоянное внимание к данному вопросу. Вполне естественно, что на бытовом уровне могут расти конфликтные случаи между представителями двух культур, в то время как в аналитической среде все больше говорят о росте исламофобии – увеличении

Исламофобия является сложным по своей сути и новым для российского общества феноменом, и у исследователей встречаются различные трактовки этого явления, среди которых:

1. «боязнь и ненависть к исламу и мусульманам, присущие СМИ всех уровней и распространенные во всех слоях общества» [10];
2. «действия и высказывания, оцениваемые мусульманами как враждебные исламу» [5].
3. «разновидность ксенофобии, собирательное определение для различных форм негативной реакции на ислам, а также на связанные с этой реакцией общественные явления» [1].
4. «боязнь Ислама как явления непонятного и в силу этого – пугающего, либо же страх перед Исламом как перед осознанно враждебным феноменом» [4].

Мы же под исламофобией будем понимать идеологию и социальную практику социального исключения верующих мусульман из равноправного российского согражданства и публичной жизни. Это практики не включения мусульман в круг ин группы, а восприятие их как

числа людей, боящихся мусульман. В данной статье мы попытаемся разобраться, можно ли сводить термин «исламофобия» к такому буквальному его пониманию.

Ключевые слова: суеверие, средства массовой информации, мифы.

представителей аутгруппы. Действия и представления, которые можно расценить как исламофобские, могут быть адресованы как «конкретному» приверженцу Ислама, так и по отношению к всем мусульманам в целом. В таком ключе исламофобия трактуется нами, с одной стороны, как явления, оцениваемые мусульманами, как проявление негатива по отношению к ним, с другой стороны, как явления, оцениваемые как враждебность с позиции немусульман. Поэтому, при изучении исламофобии стоит в первую очередь опираться на субъективное понимание, объяснение, интерпретацию фактов социальной жизни.

Можно выделить пять основных сфер проявления практик исламофобии. Трудовая сфера, где могут возникать противоречия по религиозному признаку между работодателем и наемным работником. Политическая сфера связана с политической исламофобией, т.е. действиями, реализуемыми государственными и административными структурами. Религиозная сфера включает в себя возникающие противоречия относительно религиозных норм внутри мусульманского сообщества. Основной проблемой идеологической сферы является неотрегулированность соотношения принципов светскости, с одной стороны, и принципов свободы совести, с другой. И сфера образования, где так же актуален вопрос разграничения этих принципов.

Близким по значению к термину «исламофобия» является «мусульманофобия» - боязнь непосредственно самих мусульман. Однако некорректно отделять религию от её носителей, поэтому в данной работе, мы эти понятия разводить не будем, мусульманофобия будет подразумеваться в рамках более широкого понятия «исламофобия».

Каковы составляющие исламофобии? На данный момент исследователи анализировали большей частью «немусульманские» регионы, где различные аспекты мусульманской культуры, вызывают отторжение, неприязнь, непонимание. Поэтому такие составляющие исламофобии, как например, нападки на Ислам как на проблему современного мира; порицание Ислама и его истории как экстремистских; отказ от признания, что большинство мусульман нашего времени – мирное население; настаивание на том, чтобы мусульмане приняли образ жизни «немусульман» (имеется в виду, что на территориях, где мусульмане не являются коренным населением, они должны «жить по правилам» коренного); рассмотрение всех конфликтов с участием мусульман как ошибок самих мусульман; подстрекательство к борьбе с мусульманами и с Исламом в целом [11] - всё это может быть свойственно многим регионам России, с преобладанием русского населения. Можно ли выделить подобные составляющие в Татарстане – предмет актуального изучения. Исламофобия в республике обладает своим собственным содержанием, специфическими практиками.

Существуют различные аспекты исламофобии, поэтому

целесообразно выделить её виды. Условно первый вид - исламофобия, которая присуща средствам массовой информации – это, например, интолерантные высказывания, расцениваемые как враждебные исламу или некорректная подача информации. В данном виде можно отдельно выделить боязнь Ислама, проявляющуюся в электронных СМИ, т.е. в Интернете, веб-сайтах. В качестве примера изучения исламофобии в таком ключе, можно привести результаты авторского пилотажного исследования. Оно было направлено на подтверждение одной из возможных причин формирования исламофобии. В силу того, что Интернет становится более популярным средством получения информации у россиян, были проанализированы новостные порталы www.newsru.ru, www.voanews.com, www.kp.ru, www.rian.ru, www.vesti.ru, www.lenta.ru с целью выявления основных направлений освещения ислама. Исследование проводилось в марте 2011; были отобраны 115 статей, содержащих ключевое слово поискового запроса – «ислам».

Было выявлено, что только 16% (по объему 14,5%) новостей затрагивают «ислам» в положительном ключе, остальные 84% (по объему 85,5%) новостей позиционируют ислам с негативных сторон. Более того, почти половина сообщений по запросу «ислам» посвящена военным действиям, конфликтам и действиям политиков в связи с этими конфликтами. Можно составить рейтинг преобладания определенной тематики в новостных публикациях:

- 1) 45,3% - новости, связанные с военными действиями, военными конфликтами и действиями политиков в связи этими конфликтами;
- 2) 8% - новости культурного значения;
- 3) 8% - новости, связанные с преступлениями, совершенными мусульманами;
- 4) 7% - новости об исламе как угрозе;
- 5) 7% - новости об обращении к радикальному исламу;
- 6) 5% - новости, связанные с терроризмом;
- 7) 5% - новости, связанные с неприятием норм шариата;

8) 3,5% - новости о причинах принятия мусульманства;

9) 2,6% - новости об «оправдании» ислама;

10) 0,9% - новости о проблемах мусульманских общин;

11) 0,9% - новости о положительной деятельности мусульман;

12) 0,9% - новости о признании норм шариата;

13) 0,9% - новости о смерти политических лидеров мусульман.

Получается, что человек, который просто хочет узнать свежие новости об исламе на наиболее популярных новостных Интернет-порталах, большей частью получает негативную информацию. Средства массовой информации в лице сети Интернет позиционируют негативные установки об исламе, связывая его, прежде всего, с такими понятиями, как «война», «бой», «армия», «битва», «насилие» и т.д.[3] Чтобы исламофобия в обществе, не росла, а сходила на нет, необходима разносторонняя подача информации о мире ислама. На количество новостей с негативным оттенком, например, теракты, повлиять сложно, однако, политику освещения «мирного» ислама можно формировать.

СМИ так же обладают свойством закреплять стереотипные устойчивые выражения, зачастую неверно иллюстрирующие тот или иной социальный факт. Например, на сегодняшний день, выражение «исламская угроза» прочно вписалось в сознание россиян[6]. Корректнее было бы употреблять словосочетание «исламистская угроза», однако различие между этими понятиями до сих пор осознается не всеми. Исламская – угроза, исходящая непосредственно от самого ислама. Исламистская – угроза, связанная со сторонниками ислама, и такая угроза в той или иной степени действительно существует.

Второй вид можно назвать «политической» исламофобией, присущей высшим эшелонам власти и преследующей определенные политические цели. Ярким примером является ситуация в Швейцарии, где Швейцарская народная

партия инициировала общенациональный референдум о запрете строительства минаретов. После масштабной пиар-кампании, жарких дискуссий и самого референдума, запрет был узаконен. Российские СМИ сразу «окрестили» этот шаг как проявление исламофобии в швейцарском обществе[9]. Однако, даже если «исламофобские» мотивы в данном примере и присутствуют, они явно носят политический характер. Не смотря на то, что субъектом исламофобии в результате оказалось население Швейцарии, инициатором были политические структуры, которые подняли вопрос об уместности минаретов на территории страны. К «политической» же исламофобии можно отнести «государственную» исламофобию силовых и чиновничьих структур, то есть проявления страха перед мусульманами на государственном, в частности законодательном, уровне. Примером такой исламофобии является приказ Министра МВД РФ 12/309 от 9 июля 2003 года о проверке женщин в головных уборах и в мусульманских платках как потенциальных террористок. Данный приказ получил широкую известность под названием «Операция Фатима». Подобные проявления исламофобии могли возникнуть в Республике Татарстан после террористических актов, произошедших летом 2012 года в Казани.

И, наконец, третий вид, который может быть условно назван массовой («бытовой») исламофобия. К этому виду можно отнести неприязнь к мусульманам на этнической почве, которая чаще всего базируется на нерелективном отторжении и предвзятом отношении к мигрантам из традиционно мусульманских регионов. Здесь стоит разграничить понятия «исламофобии» и «ксенофобии». Ксенофобия имеет несколько значений. Буквально, в переводе с греческого, ξένος – чужой, φόβος – страх, то есть боязнь чужого. Это может быть навязчивый страх перед незнакомыми лицами; или ненависть, нетерпимость к кому-либо, чему-либо чужому, незнакомому, непривычному.[7] Отсюда представление о том, что исламофобия – это вид

ксенофобии, что нам представляется в корне неверным. Ксенофобия – это неприязненное отношение ко всему неизвестному, непонятному, чужеродному. И говоря о том, что исламофобия является видом ксенофобии, мы автоматически теряем из поля зрения исламофобию тех, для кого Ислам и мусульмане являются, в принципе, знакомыми, понятными явлениями, например, средства массовой информации. Более верным видится, представление ксенофобии как одной из причин существования исламофобии. В российском обществе нарастает ксенофобия, и одновременно растет и исламофобия. Усиление исламофобии привело к тому, что она устойчиво вошла в сознание значительной части населения.[5] «Бытовая» исламофобия имеет субъективные причины: она произрастает из расизма, ксенофобии, экономической и социальной неустроенности, каких-то личных обид.[8]

Каково соотношение бытовой и повседневной исламофобии? Повседневная – это практики негативного реагирования на мусульман, с которыми люди сталкиваются не только в частной, но и в публичной жизни. Это реальные жизненные ситуации социального исключения верующих мусульман из публичного пространства. Получается, что повседневная исламофобия включает в себя довольно широкий круг практик, т.к. это могут быть как примеры массовой бытовой исламофобии, так и политической.

Распространению исламофобии в России и в других странах способствуют так же объективные причины: всемирный «исламский бум», демографический рост численности приверженцев ислама, рост религиозного самосознания, «антиисламская» политика государства и «предвзятое» освещение ислама в СМИ. Однако все эти причины могли лишь косвенно повлиять на формирование исламофобии в Татарстане. Объяснение исламофобии кроется в реальных событиях, и, главное, в восприятии нами этих событий. Объективные события, которые могли поспособствовать росту страха – это конфликты на

Северном Кавказе, рост национализма в «мусульманских республиках» (в частности, в Татарстане), нарастающий миграционный приток, терроризм.

Примером изучения исламофобии с помощью дискурс-анализа может являться анализ интернет-сайтов mecheti.net и open-letter.ru. Объединяет эти два сайта и отличает от множества других то, что они посвящены конкретным проблемам строительства мечетей в двух российских городах – Москве и Наро-Фоминске. Активная группа жителей обоих городов написала коллективное письмо президенту Российской Федерации с просьбой запретить строительство мечети близ их домов. Тексты писем опубликованы на сайтах и затем развернулась широкая дискуссия. Нам показалось важным проанализировать обе ситуации. Дискурс-анализ позволил выявить, что большинством посетителей этих веб-сайтов ислам воспринимается как большая проблема современного общества, так как, по их мнению, он учит ненависти и насилию. Мусульмане, в свою очередь, воспринимаются как преступники, которым характерна непредсказуемость. Демонстрируется фрагментарное и поверхностное знакомство со священным писанием мусульман – Кораном. В лице мусульман обнаруживается угроза для мирного существования «немусульманского» населения нашей страны.

При этом посетители сайта хорошо осведомлены о традициях, религиозных ритуалах и обрядах мусульман, поэтому могут спрогнозировать, какие следствия будет иметь строительство мечети возле их домов; возможность таких изменений вызывает недовольство. «Исламофобские» высказывания зачастую пересекаются с «ксенофобскими»: присутствуют призывы к возвращению мигрантов на родину, призывы к борьбе с «чужими».

На сайтах и open-letter.ru, и mecheti.net оставившие свой комментарий делятся на две поляризованные группы – те, кто против строительства культового сооружения и,

соответственно, против мусульман и ислама, и тех, кто поддерживает строительство мечети и выступает в качестве защитников ислама и его последователей. Анализ показал, что большей частью преобладают негативные высказывания в адрес ислама и мусульман. На open-letter.ru («защитников») пропорционально больше, чем на сайте mecheti.net, и это отразилось на радикальном характере высказываний посетителей open-letter.ru, на остроте полемики. В целом, «защита» ислама на данных интернет-сайтах представлена слабо, аргументы зачастую не продуманы.

Было выявлено, что для массового сознания характерно смешение таких понятий как «исламский» и «исламистский», отождествление этнических и религиозных признаков, слияние понятий «мигранты» и мусульмане».

Основными источниками получения информации о мусульманах и исламе для посетителей сайтов являются рассказы близких и знакомых людей, средства массовой информации и Интернет. Была выявлена следующая закономерность: наличие негативной установки, опирающейся на полученную из внешних источников информации, предопределяет и влечет за собой негативное отношение к последователям ислама и к религии в целом.

Резюме:

Исламофобия - это идеология и социальная практика социального исключения верующих мусульман из равноправного российского гражданства и публичной жизни. Понятие «исламофобии» не тождественно понятиям «мусульманофобия» и «ксенофобия». Можно выделить пять основных сфер проявления исламофобии: трудовая, политическая, религиозная, идеологическая и сфера образования. Исламофобия условно делится на три вида: политическая, бытовая или массовая и исламофобия средств массовой информации.

Garaeva A.M.

ISLAMOPHOBIA IN THE MODERN SOCIETY: CONTENTS, PRACTICES AND OPPORTUNITIES OF RESEARCH

Islamic renaissance led to multi-dimensional reactions, including negative, one of which is Islamophobia. Objective events such as terrorist attacks both on the territory of our country and abroad maintain a constant attention to this issue. It is quite natural that at the domestic level conflicts may arise between representatives of two cultures, while in the analytic environment there are more and more talks about the growth of Islamophobia – increase of number of people who are afraid of Muslims. In this article we will try to clarify whether it is possible to reduce the term "Islamophobia" to such a literal understanding.

Keywords: islamophobia, islamic renaissance.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бокова Н. Существует ли исламофобия в России? – 2010.
<http://www.islamonline.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1455:2010-02-12-08-52-58&catid=35:analysis&Itemid=18> (27.04.2014)
2. Васильев Л.С. Ислам и террор // *Общественные науки и современность*. - 2006. - № 1. - С. 83 - 90.
3. Гараева А.М. Влияние СМИ на формирование исламофобии в современном российском обществе // *Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского университета 2011 года (сборник статей)*. Казань: Издательство Казанского университета. 2011. – 568с.
4. Ежова Ф. Исламофобия в России и ее виды: частное мнение мусульманского аналитика. - 2007. < <http://www.islamnews.ru/news-7892.html>> (27.04.2014)
5. Крымин А.В., Энгельгардт Г.Н. Исламофобия // *Отечественные записки*. – 2003. - №5
6. Малашенко А. Ислам для России. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 192 с.
7. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 5. – М.: Большая Российская энциклопедия, ООО «ТД «Издательство Мир книги», 2007. – 512 с.
8. Сотниченко А. Исламофобия в России: история возникновения и современное состояние // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. – 2008. - №6. – С. 32-43.
9. Степанова Н. Пейзаж без минарета // *Московский комсомолец*. – 2009. - №271. – С.6.
10. Conway, G. Islamophobia: A Challenge For Us All // *Summary Runnymede Trust*. - 1997.
<<http://www.runnymedetrust.org/uploads/publications/pdfs/islamophobia.pdf>> (27.04.2014)
11. Spencer, R. *The politically incorrect guide to Islam and the Crusades* – Washington: Regnery publishing, 2005. – 297 p.

Кузина Н.А.,
Старостина Т.Ю.

kunata1980@mail.ru
starostinastu@mail.ru

КАЗАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Казань, Россия

КОНТРОЛЬ УРОВНЯ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: В работе авторов предлагается подробное описание и текст программы для Excel, которая предназначена для организации самоконтроля учащимися своего уровня знаний путем тестового контроля по изучаемому предмету.

Ключевые слова: студенты технического вуза, информационные компьютерные технологии, тестовый контроль уровня знаний.

Переход к двухуровневой системе высшего профессионального образования и варьирование учебной нагрузки в зависимости от направления подготовки студентов приводит зачастую к значительному сокращению часов на изучение общеобразовательных дисциплин. В связи с этим, весьма актуальным становится вопрос о совершенствовании методов и форм контроля знаний студентов [1]. Контроль знаний осуществляется в различных формах – письменные работы, отчеты, доклады, рефераты, коллоквиумы. Тестирование является одной из форм контроля знаний студентов. Трудоемкость этого процесса делает актуальным применение информационных компьютерных технологий [2,3].

Тестовый контроль [1] знаний с помощью билетов, содержащих вопросы с вариантами ответов, в настоящее время широко распространен в вузах. Его используют на приемных экзаменах, при проведении текущих экзаменов и при фронтальных проверках знаний, на коллоквиумах. Ярким примером является также проверка знаний выпускников школ по всем предметам на ЕГЭ. Тестовая форма контроля знаний в вузах имеет ряд достоинств перед традиционной:

- возможность организации систематического контроля большого количества студентов одновременно при небольших затратах времени; возможность организации для студентов самоконтроля без привлечения преподавателей;

- высокая объективность проверки знаний студентов, ее независимость от преподавателя;

- возможность поставить перед каждым студентом индивидуальный круг вопросов, охватывающих все темы пройденного раздела [1].

Изучение тенденций развития образования в контексте формирования современных общекультурных и профессиональных компетенций у студентов технического вуза [5], выявило необходимость применения информационных компьютерных технологий как важного средства развития профессиональных знаний студентов. Это, в первую очередь, относится к студентам вечерней и заочной форм обучения, студентам дневного обучения с малым количеством программных часов по ряду предметов, а также студентам с дистанционными формами обучения. Для улучшения качества образования в настоящее время интенсивно разрабатываются и широко применяются учебные курсы с компьютерной поддержкой в виде модульных электронных учебников; виртуальные лабораторные исследовательские практикумы; лекции с применением мультимедийных средств для качественного изображения рисунков, формул, графиков, показа фильмов, демонстрирующих проявление изучаемых явлений и законов [6]. Все эти компоненты должны входить в единый учебно-методический комплекс, в рамках которого все средства обучения – и традиционные, и компьютерные – должны функционировать как единое образовательное пространство.

Обязательной составляющей этого комплекса является, по нашему мнению, наличие программ для проведения тестового контроля и оценки усвоенных студентами текущих и итоговых знаний с применением информационных компьютерных технологий [4]. Наличие таких программ может также обеспечить проведение студентом

самоконтроля, самооценки своих знаний на любой стадии учебного процесса, что, несомненно, важно для самопроверки понимания изучаемого предмета и своевременного выявления непонятных моментов. Контролирующая программа, составленная для персонального компьютера, должна по запросу студента предлагать ему серию вопросов по изучаемому разделу. Чтобы вопросы не повторялись очень часто, необходимо составить достаточно большую базу контрольных вопросов, из которой контролирующая программа будет случайным образом выбирать конкретные вопросы. Ответы на контрольные вопросы могут быть различного типа: в виде выбора из предлагаемых ответов, путем конструирования ответа из предлагаемых элементов, путем указания связей с предлагаемыми ответами или путем ввода числового или текстового ответа. После ответа на вопросы программа должна показать студенту, в каких вопросах он ошибся (без указания правильного ответа, чтобы он еще раз внимательно изучил материал и сам разобрался в своей ошибке) и выставить ему оценку. На наш взгляд, такой способ проверки уровня знаний позволяет интенсифицировать процесс обучения, так как предоставляет студенту большую самостоятельность и возможность опережать стандартный учебный процесс. Слабым студентам, и вследствие этого часто очень стеснительным, эта программа дает возможность повторно изучать предмет и самостоятельно контролировать свой уровень знаний.

Применение такой системы контроля знаний особенно важно для студентов вечерней и заочной форм обучения, а также для студентов с дистанционной формой обучения. Возможность анализа и корректировки своих знаний с помощью тестового самоконтроля на компьютере восполняет отсутствие индивидуального подхода в обучении студентов, способствует их творческому саморазвитию, самореализации и активизации сознательного и систематического изучения курса.

Описываемая в данной работе программа для проведения тестового контроля была создана на кафедре физики Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ) и успешно применяется на протяжении нескольких лет для проверки знаний при проведении коллоквиума [4]. Для оценки знаний создана база данных, содержащая более тысячи вопросов, по всем разделам курса физики. Как показал опыт, применение такой системы не только значительно облегчает труд преподавателя по проверке знаний, но и позволяет студентам неоднократно проводить самоконтроль для восполнения недостающих знаний. Студенты предпочитают проходить тестовый контроль с помощью информационных компьютерных технологий, поскольку он является более объективным и менее стрессовым [1].

Для получения высокого качества проверки и оценки знаний очень важно при создании базы данных контрольных вопросов иметь в виду цели, которые ставятся при изучении конкретного курса. Так, например, изучение курса общей физики преследует следующие цели:

1. Создание у студентов целостной системы знаний, формирующей физическую картину мира;
2. Обучение умению строить физические модели и решать конкретные задачи заданной степени сложности;
3. Приобретение студентами навыков проведения физических экспериментов и исследований;
4. Обучение самостоятельной работе;
5. Создание устойчивой мотивации у студентов на саморазвитие общекультурных и профессиональных компетенций;
6. Формирование профессионального интереса к эффективным технологиям и инновациям на базе знаний законов физики;
7. Обучение методам самостоятельного повышения уровня знаний на базе традиционных и современных информационных компьютерных технологий.

Следует отметить, что, несмотря на множество достоинств тестового контроля с помощью информационных компьютерных технологий, он имеет ряд чисто технических проблем в плане создания тестов и их постоянного обновления. Эти проблемы заключаются в следующем:

1. Необходимость организации возможных вопросов в виде базы данных, чтобы их можно было регулярно просматривать, исправлять, корректировать, исключать, добавлять новые;
2. Трудоемкость составления из вопросов базы одинаковых по сложности билетов;
3. Для предметов физико-математического и технического уклона имеется дополнительная сложность, связанная с необходимостью использования в текстах вопросов формул, графиков, диаграмм и рисунков.

Современная вычислительная техника позволяет автоматизировать и облегчить все вышеперечисленные виды работ по организации базы вопросов и составлению билетов для тестового контроля. В данной работе дается описание достаточно простой программы, созданной на базе Excel, позволяющей проводить тестовый контроль на компьютере и помогать преподавателям решать вышеперечисленные технические проблемы.

Задачи и возможности программы

Первая задача программы – организация и поддержка базы данных, состоящей из вопросов и вариантов ответов. Она включает выполнение следующих функций: ввод текстов вопросов и ответов (с формулами, графиками, рисунками), их просмотр и коррекцию, уничтожение, добавление новых. Программа позволяет делить тему контроля на десять подтем, для каждой подтемы в базе число вопросов ограничено объемом таблицы Excel. Под текст каждого вопроса с ответами отводится область в четыре строки по 90 символов, в которые помещаются также формулы, графики или рисунки.

Вторая задача программы – комплектование билетов с заданными параметрами из созданной базы. Программа позволяет произвольно задавать

следующие параметры: название контролируемого раздела знаний и название контролирующего подразделения; число вопросов в билетах; число билетов; номер серии комплекта билетов. Также необходимо задать баллы сложности вопросов, из которых программа будет комплектовать билеты с одинаковой суммарной сложностью, при этом используется следующая градация сложности вопросов: 1 – самый простой, 2 – средний по сложности, 3 – самый сложный. Такими баллами оцениваются вопросы преподавателями при их вводе в базу данных.

Третья задача программы – организация непосредственно самого контроля в виде диалога с контролируемым. При своей работе программа случайным образом выбирает из базы вопросы и выдает их на экран монитора. Вопросы с вариантами ответов выдаются поочередно, их число при каждом опросе равно числу подтем, а баллы сложности вопросов соответствуют заданным при организации базы.

Работа с программой

При запуске программы из файла (с расширением .xls), в котором она находится, будут появляться сообщения, вызванные ее защищенностью паролем. На эти сообщения необходимо отвечать: "Не отключать макросы" или "Только для чтения". Если установленный уровень безопасности для Excel на Вашем компьютере "Высокий", то программа сообщит об этом и работать не будет, для дальнейшей работы необходимо сначала установить "Средний" уровень безопасности с помощью цепочки меню: Сервис-Макрос-Безопасность. Далее при продолжении работы программы на экран монитора выводится общая информация о программе и просьба нажать кнопку с надписью "Начало". После нажатия этой кнопки программа свяжется с базой данных, выведет тему контроля и названия подтем, последует просьба нажать кнопку "Старт". Нажатие этой кнопки запускает процесс выбора вопросов и выдачу их на экран. Контролируемый должен следовать инструкциям, выдаваемым программой и набирать на клавиатуре номера правильных ответов (конец

ответа – нажатие клавиши Enter или мышкой Ok). Программа сообщает о правильности ответа и дает команду о переходе к следующему вопросу. После ответа на все вопросы программа выдает на экран таблицу о правильности ответов и выставляет оценку по пятибалльной системе, следуя критериям государственного централизованного тестирования. Выход из программы происходит при нажатии кнопки с просьбой показать данные преподавателю.

Организация базы данных

Все функции по созданию и работе с базой данных выполняются средствами Excel. Для организации базы вопросов-ответов надо создать файл с названием Baza.xls, содержащий листы для каждой подтемы с названиями: «Тема1», «Тема2», ... (без кавычек). В каждый такой лист вводится название соответствующей подтемы в ячейку E1, а также тексты вопросов для данной подтемы с вариантами ответов. Под каждый вопрос отводится 5 строк, первая строка содержит номер вопроса (ячейка A), балл сложности вопроса (ячейка B) и номера правильных ответов из диапазона 1-9 без пробелов (ячейка C). Следующие четыре строчки отводятся под текст вопросов с ответами в произвольном порядке, сюда также при необходимости помещаются формулы, графики, рисунки с помощью меню Excel (вставка-объект). Например, для ввода формул вызывается программа Microsoft Equation, для графика или рисунка вызывается программа точечный рисунок BMP. Все содержимое вопроса с ответами должно визуально находиться в пределах полей A-J. Первый вопрос вводится со строки с номером 20, следующие со строк, кратных пяти, признаком конца базы является отсутствие вопросов. Кроме листов с названиями: «Тема1», «Тема2» ... необходимо для правильной работы программы завести чистый лист с названием «Лист1». Для предотвращения доступа к информации базы, все листы с данными (исключая «Лист1») и сам файл необходимо скрыть и защитить паролем, используя возможности Excel [1].

Задание параметров для генерирования билета

Параметры для генерирования билетов задаются в листе «Тема1» в следующих ячейках: название контролирующего подразделения (P9); название общей темы контроля (ячейка P10); число вопросов в билете (P14); номер серии билетов (P15); баллы сложности вопросов билета в произвольном порядке (в ячейках P12, Q12, ... по числу вопросов в билете).

Состав программы

Программа контроля написана на языке Visual Basic для Excel, в ее состав входят: два Листа с названиями «Начало» и «Инструкция»; Форма для выдачи оценки (имя - UserForm1) и Модуль1 для текста программы. На листе «Начало» должны находится текст с информацией о работе с программой (может быть достаточно произвольным) и кнопка (CommandButton) с текстом "Начало", связанная с подпрограммой Begin из Модуля1. Ее нажатие приводит к организации связи с базой данных и вызову на экран Листа «Инструкция». Лист «Инструкция» должен содержать кнопку (CommandButton) с текстом "Старт", связанную с подпрограммой Start из Модуля1. После ее нажатия программа выводит конкретную информацию о теме и подтемах опроса, начинает опрос. Форма (UserForm1) должна содержать пять ярлыков (Label1, ... Label5) и кнопку (CommandButton1) для закрытия программы. Ярлыки Label1, Label2, Label3 должны находится строго друг под другом, в них программа будет выводить информацию типа: «Номера вопросов», «Баллы вопросов», «Ваши ответы». В ярлыки Label4, Label5 будут выводиться суммарные результаты опроса. Программа должна находится в файле произвольного названия с расширением .xls, данный файл должен находится в общей папке с файлом базы данных Baza.xls. Если база данных защищена паролем, то этот пароль необходимо занести в программную строку с меткой Par вместо слова Parol. Чтобы пароль не был известен, саму программу также необходимо защитить средствами Excel [1].

Благодаря созданной программе все эти мероприятия будут способствовать студентам в усвоении значительно большего учебного материала и на более высоком качественном уровне – это уже не механическое заучивание формул и законов, а их осмысление на некоторых примерах экспериментального характера. Данная программа позволяет формировать общекультурные и профессиональные компетенции у студентов уже на ранней стадии изучения физики – они могут использовать, спроецировать полученные новые знания на конкретно поставленную перед ними задачу.

Cousina N., Starostina T.

KNOWLEDGE LEVEL CONTROL OF TECHNICAL COLLEGE STUDENTS WITH THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY

In this paper the author offers a detailed description and text of the program for Excel, which is designed to provide students their self-knowledge through testing in the subject studied.

Keywords: technical college students, information and computer technology, test control knowledge.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казанцев, С.А. Программа генерирования билетов для тестового контроля. Казанцев С.А., Поливанов М.А. Физическое образование в вузах. Т.8, N2, 2002. С.67-74.
2. Минкин, В.С. Информационные и педагогические аспекты использования входящего контроля уровня знаний по физике студентов младших курсов. Программированные тесты по разделу «Механика и молекулярная физика»: Учебно-методическое пособие / В.С. Минкин, Т.Ю. Старостина, Н.А. Кузина, С.А. Казанцев [и др.] – Казань: АртПечатьСервис, 2009. – 46 с.
3. Минкин, В.С. Информационные и педагогические аспекты использования входящего контроля уровня знаний по физике студентов младших курсов. Ответы к Программированным тестам по разделу «Механика и молекулярная физика»: Учебно-методическое пособие / В.С. Минкин, Т.Ю. Старостина, Н.А. Кузина, С.А. Казанцев [и др.] – Казань: АртПечатьСервис, 2009. – 5 с.
4. Кузина, Н.А. Входящий и текущий контроль уровня знаний по физике студентов младших курсов» / Н.А. Кузина, В.С. Минкин, А.Ю. Садыкова // Вестник КГТУ, №13, Казань. – 2011. - С.257-261.
5. Кузина, Н.А. Регулирование учебного процесса по физике по результатам применения новых программированных методик обучения» / Н.А. Кузина, В.С. Минкин, С.Г. Добротворская // «Казанская наука», №5, Казань. – 2012. - С.202-204.
6. Старостина, Т.Ю. Полный электронный комплект учебно-методических материалов по физике / Т.Ю. Старостина, Н.А. Кузина, В.С. Минкин, Е.С. Нефедьев, С.А. Казанцев, // Материалы научно-методической конференции КГТУ. – Казань, 2007.- С.64-68.

Кузнецова Э.Б.

elvira.kuz.70@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КООПЕРИРОВАННЫХ СТРУКТУР В АГРАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: В статье выявлено, что кооперация труда в аграрной сфере в современных условиях связана со специализацией производства в масштабах отдельного замкнутого хозяйства (ЛПХ, КФХ, индивидуальное предпринимательство) и с точки зрения уровня обобществления производства выступает как простая форма кооперации, а также реализуется в форме крупных форм хозяйствования на основе объединения части материально-денежных и трудовых ресурсов различных сельскохозяйственных форм хозяйствования, что находит выражение в сложной форме сельскохозяйственной кооперации.

Введение. Развитие агропромышленного комплекса (АПК) страны во многом достигается за счет научного обеспечения, отвечающего современным требованиям ведения производства на инновационной основе во всех отраслях аграрной экономики. Инновационный подход к развитию аграрного производства способствует дальнейшему подъему экономики сельского хозяйства, повышению эффективности производства сельскохозяйственной продукции и решению задач по обеспечению продовольственной безопасности страны. Все это требует от экономической науки разработки и внедрения прогрессивных форм хозяйствования на основе полученных новых теоретических и практических знаний с учетом модернизации всех отраслей сельского хозяйства. Исследования свидетельствуют, что производство в кооперированном производстве напрямую связано с ресурсами сельхозпредприятия, где в большинстве случаев и работают их владельцы. Этот фактор упрощает формирование механизма сочетания интересов сельхозпредприятий и хозяйств населения, объединения их целей в сфере производства, переработки, реализации продукции.

Ключевые слова: кооперация, агропромышленный комплекс, кооперированное предприятие, личные подсобные хозяйства, крестьянские (фермерские) хозяйства.

В перспективе процесс кооперирования всё шире будет распространяться на деятельность личных подсобных хозяйств (ЛПХ), крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) и других форм хозяйствования. Это обусловлено тем, что рост товарности и размеры производства в индивидуальных хозяйствах населения будут иметь определенные пределы – с одной стороны, внутренним потреблением владельцами индивидуальных хозяйств, с другой – уровнем экономической эффективности данных хозяйствующих субъектов. Слабая материально-техническая база и недостаточная ресурсообеспеченность обуславливает их низкую эффективность.

Мировая практика свидетельствует, что в современных условиях высокой эффективности производства могут достичь только те товаропроизводители, экономика которых опирается на передовую и ресурсосберегающую технологии в сочетании с организационно-экономическими мерами и с достаточной материально-технической и ресурсной базой. Анализ современного состояния аграрного сектора российской экономики показывает, что основное влияние на развитие его показателей оказывают крупные сельскохозяйственные предприятия, а также кооперированные сельскохозяйственные структуры.

Отдельные аспекты теории и практики развития кооперации в аграрной сфере экономики исследованы в трудах Р.Оуэн, Ш.Фурье, Г.Шульце-Делича, Ф.В.Райфайзена, Ф.Лассала, Н.Г.Чернышевского, М.И.Туган-Барановского, С.Л.Маслова, А.В.Чаянова и др. [4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13].

Отсутствие отечественных теоретических исследований в области кооперации и особенно в современной аграрной сфере привело к тому, что в наши дни идеи кооперации принимают искаженный вид, а к кооперации относят различные организационно-экономические формы, развивающиеся по другим закономерностям, не учитывающим специфику аграрного производства.

Методология. В результате внедрения инновационной стратегии производство сельскохозяйственной продукции может трансформироваться в различные производственные структуры. С одной стороны, возникают предприятия с замкнутым циклом многоотраслевого производства – от начала производства до готовой продукции. С другой – кооперированные структуры, где инновации позитивно влияют на труд работников, превращая его в интеллектуальный. При этом затраты труда на 1 ц продукции имеют тенденцию к снижению. Труд в кооперированных структурах приближается к инженерному труду, постоянно обогащаясь за счет непрерывного роста производительности и эффективности труда и производства.

С ростом производительных сил аграрной сферы значительно возрастает производство сельскохозяйственной продукции, но технологическая разобщенность производства и потребления ограничивает дальнейший рост производства сельскохозяйственной

продукции и, в свою очередь, является причиной потерь на стыках производства и потребления. Это усложняет реализацию Доктрины продовольственной безопасности. Следовательно, в современных условиях вопросы кооперации труда и производства являются очень актуальными, так как продукция аграрного производства получает законченный вид в основном сфере перерабатывающей промышленности. Таким образом, необходимость кооперированных связей является объективной закономерностью на современном этапе развития аграрного производства. Кооперирование позволяет устранить расхождения между временем производства и рабочим периодом, между производством и потреблением и т.д. Продукция сельского хозяйства представляет собой скоропортящуюся и малотранспортабельную. Поэтому конечный результат будет тем эффективнее, чем меньше временной и пространственный разрыв между производством и потреблением. Следовательно, производство продуктов питания и предметов потребления выходит за рамки замкнутых хозяйств. Тесное сотрудничество всех форм аграрного производства ведёт к становлению и развитию межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции – высших форм организации и управления производством в АПК на инновационной основе. Тем самым

обеспечивается наращивание производства сельскохозяйственной продукции и её своевременная доставка до потребителя, а также решается проблема продовольственного обеспечения населения страны, а промышленности – сельскохозяйственным сырьём [3].

Результаты. Законы рыночной экономики не отрицают, а предполагают максимально полный учет специфики и особенностей регионального экономического пространства. Наличие существенных и объективно оправданных различий между регионами в течение многих лет находит свое концентрированное отражение в уровнях и динамике развития аграрного производства и в настоящее время.

Период становления новых сельскохозяйственных формирований в Чувашской Республике, как и в других регионах, имеет общие черты с хозяйственным укладом крестьян России и свои характерные особенности. Эти особенности зависят от сложившихся в регионе структуры экономики, территориальной организации производства, инновационных преобразований, происходящих на уровне страны и региона, а также от природно-климатических условий как в стране, так и в регионах.

Динамика сельскохозяйственного производства в период с 2010 по 2013 гг. в Российской Федерации представлена в таблице 1.

Таблица 1

Продукция сельского хозяйства и индексы производства продукции в сопоставимых ценах [14]

	Продукция сельского хозяйства, млрд.руб.				К предыдущему году, %			
	2010	2011	2012	2013	2010	2011	2012	2013
Хозяйства всех категорий								
Продукция, всего	1938,6	2461,4	2515,9	2444,8	103,3	110,8	101,4	88,1
в том числе: растениеводства	1002,4	1306,4	1238,9	1053,1	102,3	118,0	98,6	74,6
животноводства	929,2	1155,0	1277,0	1391,7	104,3	103,0	104,6	102,6
Сельскохозяйственные организации								
Продукция сельского хозяйства	918,5	1183,7	1141,5	1074,8	104,9	116,2	100,8	88,5
в том числе: растениеводства	490,4	637,6	542,8	402,3	103,9	124,9	93,8	70,6
животноводства	428,1	546,1	598,7	672,5	105,9	106,1	109,2	104,8
Личные подсобные хозяйства населения								
Продукция сельского хозяйства	856,6	1068,5	1184,7	1204,3	101,6	102,1	102,9	88,6
в том числе: растениеводства	388,5	501,5	552,9	537,7	100,6	104,6	105,8	80,2
животноводства	468,1	567,0	631,8	666,6	102,4	99,9	100,4	95,9
Крестьянские (фермерские) хозяйства								
Продукция сельского хозяйства	156,5	209,2	189,7	165,7	105,2	127,8	97,0	82,5
в том числе: растениеводства	123,5	167,3	143,2	113,1	102,7	133,3	95,1	75,6
животноводства	33,0	41,9	46,5	52,6	113,3	107,2	104,2	103,7

Из-за неблагоприятных погодных условий за последние три года произошло снижение производства продукции растениеводства: если в 2008 г. её доля в общем объёме производства составляла 53,1 %, то в 2010 г. только 43,1%, соответственно возросла доля продукции животноводства. Наиболее значительно доля продукции растениеводства снизилась в сельскохозяйственных организациях с 53,9 % в 2008 г. до 37,4 % в 2010г. В крестьянских (фермерских)

хозяйствах за этот период она сократилась с 79,9 % до 68,3 %, в личных подсобных хозяйствах населения – с 46,9 % до 44,6 %. В результате доля продукции сельхозорганизаций в общем объёме растениеводческой продукции снизилась с 48,1 % в 2008 г. до 43,9% в 2010 г., крестьянских (фермерских) хозяйств – с 8,5 до 6,8 %. Доля продукции личных подсобных хозяйств населения возросла с 43,4 % до 49,3% [14] (таблица 2).

Таблица 2

Индексы производства продукции сельского хозяйства по федеральным округам Российской Федерации в 2013 г., % к 2002 г.

	Производство продукции		
	Всего	Растениеводство	Животноводство
Российская Федерация	88,1	74,6	102,6
Центральный ФО	84,8	65,7	104,4
Северо-Западный ФО	102,0	97,6	104,7
Южный ФО	99,6	98,1	101,8
Северо-Кавказский ФО	103,8	104,0	103,6
Приволжский ФО	75,1	47,5	98,1
Уральский ФО	89,6	74,9	101,9
Сибирский ФО	94,8	87,8	101,2
Дальневосточный ФО	101,5	101,3	101,7

Организационную структуру управления в рамках кооперированного производства можно представить следующим образом (рис. 1).

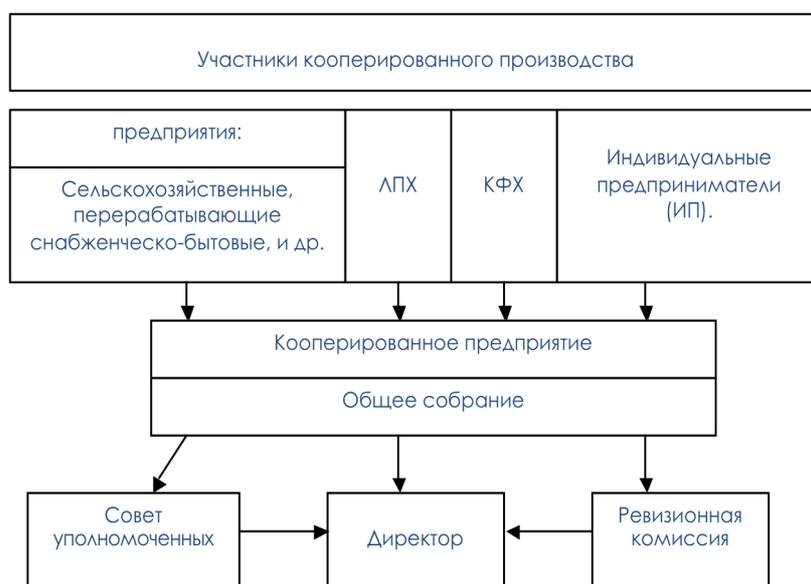

Рис. 1. Предлагаемая структура управления в кооперированном предприятии

Важным условием успешного функционирования кооперированного предприятия является наличие в их составе: предпринимателя-интегратора, имеющего квалифицированных специалистов и рабочих.

В 90-х годах XX в. размах процесса кооперации в России сменился его свертыванием. В аграрной сфере все меньше места начали занимать реальные кооперативы. Преимущественно кооперация перешла в торговлю. Под нее стали передаваться помещения бывших государственных магазинов, столовых и т.п. Кооперация, как форма рационального хозяйствования и субъект отношений собственности, перестала упоминаться в официальных документах и в средствах массовой информации. Столь быстрая перемена в развитии кооперации – от взлета до распада – явилась следствием отсутствия государственной политики в сфере агропромышленного комплекса. Вследствие этого возникли противоречия между кооперативами, возникшими в торговле, и населением: высокие цены на продукцию кооперативов, отсутствие государственного регулирования и т.п.

Таким образом, возрождение кооперации как особой социально-экономической формы в аграрном производстве внесло бы стабильность в общество и существенно расширило бы реальные рамки в обеспечении продовольственной безопасности страны. Создание реальных кооперированных структур призвано способствовать улучшению рыночной ситуации за счет увеличения объемов производства товаров и услуг, сокращению сельской безработицы, снижению социальной напряженности в сельской местности и росту уровня жизни сельского населения.

Устойчивость развития кооперированных структур можно определить по динамике объёма произведённой им продукции на 1 работника по следующей формуле:

$$Э_p = ((V_{q/цi+n} / N_{i+n}) / (V_{q/цi} / N_i)) \times 100, \quad (1)$$

$Э_p$ – объём продукции, произведённый кооперированными структурами на 1 работника;

$V_{q/цi}$ – объём продукции, произведённый кооперированными структурами в действующих ценах в базисном периоде;

n – период функционирования (от 1 до 5 лет);

$V_{q/цi+n}$ – объём продукции, произведённый

кооперированными структурами в действующих ценах i -м периоде;

N_i – численность постоянно работающих в кооперированных структурах в базисном периоде;

N_{i+n} – численность постоянно работающих в кооперированных структурах в i -м периоде;

Выводы. Основными принципами механизма устойчивого роста процесса кооперирования в современном аграрном производстве являются:

– открытость – при формировании данного механизма следует использовать методы интерактивного подхода. Предполагаемые результаты и проблемы кооперированных структур должны освещаться в местных СМИ, обсуждаться в трудовых коллективах, и т.д. Для сравнительного анализа должны использоваться вся имеющиеся информационные материалы и социологические исследования;

– комплектность – рассматриваются все варианты возможных видов совместной деятельности, посредством которых можно реализовать интересы хозяйствующих субъектов и тем самым повысить их доходы. При этом такая деятельность всесторонне должна быть обоснована с правовой, экономической и социальной точек зрения;

– добровольность – широкое участие хозяйствующих субъектов (ЛПХ, КФХ, индивидуальные предприниматели и т.д.) в кооперированном производстве должно исходить из самих участников в соответствии с их потребностями и интересами, то есть из особенностей экономического и социального поведения различных категорий хозяйствующих субъектов.

– упор на местные ресурсы – достижение поставленных целей обеспечивается за счет мобилизации местных материально-технических, финансовых и трудовых ресурсов участников кооперированных структур. Однако это не исключает использования внешних источников ресурсного обеспечения – кредиты банков.

– государственная поддержка – участники кооперированного производства должны

чувствовать государственную поддержку в области сбыта и снабжения, а также в переработке сельскохозяйственной продукции. Это вызвано тем, что продукция сельского хозяйства является скоропортящейся. Следовательно, ее быстро необходимо реализовать или организовать переработку с учетом интересов населения и государства [1, 2].

Практика показывает, что базой для становления и развития кооперированных структур являются крупные сельскохозяйственные формирования, которые имеют преимущества перед мелкими товаропроизводителями. Эти преимущества состоят в возможности применения более высокопроизводительных машин и оборудования, прогрессивных технологий, а также в обеспеченности финансовыми и трудовыми ресурсами.

Kuznecova E.B.

FORMATION AND FUNCTIONING OF COOPERATING STRUCTURES IN AGRARIAN PRODUCTION OF MODERN RUSSIAN ECONOMY

The article revealed that the cooperation of labor in the agricultural sector in modern conditions associated with specialization in production scale of individual closed economy. In terms of the level of socialization of production it acts as a simple form of cooperation, as well as implemented in the form of large-scale forms of economic activity on the basis of association of the material and financial and human resources of various agricultural forms of management that is reflected in the complex form of agricultural cooperatives.

Keywords: cooperation, agriculture, cooperative enterprise, private farms, farmer economy.

В целом сельскохозяйственное кооперирование вызвано к жизни тяжелым экономическим и социальным положением на селе, когда хозяйствующие субъекты (ЛПХ, КФХ, индивидуальные предприниматели и т.д.) не способны вести производство или выполнять услуги в одиночку. В данном случае кооперированные структуры являются своего рода способом защиты и реализации экономических и социальных интересов сельского населения посредством самоорганизации, то есть за счет неформального объединения собственных средств, что во многом способствует решению проблем по обеспечению страны продовольственной безопасностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bagautdinova N.G., Murtazina G.R., Fazlieva E.P., Naida A.M. Improvement of the regional management system using the labor potential index // World Applied Sciences Journal, 27(1), 2013, 107-111.
2. Bagautdinova N.G., Panasyuk M.V., Gafurov I.R. Wavelet analysis of the territorial socio-economic system dynamics // World Applied Sciences Journal, 27(13), 2013, 62-66.
3. Batle L. Las woperativas agrarias // Cultivador mod. 1990. Vod. 843.p.62-65.
4. Cooperative Feed and Animal Health Operations. USDA. ACS CIR 1. Sec. 21. Washington. D.C. 1991. 37 p.
5. Dairy Farmers Participation in Cooperatives. USDA. ACS. CIR 34. Washington. D.C. 1990. 14 p.
6. Economic Indicators of the Farm Sector. National Financial Summary. 1989. USDA. ERS ECIEC 9-2. Washington. D.C. 1991. P. 37, 45, 82.
7. Family farming in Finnisch agriculture // family Farming Possibilities. №61. 1990,p. 7-16.
8. Farmer Cooperative Theory: Recent Developments. USDA. ACS. RR 84. Washington. D.C. 1989. 30 p.
9. How do you acquaint employees with basics of their cooperative company? // Farmer Cooperatives. June 1990. Vol. 57. № 3. P. 7.
10. Organizations Serving Cooperatives. USDA. ACS. CIR 1. Sec. 5. Washington. D.C. 1989. 38 p.
11. Panasyuk, M.V., Bagautdinova, N.G., Safiullin, L.N., Novenkova, A.Z. Territorial approach to solving the region strategic management problems // World Applied Sciences Journal, 27(13), 2013, 149-153.
12. Tschajanoff A. Die Lehre von der bauerlichen Wirtschaft. Berlin, 1923.
13. Yoshio I. N. G. Chemyshevsky: Pioneer of the Russian Cooperative Movement // Imperial power and development: papers on pre-revolutionary russian histori. Selected Papers of the Third World Congress for Soviet and Fast European Studies. Washington, 1988. P. 134-151. <http://www.km.ru/referats/334521-stanovlenie-teorii-kooperativnogo-sotsializma-v-ssha-zapadnoi-evrope-i-rossii-xix-nachalo-xx-> Cooperative Organization and Structure. USDA. ACS. CIR 1. Sec. 6. Washington. D.C. 1990. 55 p.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели - 2013 г. Статистический сборник Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/Main.htm. Проверено на 1.10.2014.

Лосева Е.Э.

losevakatia@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

МЕДИАОТОБРАЖЕНИЕ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ КАК ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: Данная статья посвящена образу протестных движений, который конструируется телевидением. Несмотря на то, что тема находится в фокусе внимания средств массовой информации, исследователей, существует однобокое видение ситуации – как «вечно недовольной молодёжи». В представленной работе сделана попытка проанализировать телевизионный контент, показать его характерные особенности.

Ключевые слова: гражданское общество, оппозиция, новостной выпуск, политическая власть, протестное движение, телевидение.

Последние несколько лет отмечены усилением гражданской активности в России – демонстрации, связанные с честными выборами, коррупцией среди чиновников, обсуждением различных законов. Подобные выступления граждан сразу попали в поле зрения, как журналистов, так и аналитиков. Ни для кого не секрет, что СМИ являются эффективным инструментом воздействия на человека, а иногда и манипулирования. Это явление уже получило множество оценок – от негативных до позитивных. Положительные оценки связаны с надеждами на зарождение гражданского общества, внедрение правовой культуры и культуры выражения своих гражданских позиций и интересов, активное влияние на действительность. Критики высказывают опасения, что протесты заказаны и финансируются извне. Так или иначе, нельзя отрицать важной роли таких событий – политическая активность граждан начинает возрождаться, происходит процесс формирования позиций различных групп населения по актуальным вопросам (речь идёт не только о политической, но и экономической, социальной, культурной сферах). Поэтому протестные движения можно считать одним из признаков формирования гражданского общества, одним из

его инструментов. [10] Они служат своеобразной лакмусовой бумажкой для отображения характера взаимодействия государства и общества, его проблем и возможных тенденций. На формирование и функционирование гражданского общества во многом влияют СМИ. Они обладают огромной силой – обострить, очертить одни вопросы и завуалировать или вообще скрыть другие. Изучение данной темы значимо для понимания системы взаимодействия политической власти и граждан.

Гражданское общество начало своё функционирование именно с обсуждений социальных проблем на площадках различных СМИ [3], прежде всего в рамках телевизионного пространства благодаря его доступности. Выбор телевидения для исследования обусловлен его возможностями: широтой охвата событий, популярностью у многих групп населения. Телевидение со всеми программами и жанрами очень многообразно, поэтому были выбраны новостные выпуски как образец наиболее беспристрастного и аналитического освещения информационных поводов. Такой индикатор обусловлен тем, что аудитория воспринимает новости как непредвзятое освещение событий, которое максимально освобождено от чьего-либо влияния. Как следствие, зритель утрачивает бдительность и критическую оценку (не всегда полностью), может уже не воспринять другое мнение.

Контрольная точка данного исследования – выборы президента РФ, новости вокруг закона «Димы Яковлева» и фильма «Анатомия протеста» (первая и вторая части). Указанные события вызвали наибольший резонанс среди населения, им было посвящено большое количество информационных выпусков. Временной отрезок – неделя после информационного повода, так как можно наблюдать пик активности журналистов. Исключение составляют выборы, где охвачена дополнительно и неделя до самих выборов. Выборы президента РФ состоялись 4 марта 2012 года, соответственно временные отрезки с 26 февраля

по 3 марта и с 5 по 11 марта. 4 марта рассматривается отдельно. Первый фильм «анатомия протеста» был показан в эфире НТВ 15 марта 2012 года, соответственно период с 15 по 22 марта 2012. Второй фильм был показан 5 октября 2012, соответственно период с 5 по 12 октября 2012. Закон «Димы Яковлева» вышел 28 декабря 2012 года, соответственно период с 28 декабря по 3 января. В апреле 2013 года было проведено конкретное социологическое исследование (первичное) на тему «Конструирование образа протестных движений федеральными телеканалами». Объект исследования – телевизионные новости на нескольких каналах: Первом («Время»)[6], REN TV («Неделя»)[7], НТВ («Сегодня»)[5] как наиболее популярных среди населения. Предмет исследования – трактовка федеральными каналами протестных движений, конкретные способы манипуляции. Цель исследования – проанализировать характер отображения протестных движений телевидением. Использован относительно новый метод – интен-анализ, заключающийся в оценивании содержания речи, текстов, позволяющий выявить психологическое содержание текста, скрытые намерения авторов публикаций.[2]

Выборы президента показали в целом негативное отношение правительственных СМИ к протестно настроенным гражданам: от снисходительного до почти полного умалчивания программных положений в политике кандидатов, за исключением В.В.Путина; претензии, выдвигавшиеся по поводу честности проведения выборов (комментарии о наблюдателях на выборах как о некомпетентных лицах, мешающих работе избирательных комиссий), отвергались. Все участники активно использовали интенции самопрезентации для освещения своих позиций. Для обсуждения оппонентов сторонники власти использовали обвинение, размежевание и разоблачение. Мало освещались какие-либо программные или идейные положения протестующих.

Фильмы «Анатомия протеста» освещались в

духе позиционирования оппозиции как массы граждан, которая обманута людьми, работающими во вред государству. Транслировался образ разрозненной силы с множеством внутренних конфликтов. Почти не уделялось внимания вопросу возможной правдивости самих сюжетов и полученной информации. Протестные группы выставлялись в неблагоприятном свете – угасающий интерес и поддержка людей, внутренние разногласия, подкуп, обман. Были затронуты и поставлены вопросы об организаторах таких выступлений, степени их непредвзятости.

Новости вокруг закона «Димы Яковлева» в основном представляли полную его поддержку и одобрение. Сюжеты с противоположными настроениями преимущественно наблюдались в передачах REN TV. Позиция защитников закона ассоциировалась с защитой государства от внешней угрозы.

Для всех каналов характерно представление асимметричной модели коммуникации власти и протестных движений.[9] Обратная связь присутствует, но несколько односторонне. Такой тип взаимодействия характерен для пропаганды с убеждением целевой группы. Выбранные контрольные точки исследования подходят под указанное описание. Протестные движения активно обращаются к власти, а она больше сфокусирована на представлении себя и своих действий, не так явно идёт на ответный контакт. Для Первого канала больше характерно позиционирование власти и упрёков в сторону оппозиции. Для НТВ больше характерно смешанное транслирование обеих сторон. Для REN TV больше характерна оппозиционная точка зрения с постановками вопросов. Но везде наблюдается транслирование образа «несогласных» как людей с быстро гаснущим интересом, нарушающих закон и довольно разрозненных и неорганизованных. Ещё одна особенность – мало уделяется внимания ключевым позициям протестных движений, их идеям и предложениям. Создаётся ложное впечатление, что

это просто масса людей, не способная к конструктивному диалогу. Каналы можно расположить в ряд по шкале представления противостоящих мнений. С одной стороны, первый канал: проводит политику власти, критику протестных движений, на другой стороне – REN TV: либеральные мнения, практика задавать критические вопросы по всем сторонам политической жизни. Канал НТВ находится между ними: в равной степени освещаются все позиции, элемент аналитики оппозиционной стороны выражен не так сильно, как у REN TV.

В целом можно наблюдать относительно нейтральный характер освещения информации без постановки острых вопросов и оценок. На зрителя воздействуют на эмоциональном уровне, затрагивая его чувства. Чаще всего медиариторика строится по принципу бинарной оппозиции «мы - они» с более детальным освещением позиции «мы», подразумевая, что «мы» - правильная позиция.

Есть и положительные моменты в исследуемых ситуациях – возрастает интерес к политике среди граждан, формирование гражданской позиции. Наличие разных точек зрения свидетельствует о том, что политическая система находится в движении и развитии. Можно провести аналогию со стимулом и реакцией. Проведённое исследование может послужить базой для дальнейших изысканий в сфере политики и СМИ, особенно при рассмотрении телевизионных новостей.

Резюме

Протестные движения стали ярким явлением в политической жизни страны за последние годы. Им уделялось пристальное внимание. Чаще всего анализ делался в рамках социологических исследований. В данной работе будет составлен конструируемый образ на базе телевизионных выпусков, но не просто оппозиции, а как формы гражданской активности.

Телевизионные новости были выбраны потому, что они считаются нейтрально окрашенными (в плане оценок и мнений), оперативными. Телевизионные каналы были отобраны по принципу популярности и известности – Первый канал, РЕН ТВ, НТВ.

Протестные движения обращаются к власти, а она больше сосредоточена на представлении себя и своих действий, не так явно идёт на ответный контакт. Для Первого канала больше характерно позиционирование власти и упреков в сторону оппозиции. Для НТВ больше характерно смешанное транслирование обеих сторон. Для РЕН ТВ больше характерна оппозиционная точка зрения с постановками вопросов. Но везде наблюдается транслирование образа «несогласных» как людей с быстро гаснущим интересом, нарушающих закон и довольно разрозненных, неорганизованных. Ещё одна особенность – мало уделяется внимания ключевым позициям протестных движений, их идеям и предложениям. Создаётся ложное впечатление, что это просто масса людей, не способная к конструктивному диалогу. Каналы можно расположить в ряд по шкале представления противостоящих мнений. С одной стороны, Первый канал: проводит политику власти, критику протестных движений, на другой стороне – РЕН ТВ: либеральные мнения, практика задавать критические вопросы по всем сторонам политической жизни. Канал НТВ находится между ними: в равной степени освещаются все позиции, элемент аналитики выражен оппозиционной стороны не так сильно, как у РЕН ТВ.

Вышерассмотренные примеры свидетельствуют

о том, что нужно комбинировать различные источники получения информации для составления более разносторонней картины о происходящих событиях. Идеальным вариантом будет дополнение к телевидению интернет-ресурсов и печатных изданий.

Однако, транслируется и то, что граждане активизируются, начинают формировать вопросы, позицию, проявлять интерес к сфере политики, участвовать в политических практиках. Данная тема является актуальной, может стать базой для дальнейших исследований.

Loseva E.E.

MEDIA-IMAGE PROTEST MOVEMENTS AS A FORM OF POLITICAL COMMUNICATION

This article focuses on the image of the protest movement, which is constructed TV. Despite the fact that the subject is in focus of attention of the media, researchers, there is a one-sided view of the situation - as "eternally dissatisfied youth." In the present study attempts to analyze the television content, to show its characteristic features.

Keywords: civil society, opposition, news release, political power, the protest movement, television.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов К.А. Телевизионные новости в массово-коммуникационном процесс: социологический анализ механизмов социально-политического конструирования: монография / ГОУ ВПО «Кемеровский Государственный Университет», К.А. Антонов. – Кемерово: ООО «Фирма Полиграф», 2006. – 282 с.
2. Вергун Татьяна. Интент-анализ как метод социолнгвистического исследования текстов СМИ.
<http://www.authorstream.com/Presentation/Tanyavergun-1022752-intent-analiz/>
3. Исаев И.А., Михайлов В.А., Смольков В.Г. 2005. Энциклопедия власти. М.: Академический проспект; Культура: 494 – 1055.
4. Савельева, Ж.В. Средства массовой коммуникации и общество в контексте социологической теории. Часть 1, статус социальной реальности и (постне) классические концепции СМК: монография / Ж.В.Савельева. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2007. – 264 с.
5. Сайт НТВ <http://www.ntv.ru/>
6. Сайт Первого канала. <http://www.1tv.ru/>
7. Сайт РЕН ТВ <http://ren.tv/>
8. Сайт РЕН ТВ Онлайн <http://www.online-ren.tv/live/>
9. Н.Ф.Понамарёв «Грюниганианская парадигма: благие намерения и суровая реальность» <http://cyberleninka.ru/article/n/gryunigianskaya-paradigma-blagie-namereniya-i-surovaya-realnost>
10. Публичная историческая библиотека. 2010. Современные протестные движения. <http://www.istmira.com/novejshaya-istoriya/1495-sovremennye-protestnye-dvizheniya.html>

Милинис О.А. д.пед.н.

milinisoa@mail.ru

Новокузнецкий институт
(филиал) Кемеровского
государственного
университета
Новокузнецк, Россия

СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ КУЛЬТУРЫ ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕДАГОГОВ В КРЕАТИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: статья раскрывает результаты проектирования концепции, педагогической системы и технологии развития культуры творческой самореализации студентов-педагогов в креативной образовательной деятельности на основе выявленного субъектно-ориентированного подхода.

Ключевые слова: субъектно-ориентированный подход, творческая самореализация студентов-педагогов, креативная образовательная деятельность, развитие культуры творческой самореализации студентов-педагогов.

Одной из ключевых проблем современного образования является повышение эффективности и качества образовательной деятельности студентов-педагогов на основе их развития и саморазвития. Сегодня парадигма образования в качестве приоритетных составляющих совершенствования профессиональной подготовки студентов-педагогов направлена на творческую самореализацию и саморазвитие. Возникает необходимость решения проблемы создания единого креативного развивающего образовательного пространства, способствующего субъектно-ориентированной направленности студентов-педагогов на культуру творческой самореализации как фактора успешного творческого саморазвития в профессии.

Вследствие этого, необходимым условием развития культуры творческой самореализации студентов-педагогов выступает субъектная ориентация целей и содержательный анализ таких способностей, которые позволяют максимально мобилизовать и реализовать себя в креативной образовательной деятельности. Это предполагает кардинальное обновление научно-теоретической основы системы педагогического образования, разработку и реализацию образовательных программ

профессионального обучения в соответствии с требованиями, соотносимыми с ФГОС и нормативно-законодательными основами отечественного образования.

Креативная образовательная деятельность позволяет изменять приоритеты от объектного педагогического воздействия на субъект-субъектные взаимоотношения, способствующие творческой самореализации студентов-педагогов как фактора успешного творческого саморазвития. Она обладает значительной неопределенностью, проблемностью и инновационностью, непрерывностью и преемственностью, содержит амбивалентные оценки, что способствует «запуску механизмов самости» и предоставляет возможность студентам-педагогам реализовывать не только исходный творческий потенциал, но и сформировать потребности в дальнейшем самопознании, творческой самореализации и саморазвитии на перспективу.

В связи с этим, возникла необходимость целенаправленного исследования и теоретического обоснования субъектно-ориентированного подхода к развитию культуры творческой самореализации студентов-педагогов в креативной образовательной деятельности.

Потребность восполнить указанный пробел в научном знании определила актуальность и проблему нашего исследования: каковы теоретические и практические основы разработки и реализации субъектно-ориентированного подхода к развитию культуры творческой самореализации студентов-педагогов в креативной образовательной деятельности?

Цель исследования состояла в теоретическом обосновании и экспериментальной проверке эффективности разработки и реализации субъектно-ориентированного подхода к развитию культуры творческой самореализации студентов-педагогов в креативной образовательной деятельности.

Исследование осуществлялось на базе ФГБОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая

академия» на следующих факультетах: физико-математический, исторический, технологический, педагогический и психологии, физической культуры, г. Новокузнецк Кемеровской области. На разных этапах эксперимента было охвачено 1688 респондентов, в том числе, 1618 студентов-педагогов, 42 преподавателя-эксперта и 28 педагогов дополнительного образования.

Наиболее существенные результаты, полученные в исследовании, их научная новизна. В ходе исследования нами была представлена педагогическая характеристика феномена культуры творческой самореализации студентов-педагогов как системно-интегративного и динамичного личностного качества. Мы определили понятие «творческая самореализация личности» как осознаваемый и субъективно значимый процесс раскрытия личностью своих творческих способностей и возможностей, при котором активность субъекта приобретает творческий характер и способствует экстерииоризации позитивного опыта в разных видах творческой деятельности.

Теоретическое осмысление изучаемой дефиниции позволило нам сформулировать феномен понятия «культура творческой самореализации личности» – это высокий уровень знаний о творчестве, ценностно-смысловых ориентаций на творчество, профессионально-творческих компетенций, способности к творческому саморазвитию. Творческая активность, при этом, позволяет проектировать процесс самореализации в различных видах творческой деятельности, личностный и культурный рост, а также творческое саморазвитие, усиливая целенаправленное и субъектно-ориентированное осуществление возможностей развития Я-концепции личности.

В ходе исследования нами был получен новый научный результат в разработке концепции субъектно-ориентированного подхода к развитию культуры творческой самореализации студентов-педагогов, который является основополагающим и обеспечивает интеграцию культурологического и

аксиологического, компетентностного и задачного, акмеологического и субъектно-ориентированного подходов, направленную на активизацию и интенсификацию творческой самореализации и саморазвития студентов-педагогов.

Субъектно-ориентированный подход в нашем исследовании – это изучение обучающихся, ориентированных на активную реализацию процессов самости в разных видах деятельности и субъектную позицию во взаимодействии с объективным миром, другими людьми и самими собой, которые разрешают возникающие внутренние противоречия, стремятся к достижению определенных целей, проявляют инициативу, ответственность и самостоятельность, принимают и реализуют собственные решения, осуществляя рефлекссию творческого позитивного изменения самости. Студенты-педагоги совместно с преподавателями становятся субъектами при включенности в разные виды креативной образовательной деятельности, в результате чего проектируется и реализуется многомерная «Я-концепция творческой самореализации и саморазвития», включающая Я-культурное, Я-творческое, Я-профессиональное, Я-социальное. Ведущей идеей концепции является система положений о целостности личности, роли субъектности в развитии творчества, целенаправленности креативной образовательной деятельности, педагогическом стимулировании и поддержке студентов-педагогов в процессе развития культуры творческой самореализации.

Целью концепции является повышение уровня культуры творческой самореализации личности посредством педагогической системы проектирования данного процесса; закономерностей и принципов, выявление, изучение и реализация которых способствует развитию культуры творческой самореализации в разных видах креативной образовательной деятельности; индивидуального моделирования содержания образования и реализации психологического механизма творческой самореализации личности.

Ядро концепции составляют закономерности и принципы, которые были выявлены, опираясь на философско-психолого-педагогическую литературу и педагогическую практику по проблеме творческой самореализации и саморазвития: 1) активность и эффективность самостоятельной включенности студентов-педагогов в разные виды креативной образовательной деятельности достигается лишь на основе интеграции научного знания из области наук о человеке (философия, культурология, антропология, акмеология, психология, педагогика, аксиология, эвристика и др.) и успешно влияет на целостное саморазвитие студентов-педагогов как субъектов творческой самореализации; 2) развитие культуры творческой самореализации студентов-педагогов находится в прямой зависимости от реализации паритетности взаимоотношений при субъект-субъектном взаимодействии в условиях сотворчества и сотрудничества; 3) развитие культуры творческой самореализации студентов-педагогов будет тем успешнее, чем разнообразнее и вариативнее реализуется сочетание инновационных культурно-творческих средств, методов и организационных форм субъектно-ориентированной креативной образовательной деятельности; 4) педагогическая эффективность развития культуры творческой самореализации студентов-педагогов существенно возрастает при активной и регулярной рефлексии развития компонентов самости в приобретаемых профессионально-творческих компетенциях в контексте освоения креативной образовательной деятельности.

Нами было введено в теорию и практику профессионального образования ключевое понятие «развитие культуры творческой самореализации личности», которое в отличие от известных в науке, предполагает многомерность и субъектность творческой самореализации и саморазвития в процессах самости.

Изучение теоретических основ проблемы творческой самореализации, многомерная систематика ее видов и базовых компонентов,

уровней развития позволили сконструировать многомерную модель творческой самореализации студентов-педагогов, которая включает базовые компоненты творческой самореализации (ценностно-целевой, мотивационно-смысловой, эмоционально-регулятивный и деятельностно-творческий), виды креативной образовательной деятельности (учебно-исследовательский, проектно-творческий, художественно-творческий, научно-исследовательский, профессионально-творческий) и уровни их развития (ситуативный (низкий), фрагментарный (средний), эвристический (выше среднего), системно-творческий (высокий)).

На основе изложенных в концепции тенденций мы спроектировали педагогическую систему субъектно-ориентированного подхода к развитию культуры творческой самореализации студентов-педагогов, которая включает разработку ее структурных компонентов (цель креативной образовательной деятельности, содержание, формы и методы обучения, психологический механизм и результат креативной образовательной деятельности) и обеспечивает успешное формирование субъектной позиции студентов-педагогов в творческой самореализации как фактора успешного творческого саморазвития в профессии.

В нашем исследовании понятие «педагогическая система субъектно-ориентированного подхода к развитию культуры творческой самореализации студентов-педагогов» – это множество взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов (субъекты, цель, содержание, формы, методы, психологический механизм, организационно-педагогические условия и результаты образовательной деятельности), отличающихся интегральной направленностью, максимально способствующих эффективности креативной образовательной деятельности и развитию культуры творческой самореализации студентов-педагогов. Проектирование обозначенной педагогической

системы предполагало интеграцию культурологического и аксиологического, компетентностного и задачного, акмеологического и субъектно-ориентированного подходов на основе закономерностей их системной организации: каждый последующий подход не отменяет предыдущий, а сохраняет его закономерности и, вместе с тем, позволяет открыть новые перспективы для трансформации образовательной деятельности с учетом стратегически значимых возможностей их реализации (рис. 1).

Для реализации обозначенной педагогической системы мы разработали и реализовали педагогическую технологию субъектно-ориентированного подхода к развитию культуры творческой самореализации студентов-педагогов. Основная ее цель – это проектирование процесса развития культуры творческой самореализации студентов-педагогов с опорой на их субъектность в креативной образовательной деятельности. Педагогическая технология имеет развивающий характер, способствует ориентации студентов-педагогов на проявление активности по выявлению и формированию стратегии, а также перспективы осуществления субъектности в разных видах креативной образовательной деятельности.

Спроектированная модель субъектно-ориентированного подхода к развитию культуры творческой самореализации студентов-педагогов содержит следующие компоненты: структурный, деятельностный и оценочно-результативный. Структурный компонент включает социальный заказ, который определяет основную цель креативного образования – это потребность общества в специалистах, обладающих высоким уровнем творческой самореализации и саморазвития. Методологическую основу представляет субъектно-ориентированный подход, как основополагающий, что является отличительной особенностью данной модели педагогической технологии.

Содержательное наполнение креативной образовательной деятельности включает общепрофессиональные дисциплины,

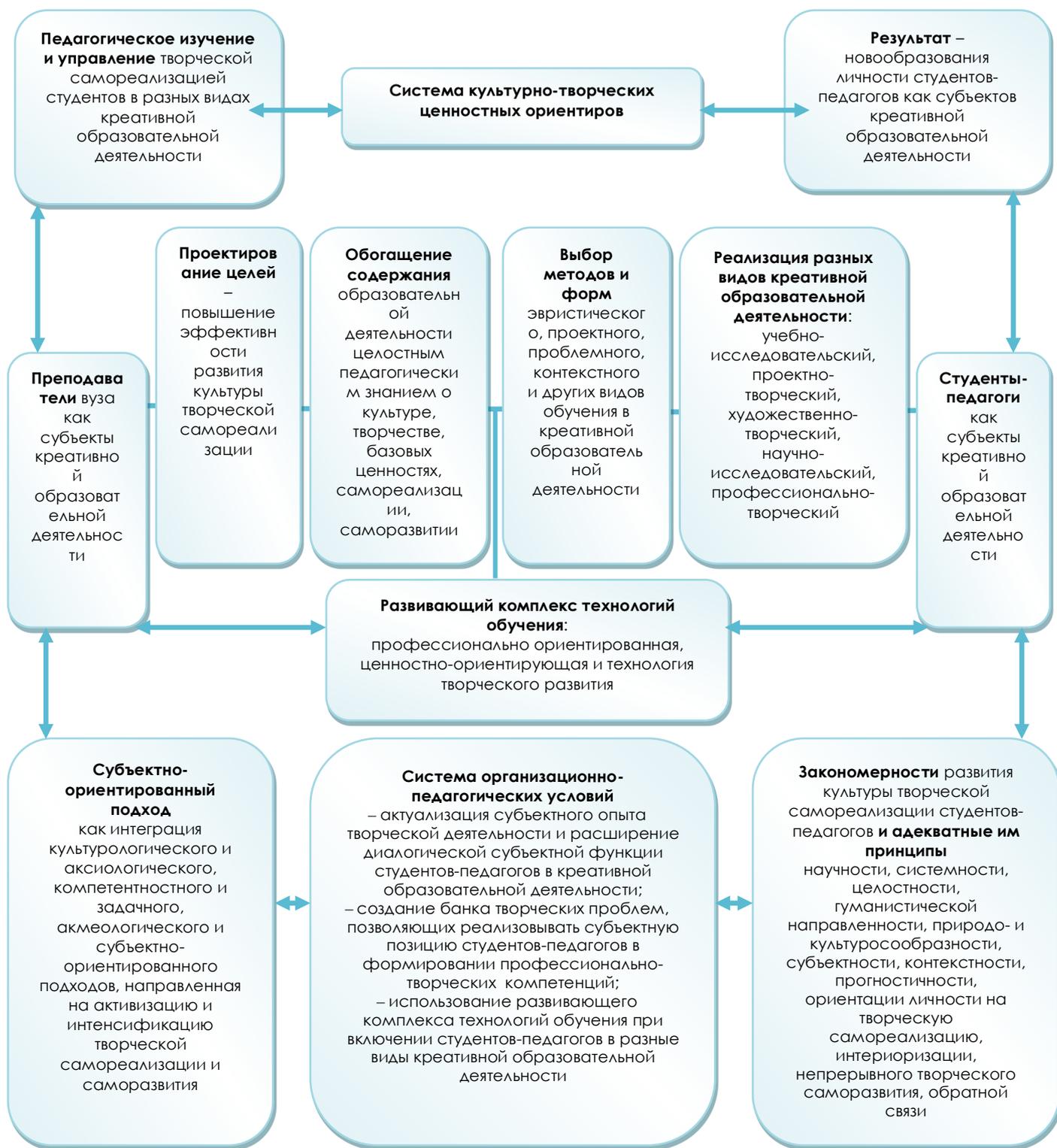

Рис. 1. Структурная модель педагогической системы субъектно-ориентированного подхода к развитию культуры творческой самореализации студентов-педагогов в креативной образовательной деятельности

дисциплины предметной подготовки, курсы по выбору студентов, задания по педагогической практике и обогащено целостным педагогическим знанием о культуре, творчестве, базовых ценностях, самореализации и саморазвитии.

Значимыми формами организации креативной образовательной деятельности являются

интегрированные занятия, тренинги, индивидуальные и групповые формы работы (самопреценации, проблемные и бинарные лекции, лекции-погружения, деловые игры, лекции с запланированными ошибками, семинары-дискуссии, межгрупповые семинары, фестивали, конференции, телемосты и др.).

Среди методов обучения доминирующими выступают проектирование, генерирование новых идей, проблемное изложение, решение проблемных ситуаций, профессиональных и творческих задач, смысловое и символическое видение, сравнение, метод фактов, конструирование понятий, правил и гипотез, мозговой штурм, нормотворчество, взаимообучение, метод рецензий, рефлексия, самооценка и др.

Деятельностный компонент структурно-организационной модели педагогической технологии субъектно-ориентированного подхода к развитию культуры творческой самореализации студентов-педагогов в креативной образовательной деятельности представляет ее процессуальную часть и предполагает реализацию следующих этапов: диагностического, проектировочного, содержательно-деятельностного, контрольно-оценочного. Целью диагностического этапа является выявление исходного уровня знаний о творчестве, ценностно-смысловых ориентаций на творчество, профессионально-творческих компетенций, способности к творческому саморазвитию; проектировочного – выявление условий для реализации педагогической технологии, конструирование ее этапов, содержания, методов и средств достижения планируемых результатов деятельности; содержательно-деятельностного – предполагает реализацию развивающего комплекса педагогических технологий обучения (профессионально ориентированная, ценностно-ориентирующая и технология творческого развития) при включении студентов-педагогов в разные виды креативной образовательной деятельности посредством интериоризации и экстериоризации субъектного позитивного творческого опыта; контрольно-оценочный этап педагогической технологии предполагает оценку, интерпретацию и корректирование результатов исследования.

Оценочно-результативный компонент позволяет выявить показатели и адекватные им критерии определения уровней развития культуры творческой

самореализации студентов-педагогов в креативной образовательной деятельности для мониторинга результатов эмпирического исследования.

Показатель мотивы и ценности творческой деятельности раскрывается через следующие критерии: ориентация на творчество и культуру; потребность в успехе в разных видах креативной образовательной деятельности; удовлетворенность от развития культуры творческой самореализации. Показатель знания о культуре и творчестве включает в себя следующие критерии: глубина понимания творчества для развития культуры творческой самореализации; системность освоения знаний о культуре, творчестве, базовых ценностях; самооценка творческих способностей. Критериями показателя субъектная творческая деятельность являются: способность к творческому саморазвитию; оригинальность образовательных продуктов креативной образовательной деятельности; сформированность профессионально-творческих компетенций.

Для успешной реализации предложенной педагогической технологии впервые были выявлены, теоретически обоснованы, экспериментально проверены и представлены в системе организационно-педагогические условия развития культуры творческой самореализации студентов-педагогов: актуализация субъектного опыта творческой деятельности и расширение диалогической субъектной функции студентов-педагогов в креативной образовательной деятельности; создание банка творческих проблем, позволяющих реализовывать субъектную позицию студентов-педагогов в формировании профессионально-творческих компетенций; использование развивающего комплекса технологий обучения при включении студентов-педагогов в разные виды креативной образовательной деятельности.

Упорядоченная совокупность научных результатов исследования свидетельствует о решении значимой педагогической проблемы. Концепция, педагогическая система и технология субъектно-ориентированного подхода к развитию

культуры творческой самореализации студентов-педагогов в креативной образовательной деятельности являются реалистичными, способствуют повышению эффективности субъектного осмысления, ценностной ориентации и творческой реализации своей самости.

Проведенная опытно-экспериментальная работа позволила подтвердить основные положения научной новизны исследования. Выявленные взаимосвязи представили возможность разработать и апробировать научно-практические

рекомендации по повышению эффективности развития культуры творческой самореализации студентов-педагогов в креативной образовательной деятельности, которые отражены в научных статьях, учебно-научно-методических рекомендациях автора, применяются в системе повышения квалификации работников образования, в процессе преподавания в вузе педагогических дисциплин, курсов по выбору студентов и организации разных видов педагогической практики.

Milinis O.A.

SUBJECT-ORIENTED APPROACH TO THE DEVELOPMENT OF CULTURE OF SELF-ORGANIZATION OF STUDENTS-TEACHERS IN CREATIVE EDUCATIONAL ACTIVITIES

The article reveals the results of the design concept, the educational system and technology development culture of creative self-realization of students and educators in creative educational activities on the basis of the identified subject-oriented approach.

Keywords: subject-oriented approach, creative self-realization of students and educators, creative educational activities, the development of a culture of creative self-realization of students and educators.

Никитина Т.Н. к.соц.н.,
Шакирова А.Ю. к.и.н.

nita101@mail.ru
alla-shakirova@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА: КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы формирования ценностных оснований помогающей профессии. Трансформация системы ценностей российского общества отражается на ценностях профессиональной группы, создание адекватной системы социальной поддержки населения должно учитывать изменения в ценностном сознании специалиста социальной сферы. Авторы статьи предлагают кластерный анализ системы ценностных

В современном мире в связи с обострением экономической и политической ситуации актуальной проблемой является организация социальной поддержки незащищенных слоев населения. Современные условия предъявляют требования по формированию новой методологии профессии, специалистами социальной сферы разрабатываются инновационные практические технологии, позволяющие оптимально обеспечить поддержку категории населения, нуждающиеся в помощи и участии специалиста. Реформирование проходит и система высшего образования специалистов социальной сферы.

Ценностные ориентации детерминированы социальными и экономическими условиями. Существует сложный механизм взаимодействия ценностей социальной работы и ценностей общества. Взаимовлияние, взаимная обусловленность, частые противоречия между этими переменными отражаются на содержании ценностных ориентаций. Преобразование общества ведет за собой трансформацию ценностных ориентаций личности и социальной группы. Новая социальная среда определяет жизненные планы, определяет систему ценностных

ориентаций, отражающий изменения в современной системе социальной защиты населения.

Ключевые слова: социальная работа, социальная защита, система ценностей социальной работы, ценностные ориентации специалистов социальной сферы, кластеры ценностных ориентаций.

ориентаций в соответствии с реальными социальными условиями.

Направленность на опережение в развитии ценностного сознания позволяет быстрее и удачнее адаптироваться к новым условиям. Если брать за постулат данный тезис, определяя структуру ценностных ориентаций, мы можем прогнозировать развитие профессиональной сферы специалистов по социальной работе. Очевидно, проведение реформ в социальной сфере возможно лишь при условии наличия заданных ценностных ориентаций представителей профессиональной группы.

Таким образом, ценностные ориентации и структура ценностей социальных работников представляет интерес в связи с развитием социальной сферы, изменениями в системе ценностных ориентаций современного российского общества, стадиями становления российского государства. Все эти факторы в совокупности определяют и актуальность обращения исследователей к проблеме ценностей и ценностных ориентаций специалистов, отражающих отношения личности к тем объектам, ради которых разворачивается его деятельность.

Ценностные ориентации, отражающие ценности общества и профессии будут обладать свойствами, как универсальности, так и уникальности. Трансляция ценностей происходит как обоюдный процесс, в результате которого формируются социальные практики специалистов.

Ценностные ориентации личности являются механизмом целеполагания, дают основание для выбора из имеющихся альтернатив целей и средств, направляют действия человека. Система ценностных ориентаций определяет стратегию профессиональной деятельности, является связующим звеном между личностью и социальной средой, выполняет функции регуляции поведения. Выявив ценностные ориентации, присущие профессионалу в социальной работе, мы сможем спрогнозировать направленность профессионального поведения специалистов, а также механизмы изменения социальных образцов в профессиональной деятельности.

Ценностные ориентации являются регуляторами деятельности, воздействуя на систему профессиональных мотивов. Профессиональные ценностные ориентации развиваются в рамках профессионального сообщества, транслируются им своим членам и во внешний социум. С данным феноменом связано понятие «миссия профессии», то есть особая роль, значимость для общества и профессионалов.

Социальная работа, отмечают исследователи, развивает ценностные ориентации личности путем расширения представлений о гуманитарных ценностях, приобретения опыта деятельности, ориентированной на реализацию «вечных» ценностей любви, добра, истины, труда, защищенности [4, с.332].

Именно ценностным ориентациям, определяющим цели, идеалы, убеждения и интересы человека, принадлежит ведущая роль в структуре личности будущего социального работника. В то же время социальный

работник может утверждать в обществе новые духовные ценности, тем самым, совершенствуя качество социального бытия.

Социальные работники смогут эффективно решать свои профессиональные задачи лишь в том случае, подчеркивает П.А. Пономарев, «если будут представлять собой цельные, высокоразвитые личности, ориентированные на идеалы высокой духовности» [3, с.3], когда они смогут учесть в своей деятельности, сблизить ценности двух основных групп (адаптированных и неадаптированных), посредниками между которыми они выступают.

Трансформация ценностных ориентаций социальных работников, имеющая место в современных условиях российской действительности наряду с такими ценностями как благополучие общества и человека, гуманизм, справедливость, защищенность, взаимопомощь и поддержка, содержит следующие негативные тенденции:

- поляризация морали, индивидуально-личностных устремлений; девальвация ценности коллектива;

- переоценка традиционных гуманистических ценностей;

- дегуманизация общественных отношений;

- снижение роли напряженного труда в достижении успеха;

- распространение прагматизма, индивидуализма, социального и морального цинизма, бездуховности;

- утрата ценностей жизни и здоровья человека [6, с.40].

Ценностные ориентации, наряду с идеалами, нормами, этическими принципами, ценностями профессиональной деятельности, наполняют содержанием, смыслами социальную работу как социокультурную реальность. При этом роль ценностных ориентаций заключается в выборе направленности практических действий специалистов. Как социокультурное явление социальная работа влияет на процессы гуманизации общественных отношений [7, с.11], а ценностные ориентации являются социально-

нормативными регуляторами общественной жизни и поведения людей.

При постановке цели исследования мы исходили из положения о том, что социокультурная реальность современного российского общества влияет на ценностные ориентации и социальные практики специалистов по социальной работе. Система ценностных ориентаций отражает как систему профессиональных ценностей, определяющих гуманные цели профессии, так и особенности ценностной системы современного российского социокультурного пространства.

Эмпирической основой исследования послужили интервью со специалистами социальной сферы. Мы разработали гид интервью, при составлении которого заранее в ходе экспертной оценки были определены категории для изучения. Результаты исследования позволили получить объективные данные о социальной реальности, касающиеся профессиональной деятельности специалистов по социальной работе. На основании ответов респондентов, нами были зафиксированы следующие особенности ценностной системы профессиональной деятельности.

В России создана система мер социальной поддержки населения, которая соответствует требованиям экономической, социальной и политической ситуации в России и нашем регионе, в частности. Социальный работник видит свою миссию в социальной поддержке граждан, главным образом, заключающейся в выплате субсидий, компенсационных выплат, пособий.

Специалисты считают, что необходимо повысить эффективность существующих механизмов предоставления мер социальной поддержки, основанных на принципах адресности, доступности и эффективности. «Если заявляется социальная поддержка, то помощь должна быть адекватна просьбе о ней, семья должна действительно ощутить поддержку». «Четкие задачи искать и пути их выполнения». «Социальная работа должна быть открытой, доступной к пониманию для населения. Большая проблема конечно в нехватке

времени, когда катастрофически его не хватает».

Основная цель социальной работы заключается в социальной, экономической и правовой защищенности каждого человека. Для реализации данной цели необходимо создать оптимальные условия. В настоящее время проблемой среди специалистов считается наличие большого объема информации, требующей времени на ее обработку и введение в деятельность социальных учреждений. «Выполнение нормы – это очень большая нагрузка на специалистов». Требуется «внимание со стороны администрации». Отмечается «большая текучесть кадров в связи с маленькой заработной платой», поскольку «зарплаток ниже среднего». «Зарплата несоизмерима с уровнем ответственности», поскольку «в руках – человеческая жизнь».

«Трудность заключается в том, что нужно очень оперативно принимать решение». «Современная социальная работа должна быть полностью компьютеризирована, чтобы не было очередей». Необходимо освещать в СМИ деятельность социальных учреждений. «Необходимо менять отношение в корне к специалистам и институту социальной работы сегодня на современном этапе развития нашего государства».

Специалисты отмечают необходимость в упрощении всей системы социальной защиты населения. «Изменения, проводимые государством в социальной сфере, требуют более пристального внимания к личности специалиста, осуществляющего государственные планы на местах. Ведь только прочтение огромного количества инструкций, дополнений и изменений в законодательно-правовой базе социальной работы требует огромного количества усилий». «Необходимо менять условия для специалистов. В хороших условиях и работа идет хорошо». Многими отмечается важность роли государства и звучит требование изменить отношение государства к профессии. Необходимо «новое понимание социальной работы».

Обратимся к мнению респондента, руководителя Центра социальной помощи семье и

детям: «Очень тяжелая система. Хотелось бы упростить ее. Постоянно появляются новые программы, новые показатели в работе с которыми не успеваешь ознакомиться, а они все время совершенствуются, и появляется еще что-то новое» (И.А., 38 лет, руководитель).

Респондентами также отмечается, что «недостаточно продумана база социальной работы», «социальная работа хочет раскрыться, ей препятствуют, не понимая всей нужности этой сферы». Специалисты отмечают, что необходимо менять вид оказываемой помощи, которая должна быть адресной, а не осуществляться на заявительной основе.

И самое главное, как считает А.И., специалист отделения социальной помощи на дому, нужно «видеть результат своего труда», иначе «эмоциональное выгорание», нужно уметь реабилитировать себя. «Ценно помогать человек, но вдвойне ценнее, когда получаешь благодарность, труд не напрасен». Приходит «понимание, насколько велик твой труд. Большая трагедия, если работа идет насмарку».

Среди технологий социальной работы огромное значение отводится профилактике, поскольку «главное выявление заблаговременно семей, которые могут в дальнейшем при неблагоприятном стечении обстоятельств попасть в группу риска».

В ходе интервью специалисты также отмечали, что в настоящее время совершенствуется законодательная база, разрабатываются научно-методические основы деятельности специалистов социальной работы. Активно привлекается негосударственный сектор экономики за счет привлечения социально ответственного бизнеса в мероприятия социальной защиты. Тем не менее, необходимо более эффективно использовать ресурсы социальных организаций.

Самое большое затруднение в работе специалисты испытывают в реализации нового законодательства. Этим обусловлена необходимость в повышении правовой компетенции. Требуется улучшение материально-технических условий труда. Помощь населению

должна оказываться по закону. Отмечается также, что «законодатели не знают практики», а в аппарате Президента должны быть специалисты-практики, поскольку существует сложность исполнения приказов и постановлений из-за расхождения практики и законодательно-правовой базы. Приведем в подтверждение слова Р.С., специалиста Отдела социальной защиты населения: «Вот были трудности, связанные с расхождением законодательства и невозможностью осуществлять на практике помощь. Не было такой тесной взаимосвязи с другими организациями. Нет хорошего взаимодействия специалистов, хотелось бы, чтобы сплоченнее были отношения правовые и организационные». Отметим, что отсутствие надлежащих условий работы может способствовать накоплению усталости, сомнений и негативных эмоций.

Приведем высказывание респондента – специалиста по социальной работе Центра помощи семье и детям. «Потому что, как правило, те, кто работает специалистом по социальной работе или в социальной сфере, то это люди, которые отдают себя этой работе, они естественно альтруисты, как правило, не считаются ни со временем, ни со своими возможностями, а пытаются разделить то горе, проблемы, с которыми сталкиваются люди, которые обратились за помощью к специалисту по социальной работе. Поэтому, конечно, первое – это оплата труда и, второе – отношение государства к социальным проблемам, с которыми сталкивается население» (Е.Г., 58 лет, специалист по социальной работе).

Говоря о профессиональных качествах специалистов и профессиограмме в целом, среди значимых качеств специалисты называют коммуникабельность, терпеливость, отзывчивость, предельную вежливость, настойчивость: «такт самое важное качество», «умение переубедить является главным, выдержка, умение помочь людям в трудной жизненной ситуации». Также отмечают доброжелательность, умение владеть собой, знание своего дела, способность к

сопереживанию, чуткость, снисходительность, коммуникабельность, целеустремленность. Специалисту необходимо знать свои права и нести ответственность за надлежащее их исполнение. «Каждая семья живет по своим правилам и представляет собой определенную систему. Чтобы сломать систему неблагополучной семьи, нужны решительность, твердость характера» (Ю.П., 25 лет, руководитель отдела по работе с безнадзорными детьми). Социальная работа должна быть открытой, доступной для понимания населения. Жизнелюбие и оптимизм будут способствовать осуществлению профессиональной деятельности.

Очевидными являются ответы на вопрос о значимых личностных ценностях. Большинство респондентов считает ценностями – наличие работы, семью, детей: «хорошо жить – дома спокойно, нет конфликтов». Также было получено противоположное мнение, что «хорошая жизнь не связана с хорошей профессией, уровнем образования, материальным благополучием», но это скорее исключение. «Жить хорошо – это решать все вопросы вовремя и не откладывать их на будущее».

Специалисты отмечают гуманный характер профессии. Социальная работа – «профессия материнства» и «понимание этого приходит с годами». Интересно мнение респондентов о сущности профессии: «люди приходят со слезами на глазах, уходят с надеждой на лучшее в их жизни», присутствует «желание сделать людей чуть-чуть счастливее», «дарить людям радость и оказывать поддержку в трудной жизненной ситуации», «слушать благодарность, знать, что ты нужен». Ценным считается «участие в судьбе людей», специалисты – это «люди, отдающие себя этой работе», способные «разделить горе с человеком». «Профессия учит ценить то, что имеем, это хорошо видно на контрасте». Получен ответ, что «идет разделение удовлетворенности жизнью в моральном плане и материальном, прослеживается четкая грань».

Мы проследили жизненный путь респондентов, нас интересовало, как человек приходит в

профессиональную социальную сферу. Следует заметить, что ситуация в России в начале 90-х годов нашла свое отражение в жизни профессионалов, многие были сокращены с основных мест работы, искали себя, проходили курсы переподготовки и таким образом попали на работу в учреждения социальной защиты. Воспоминания о тех годах вызвали негативную реакцию, поэтому вопрос о том, как человек пришел в профессию вызвал затруднения, поскольку большинство специалистов, работающих в настоящее время в социальной отрасли, не являются социальными работниками по образованию. На наш вопрос были получены следующие ответы: «профессия выбирает человек»; «по своим качествам люди способны осуществлять данный вид социальной деятельности», что говорит о наличии профессиональных качеств и раскрывает понятие призвания. Например, специалиста по социальной работе Центра социального обслуживания Е.И., привело в профессию «желание помогать людям, это, обусловило выбор профессии». Были получены и такие мнения: «желание изменить что-то, добиваться даже нереальных результатов», «для того, что бы полюбить свою профессию должны пройти годы». У человека есть «естественная потребность помогать людям, способность облегчить их существование и социальное взаимодействие, поддержать чувство собственного достоинства человека и развитие его социальной ответственности». Выбор профессии осуществляется интуитивно или благодаря стечению жизненных обстоятельств. «Работа – нечто, что идет от души».

Социальный работник – это социально ответственное лицо, поэтому гуманистический потенциал личности должен соответствовать данному роду деятельности. Задавая вопросы о профессиональных качествах, о компетентности специалиста, были получены также ответы о том, что специалист должен обладать знаниями и умениями не только в области социальной работы, но и в смежных науках. В первую очередь, необходимы знания из области психологии, так как специалисту нужно уметь устанавливать

адекватные межличностные отношения в различных ситуациях общения, «необходимо повысить консультативную помощь населению», вовремя доводить информацию до клиентов. Знания этики, философии, аксиологии, деонтологии позволят специалисту обладать достаточным интеллектуальным, общекультурным и нравственным потенциалом. Гарантом успеха также являются «материальный достаток, хорошая работа и хорошие отношения». «Приходили люди со своими проблемами и со слезами на глазах, а уходили с надеждой на лучшее в их жизни».

Существенным недостатком успешности работы является пассивность людей из группы риска. «Часто клиент слышит только самого себя, с такими трудно». «Они ждут, когда им принесут все на блюдечке с голубой каемочкой».

Те мнение, которые были получены в результате интервью, не являются постулатами, не входят в разряд этических норм и правил поведения в профессии, зафиксированных в этическом кодексе, не являются должностными обязанностями. Интервью позволило нам прикоснуться к миру внутренних восприятий системы ценностей и ценностных ориентаций специалистов по социальной работе.

Обработка текстов интервью позволила выделить три кластера (категории) ценностных ориентаций. Ценностные ориентации прописаны нами как направленности действий (поведенческий компонент), как эмоционально-оценочные отношения (эмотивный компонент) и представления, совокупности взглядов на профессиональную деятельность (когнитивный компонент). Это ценностные ориентации – направленности на изменения в системе, ценностные ориентации, направленные на межличностные взаимодействия и ценностные ориентации – направленности на профессионально-личностное самоопределение. Кластеры ценностных ориентаций включают отдельные ценностные ориентации.

Кластер «Ценностные ориентации-направленности на изменения в системе» включает

следующие ценностные ориентации:

- направленность на упрощение системы помощи;
- направленность на повышение престижности профессии;
- направленность на изменение роли государства в вопросах социальной поддержки населения;
- направленность на изменение системы определения нуждающихся в помощи;
- направленность на работу в команде;
- направленность на совершенствование системы за счет привлечения негосударственного сектора, модернизации учреждений, повышения заработной платы и личной безопасности;
- направленность на упрощение системы работы с документами;
- направленность на планомерную работу;
- направленность на изменение законодательства в области социальной поддержки граждан;
- направленность на создание четкой иерархии внутри системы, создание надлежащих условий для работы.

Ценностные ориентации представленного кластера указывают на такие ценности, как

1. Социальная работа как рациональная система.

2. Отлаженный механизм взаимодействия социальной работы и социальной политики государства.

3. Престиж профессии в обществе.

Рассмотрим составляющие компоненты кластера ценностных ориентаций, направленные на межличностные взаимодействия:

- повышение ценности человеческой жизни;
- направленность на планомерную работу с населением;

- повышение активности клиента;
- повышение морального удовлетворения от профессиональной деятельности.

Ценностные ориентации указывают на ценности планомерной работы, социальной активности клиента, жизни и достоинства личности, ценность моральной удовлетворенности от выполнения профессиональных обязанностей.

Третий кластер включает ценностные ориентации как представления о профессионально-личностном самоопределении:

- профессиональная группа как ценность;
 - направленность на принятие самостоятельных решений и наделение определенными полномочиями социальные службы на местах;
 - направленность на благополучие других людей;
 - направленность на творчество и профессиональный рост;
 - направленность на осознанный выбор профессии;
 - направленность на четкое планирование деятельности;
 - отношение к профессиональным обязанностям;
 - направленность на благополучие близких и других людей;
 - направленность на упрощение системы работы с документацией;
 - коммуникативная компетентность.
- Качества, выделенные специалистами в качестве основополагающих профессиональной деятельности представлены в таблице. Третий кластер указывает на такие ценности как каждодневная практика, благополучие близких, благополучие других, профессионализм в работе, самостоятельность, работа в команде.

Таблица

Профессиональные и личностные качества специалистов по социальной работе (субъективные мнения)

Личностные качества (психофизиологические особенности)	Психологические качества	Психолого-педагогические качества	Профессиональные качества
гибкость	терпение	коммуникабельность	твёрдость характера
выносливость	эмпатия	умение слушать	работоспособность
	доброжелательность	выдержка	компетентность
		толерантность	

Nikitina T.N., Shakirova A.Yu.

VALUABLE BASES FOR PROFESSIONAL COMMUNITY: A CLUSTER ANALYSIS

The article deals with current issues of formation of valuable bases helping profession. The transformation of the value system of the Russian society is reflected in the values of a professional group, the establishment of an adequate system of social support should take account of changes in the value consciousness of specialist social services. The authors propose a cluster analysis of the system of values, reflecting changes in the modern system of social protection.

Keywords: social work, social protection, the system of social work values, values of specialists of social sphere, clusters of value orientations.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асмолов А.Г. Личностный смысл — психология: Словарь. М., 1990. – С. 192
2. Никитина Т.Н. Аксиологические основания профессиональной социальной работы в России /Т.Н. Никитина// Казанский педагогический журнал.-2007.-№ 4.-С.79-84.
3. Никитина Т.Н. Ценностные основания профессиональной социальной работы /Т.Н. Никитина// Научно-методическое обеспечение процесса подготовки специалистов негосударственных вузов: материалы итоговой научно-практической конференции/ КСЮИ. - Казань: КСЮИ, 2006.- С.219-224.
4. Сигида Е.А. Содержание и методика социальной работы.- М , 2005. – С. 332
5. Пономарев П.А. Философские и историко-педагогические основы подготовки социальных работников. – Ростов на Дону, 2004. – С. 3
6. Топчий Л.В. Концептуальный подход к разработке этического кодекса профессиональных социальных работников // Отечественный журнал социальной работы. –2003. – № 1. – С. 40
7. Шмелева Н.Б. Ценностные ориентации, мотивации и психологические установки в профессиональной подготовке социального работника.//Российский журнал социальной работы. 1997. –№ 1/5–С. 115-124.
8. Шухарева О.Н. Социокультурные ценности социальной работы// диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности 22.00.06./ Екатеринбург, 2007.

Новикова К.Н. д.соц.н.

novikovakn@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация: В работе осуществлена систематизация практики управления системой социальной защиты населения в европейских странах и в США на основе анализа трудов западных и российских исследователей, а также практического изучения автором опыта работы греческих, германских, испанских, северо-ирландских и американских коллег в рамках международной программы «Открытый мир», проекта ТАСИС «Содействие развитию институтов и учреждений,

Становление и развитие социальной защиты населения за рубежом происходило значительно раньше, чем в России, что связано с особенностями социально-экономического развития и потребностями жителей каждой страны, нормами и принципами законодательства. Различные экономические и социальные обстоятельства привели к широкой палитре специфических мер социальной политики, технологий и методик для поддержания жизнедеятельности социально уязвимых групп населения, обеспечения социального развития общества в различных странах мира.

Шуламиту Рамону принадлежит подробный анализ сходства и специфики моделей управления социальной защитой на Востоке и Западе [7]. Ш.Рамон считал, что изменения в Западной Европе шли по направлениям проникновения идей рыночной экономики в сферу социальных служб, развития добровольческого (негосударственного) сектора, внедрения хозрасчетных принципов в систему оказания социальных услуг, разукрупнения учреждений социальной сферы и приближение их к потребителям услуг, акцента на удовлетворение

способствующих повышению гарантий социальных прав пожилых людей»). На основе сравнительного подхода выявлена специфика наиболее эффективных моделей управления системой социальной защиты населения за рубежом, проанализирована возможность применения элементов западных моделей управления в социальной практике России.

Ключевые слова: система социальной защиты населения, модель управления, социальные стандарты, децентрализация, ресурсы гражданского общества, система социального страхования.

разнообразных индивидуальных потребностей, изучение мнений самих потребителей услуг и их близких, формирование через Европейское Сообщество единой социальной политики и т.д. В отношении процессов в Восточной Европе так же происходит сдвиг в сторону рыночной экономики и развития добровольческого сектора. Одновременно отмечаются и такие тенденции как поощрение развития негосударственного сектора в его ком-мерческом и некоммерческом вариантах, резкое сокращение ассигнований без планомерной переориентации социальных служб на другие источники финансирования.

С.Лейбфрейд и В.Лоренц выделяют в Европе четыре модели государств всеобщего благоденствия: скандинавскую, Бисмарк-модель, англо-саксонскую и латино-римскую. Скандинавскую модель характеризуют осуществляемая государством политика полной рабочей занятости, предоставление каждому возможности обеспечивать существование свое и своих близких. Социальная стабильность достигается также за счет социального страхования граждан (пенсия, медицинское обслуживание, пособия) и перераспределения доходов в пользу наименее обеспеченных групп населения, когда основную часть налогового бремени несут лица с высокими доходами. Государство проводит активную социальную политику, учреждая широкую сеть учреждений, предоставляющих свои услуги различным слоям населения. Роль частного сектора в социальной помощи незначительна. Главная особенность Бисмарк-модели – преобладание частной практики социальной работы, которая оценивается как наиболее эффективная. Значительная часть учреждений оказывающих различные виды социальной помощи являются негосударственными. Граждане этих стран имеют право на социальное обеспечение. Англо-саксонская модель строится по принципу оказания помощи по месту жительства. Социальные учреждения создаются органами местной власти или частными лицами. Существует система социальной поддержки (бесплатное образование, здравоохранение в государственных учреждениях, пенсионное обеспечение и проч.). Латино-римская модель определена как рудиментарная, внедрение принципов государства благополучия носит декларативный характер. Провозглашены права на работу и социальное обеспечение, которые внедрены лишь частично.

Каждая из рассмотренных моделей «государства благополучия» предполагает соответствующую модель управления социальной защитой населения. Для скандинавской системы характерно строго регламентированное делегирование полномочий от центра к муниципальным органам. Центр осуществляет управление социальной защитой в основном за счет программ обеспечения занятости и за счет управления финансовыми средствами. Рычаги управления муниципальным уровнем социальной защиты – в основном экономические и правовые. Информатизация признается как средство увеличения эффективности управления социальной помощью по данной

модели в современных условиях. Бисмарк-модели соответствует модель управления, где центральная власть частично делегирует полномочия частным организациям. Управление социальной защитой осуществляется, главным образом, через специализированные программы социальной помощи. Для такой модели характерно наличие развитых и хорошо структурированных негосударственных организаций, занимающихся социальной помощью. Потенциал развития такой модели лежит, в основном, в совершенствовании взаимодействия государственных и негосударственных структур социальной защиты. По англо-саксонской модели управление социальной защитой осуществляется на местном, муниципальном уровне. Государственное управление осуществляется за счет социальных программ, в основном, вне рынка труда. Данные социальные программы направлены главным образом, на наиболее уязвимые слои населения: пожилых, детей, молодежь, безработных и т.д. Функционирование этой модели требует наличия развитой и самодостаточной муниципальной системы самоуправления.

Экономическое развитие современного мира ставит перед службами социальной защиты новые задачи и проблемы. Среди них на первый план выходят: работа с иммигрантами, прибывающими из экономически менее развитых стран, защита населения от последствий глобальных экономических кризисов, обеспечение стабильности качества жизни населения при сохранении потенциала экономического роста. Поэтому развитые страны вынуждены менять свою социальную политику и приспосабливать ее к быстро меняющимся реалиям современного мира. Естественно, меняются и системы управления социальной защитой. В то же время традиции социальной политики, обеспечивающей существование «государства благополучия» в целом сохраняются, реализуясь в каждой стране в своей форме.

Систематизируя практику социальной защиты населения в странах Европы (Нидерланды, Дания,

Германия, Северная Ирландия, Франция, Испания, Греция) и США, автор считает необходимым выделить три наиболее эффективные модели управления системой социальной защиты населения за рубежом: скандинавская (Дания, Северная Ирландия), Бисмарк-модель (Германия, Франции, Испания) и англосаксонская (США, Нидерланды, Греция). В основе их специфики особенности социально-экономической системы страны, задачи социальной политики, преобладание роли государственного или частного сектора социальных услуг, бюджетных затрат либо средств социального страхования на меры социальной поддержки, специфика децентрализации управления. Несмотря на различия, роль государства в управлении системой социальной защиты населения в этих странах (кроме Греции) остается доминирующей. Государство выступает как основной субъект регулирования, финансирования, нормативно-правового обеспечения, стратегического планирования, анализа и контроля.

Рассматривая систему социальной защиты населения США следует отметить, что для нее характерна так называемая партисипаторная модель социального развития[2]. Она отличается низким уровнем участия государства в решении социальных проблем, относительно небольшими расходами на социальное обслуживание, основная тяжесть которого ложится на семью и частных благотворителей. Социальные программы по поддержанию дохода большей частью направлены на самых бедных. Отличительной чертой является значительная децентрализация. Федеральный центр и правительства штатов осуществляют социальную политику в основном за счет крупных социальных проектов по помощи конкретным категориям населения, и выработки необходимой законодательной базы для осуществления социальной работы. На местном уровне управление социальной работой осуществляется органами управления малых территориально-административных единиц (коммуны, общины, муниципалитеты). Значительная

часть усилий по социальной защите населения в этой стране лежит на негосударственных благотворительных организациях, фондах частных компаний, профсоюзах и подобных им организациях, что в свое время было характерно и для России, а сегодня является огромным потенциалом управления системой социальной защиты населения в нашей стране. Часть из этих организаций имеют международный статус, например Армия Спасения и Международный Красный Крест. Некоторые из них ориентированы на защиту конкретных категорий населения. Другая часть негосударственных организаций действует по национальному или религиозному признаку, обеспечивая социальную защиту представителей определенных национальностей или конфессий. Им подведомственны различные учреждения социальной защиты: приюты, дома престарелых, больницы, школы и т.д. Фактически, такие организации создают на национальном уровне свою параллельную систему социальной защиты, со своим собственным управлением и своей собственной социальной политикой.

Система социальной защиты в Нидерландах в последние годы подверглась глубокому реформированию и развивается по принципам модели социальной защиты населения США [1]. Осуществляется переход к новой социальной политике – политике стимулирования трудовой активности населения. Средства, расходуемые на социальную помощь, выделяются центральным правительством на муниципальный уровень в виде так называемых «федеральных» трансфертов. За счет федеральных трансфертов формируются два бюджета социальной помощи: бюджет социальных пособий и бюджет реинтеграции. Первый расходуется на выплату пособий по нуждаемости, второй бюджет расходуется на содействие в поиске работы гражданами, обратившимися за социальной помощью. В целом, на современном этапе политика управления социальной защитой в Нидерландах подчинена принципу «децентрализации». Муниципалитеты получают возможность не только самостоятельного

расходования выделяемых из Центра средств, но и выбора механизмов и методов социальной работы применительно к конкретной ситуации на территории. Вместе с передачей властных полномочий новый закон усиливает ответственность местной власти, которая отныне сама разрабатывает социальную политику в обмен на сокращение прямых контрольных функций центральной власти. На «федеральном» уровне устанавливаются только минимальные социальные нормативы, социальный бюджет и размеры пособий. Социальная помощь в Нидерландах основана на строгой проверке нуждаемости граждан. Ключевая роль в данном процессе отводится работе с индивидуальной социальной информацией. Поэтому информационное обеспечение социальной защиты играет в Нидерландах очень значительную роль. Федеральное информационное бюро выступает единственным посредником в обмене данными между муниципалитетами (их социальными службами) и другими организациями, с которыми им необходимо связываться при проверке информации о клиентах (социальные стипендии, налоги, заработная плата, банковские вклады и т.д.). Вся ответственность по содержанию и достоверности информации данных лежит на клиенте, со слов которого вводится информация на местах.

С управленческой точки зрения, внедрение такой системы требует значительных дополнительных расходов на информационное обеспечение. Однако именно адресность предоставления социальной помощи позволяет преодолеть иждивенческие тенденции в обществе и обеспечить на данном этапе стабильное социальное развитие. Подобный механизм оказания мер социальной поддержки и построения системы социальной защиты населения в целом могут значительно усилить эффективность управления системой социальной защиты населения в России при условии применения его, также как и в Нидерландах, повсеместно.

Главными составляющими Датской модели

социальной защиты являются: государственная система, обеспечивающая высокий уровень экономической защиты даже для самых неблагополучных слоев, а также очень высокий уровень обслуживания; выравнивание доходов через прогрессивное налогообложение и социальные (трансфертные) выплаты; децентрализация и контроль, осуществляемые в рамках законодательства [12].

Решение вопросов социальной защиты в Дании четко разграничены между уровнями власти. Основные выплаты, такие как социальная пенсия, пособие по болезни, выплаты семьям и т.д., производятся централизованным порядком в соответствии с общими правилами. Власти графств отвечают за более специализированные услуги, находящиеся вне сферы деятельности местных властей: помощь инвалидам, людям с физическими и умственными недостатками и неблагополучным семьям с детьми. Местные власти главным образом отвечают за предоставление социальных услуг в рамках существующего социального законодательства, а также за предоставление широкого спектра оплачиваемых услуг в социальной сфере.

В децентрализованной системе особенно важен высокий уровень информированности, как в центре, так и на местах. Поэтому так велика потребность в различных информационных системах, позволяющих установить плодотворный диалог между центром, местными властями и обществом. В Дании традиционно и представители социальных служб, и те, кому предоставляются услуги, активно участвуют в проведении социальной политики для достижения конкретных целей. Министерство социальных дел все чаще сотрудничает и финансирует добровольные социальные агентства, которые дополняют деятельность профессиональных социальных работников и достигли положительных результатов в работе с наименее защищенными группами общества. Министерство социальных дел поддерживает контакты с организациями, работающими в социальной сфере, в частности, с

Национальной ассоциацией местных властей Дании и Ассоциацией советов графств Дании. Кроме того, много групп потребителей и добровольных агентств тесно взаимосвязаны с правительством в таких сферах как разработка социальной политики, нового законодательства и т.д. В последнее время социальная система оказания помощи безработным переориентируется с пассивной помощи на активную. Вместо простых денежных выплат по безработице существует множество программ по созданию рабочих мест, производственных школ, банк предложений устройства на работу. Особое внимание уделяется безработной молодежи.

Меры, предпринимаемые в области социальной поддержки людей с низким достатком, основываются на принципе солидарности, предполагающем, что общество признает ответственность за индивида и предоставляет ему необходимую безопасность и услуги.

Дания во многих отношениях занимает особое положение в вопросах социальной защиты и обслуживания. Интерес международной общественности к тому, что называется датской моделью, свидетельствует о том, что ее опыт может помочь другим странам, в том числе и России. Наиболее интересным является опыт данной страны по развитию гражданского общества и межсекторного взаимодействия в решении социальных проблем, применении эффективных социальных технологий, использовании преимуществ партисипаторной системы государственного управления в проведении эффективной социальной политики.

В Германии, как и в Нидерландах и Дании, в системе социальной защиты государство играет ведущую роль. В то же время для Германии характерно развитое местное самоуправление (в городах, поселках и деревнях) [4]. Роль федеральных министерств заключается, прежде всего, в разработке социальной политики и законодательной базы социальной защиты. Также федеральные министерства занимаются

разработкой и осуществлением общенациональных программ социальной защиты. На местном уровне социальной защитой населения занимаются управления социального обеспечения (социаламт) и управления по трудоустройству (арбайтсамт). Государственные организации (социаламт и арбайтсамт) оказывают помощь только тем, кто зарегистрирован по месту жительства. Если у человека нет регистрации по месту жительства, он может рассчитывать только на помощь частной или общественной благотворительности. Социальная защита населения Германии имеет глубокую историю, и на современном этапе очень гибкую систему. Основой является развитая система социального страхования от различных видов рисков: временная потеря трудоспособности, инвалидность, безработица, восстановление здоровья (реабилитация), помощь по бедности, рождение ребенка, смерть и т.д. Государство является равноправным партнером социального страхования совместно с работодателем и застрахованным. Оплата пребывания клиента в социальном учреждении производится соответствующим фондом социального страхования. Оплата индивидуальная, в зависимости от состояния здоровья при поступлении, требуемого периода релаксации, программы реабилитации. Оплата услуг в детских учреждениях производится в том же порядке фондом социального страхования родителей. Механизмы системы социального страхования в Германии могут быть успешно адаптированы в России и стать важной составляющей системы социальной защиты всех граждан, в том числе и нетрудоспособных.

Французская система социальной защиты населения представляет собой один из вариантов модели социального страхования Бисмарка, доминирующей на европейском континенте, которая предусматривает перераспределение текущих доходов бюджета социальной защиты, формируемого за счет взносов работников и предпринимателей, в пользу пенсионеров и

нуждающихся. Система социальной защиты граждан сформировалась в первые три послевоенных десятилетия при непосредственном участии государства [3]. Управление этой системой и ее финансирование должны были осуществляться на паритетных началах представителями профобъединений и ассоциациями предпринимателей при участии администрации. Успешное развитие экономики вплоть до середины 70-х годов создавало материальную базу для функционирования системы социального страхования и способствовало сохранению стабильности в обществе. Энергетический кризис 70-х годов и проходившая в 80-х годах структурная перестройка экономики выявили слабые стороны сложившейся системы социального обеспечения, прежде всего, ее дорогостоящий характер. По данным Национального института статистики и экономических исследований, в 90-х годах уже три четверти французских семей пользовались помощью государства. При этом постоянно возрастали суммы практически всех социальных пособий. Выявилась настоятельная необходимость реформирования системы социальной защиты, которая стала непосильным бременем для государственного бюджета.

Следует особо отметить, что во Франции реформирование социальных структур защиты населения сопровождалось усилением влияния государственной власти в управлении всей системой социальной защиты, что резко выделяло ее среди ведущих стран Европы, поскольку в этот период в европейской общественной мысли крепла идея сокращения чрезмерной регулирующей роли государства, и все большее число французских ученых и общественных деятелей поддерживало ее.

В Испании в рамках системы социальной поддержки эффективно функционирует механизм информирования граждан о принадлежащих им правах в данной области, а также оказания необходимых юридических услуг. Финансирование программ социальной помощи осуществляется из

госбюджета из той его части, которая формируется за счет сбора налогов на физических лиц [11]. Около 70 % налоговых средств расходуется на социальную политику. Выделенные средства поступают в распоряжение Министерства труда и социального обеспечения. Их распределение происходит по двум основным каналам: через испанский Красный Крест и другие неправительственные организации, и реализацию ежегодных программ взаимодействия Центра, Автономии и муниципалитетов в сфере социальной поддержки нуждающихся слоев и групп населения. В первом случае финансовые средства выделяются НПО под конкретные гуманитарные проекты, которые предварительно должны получить одобрение соответствующей комиссии при Минтруде. За расходованием средств установлен учет со стороны Госфининспекции и Минтруда. Выделению ассигнований предшествует подписание специального соглашения между государством и НПО, в котором определяются сроки, формы и методы реализации программ социальной поддержки. Во втором случае бюджетные средства, выделение которых должно быть одобрено Совмином, распределяются непосредственно среди автономных сообществ. Реализацией ежегодных программ непосредственно занимаются муниципалитеты, на территории которых расположены учреждения социального обслуживания. Программы помощи распространяются на следующие категории населения: малоимущие семьи, престарелые люди, женщины, инвалиды, заключенные и бывшие заключенные, наркоманы, этнические меньшинства, нищие и бездомные, беженцы и другие нуждающиеся лица. Учреждения, оказывающие социальную помощь разнообразны - это дома престарелых, центры дневной занятости, социальные приюты, службы помощи наркоманам, охраны женщин. Кроме того, нуждающимся оказываются различные виды помощи на дому: постоянная помощь, персональная помощь, ежедневная, почасовая и

круглосуточная помощь. Для определения необходимого вида социальной помощи и помещения заявителя в «список ожидания» пожилые люди проходят тестирование по основным критериям способности к самообслуживанию по четырех – бальной системе и по четырем типам самостоятельной активности: самостоятельно двигаться в кровати; самостоятельность передвижения; самостоятельность использования туалета; самостоятельность принятия пищи. При оказании материальной помощи уровнем бедности является прожиточный минимум. При доходе ниже ПМ назначаются следующие виды материальной помощи: пособие по уходу за престарелым в родной семье; пособие по уходу за престарелым в приемной семье.

В Испании развито социальное партнерство. Функционирует региональный Совет пожилых людей, во всех центрах соцобслуживания работают адвокаты. Любая работа строится в рамках целевых социальных программ: «Активная жизнь» для пенсионеров, вышедших на пенсию, «Заботиться о тех, кто заботится», помочь трудоспособным грамотно заботиться о пожилых людях, «Будущий пенсионер», «Ассоциация добровольцев», «Путешествие пожилых» и т.д. Проводится активная работа по созданию университета 3-го возраста. Конкурсы социальных проектов являются традиционной формой реализации государственного заказа на социальные услуги.

Система управления социальной защитой в Греции имеет особенности, связанные с уровнем доходов населения, а также национальными традициями. Полномочия по социальной поддержке и социальному обслуживанию населения переданы органам местного самоуправления. Работа с социально уязвимыми категориями населения (пожилые люди, инвалиды) строится через районные центры социального обслуживания «Капи», представляющие следующие услуги: уход на дому, организация досуга, развитие клубов по интересам, социальный туризм, медико-социальные, оздоровительные

услуги. Единое информационное пространство и банк данных населения, а также социально уязвимых групп, нуждающихся в социальной поддержке, отсутствует. Услуги оказываются по обращаемости на платной основе. В тоже время в стране функционирует стройная система социального страхования, являющаяся основой социальной защиты, как трудоспособного, так и нетрудоспособного населения. Основными функциями Министерства по социальным вопросам являются: контроль целевого расходования государственных инвестиций, организационно-методическая помощь и координация деятельности центров социального обслуживания.

Основу системы управления социальной защитой населения в Северной Ирландии составляют социальные стандарты, утверждаемые законами страны. Модель управления строится в соответствии с этим главным принципом. Главными задачами Министерства здравоохранения и социальной защиты являются: оценка потребности населения, регистрация учреждений, независимо от форм собственности, стандартизация качества социальных услуг, ревизирование деятельности учреждений независимо от форм собственности[5].

Принципы формирования стандартов: разумность, измеримость, мобильность (совершенствование). Базовые принципы деятельности службы: уважение клиента сохранение достоинства, право выбора, неразглашение, приватность, конфиденциальность, деликатность предоставления услуг. Стоимость гарантированных и дополнительных социальных услуг устанавливает Правительство. Материальное состояние резидентов (обслуживаемых) контролируются и корректируются в сторону уменьшения платежа на социальные услуги в случае уменьшения его общего материального состояния. Значительным для повышения эффективности управления системой социальной защиты населения является полный патронат пожилых людей. В министерстве

(резиденции) есть «менеджер по уходу» за каждым стариком (30 чел. на 1 менеджера). Он определяет нуждаемость в уходе и отслеживает материальное состояние клиента (или будущего клиента). Такой подход рационально взять в практику деятельности социальной службы России. Интересным является механизм привлечения общественности к решению социальных проблем через Общественный Совет по делам службы. В Совет входят представители общественности, представители органов местного самоуправления, председатели общественных организаций, простые граждане. Совет имеет вертикаль в каждом регионе, что позволяет осуществлять контроль на нескольких уровнях. Основными функциями Совета по делам службы являются консультирование и информирование населения; работа с жалобами (помогают жаловаться); юридическая помощь населению; формирование групп потребителей (общественные формирования), групп поддержки – влияние на характер оказываемых услуг; участие в социальных исследованиях; изучение общественного мнения (опрос, анкетирование, интервьюирование).

Таким образом, специфика моделей социальной защиты населения в различных зарубежных странах может стать основой для построения эффективной модели управления системой социальной защиты населения в России. Но речь должна идти об интегрированной модели управления, как наиболее эффективной стратегии повышения эффективности управления системой социальной защиты населения. Например, децентрализация, перевод центра тяжести социальной защиты населения на органы местного самоуправления, развитие негосударственного сектора, в то же время установление минимальных социальных нормативов, бюджета и размера пособий на «федеральном» уровне, развитая система применения информационных технологий, программных продуктов в системе управления, адресность социальной защиты населения интересны в США и Нидерландах. Датская и Германская модели отличаются

значительной ролью государства и всеобъемлющей государственной службой в управлении системой социальной защиты населения и одновременно четким распределением полномочий между уровнями власти на местах, активное участие граждан в разработке и проведении социальной политики, традиция экспериментирования и развития. В отличие от России в Нидерландах, Дании, Греции и Германии имеет место стройная всеобъемлющая система социального страхования, которая является основой персонифицированной, адресной системы социальной защиты населения. Обязательным фрагментом построения эффективной модели управления системой социальной защитой

населения является особенность ирландской модели управления системой социальной защиты - система стандартов оценки качества оказываемых услуг, четкая оценка нуждаемости, система социального патронажа, определения и контроля материального состояния клиента. В целях повышения эффективности управления системой социальной защиты населения целесообразно внедрить в практику социальных служб России испанский подход ориентации деятельности службы и социальных технологий на конечный социальный результат, систему оценки качества предоставляемых услуг и комплексный принцип деятельности учреждений социального обслуживания.

Novikova K.N.

THE SPECIFICITY OF THE SOCIAL PROTECTION SYSTEM IN SOME FOREIGN COUNTRIES

The work carried out systematization management practices social protection of the population in European countries and in the United States based on the analysis of works of Russian and foreign researchers, as well as hands-on learning experience of the author of the Greek, German, Spanish, Irish and North American counterparts in the international program "Public world", the TACIS project "Promotion of institutions and agencies that promote social safeguards the rights of older people." Based on a comparative approach revealed specifics of the most effective models of governance system of social protection of the population abroad, analyzed the possibility of applying the elements of Western models of governance in social practice in Russia.

Keywords: social security system, the model of governance, social standards, decentralization, resources of civil society, the social insurance system.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Байгереев, М. Нидерланды: Суть реформы социальной защиты в стимулировании трудовой активности. / М. Байгереев // Человек и труд. –М., 2004. – № 1, 2.
2. Баликов В.Т. Реализация моделей социальной политики: мировая практика / Экономические интересы и социальная политика. -Ростов н/Д. Изд-во СКАГС, 2006.
3. Лотар Витте. Европейская социальная модель и социальная сплоченность: какую роль играет ЕС? // Человек и труд. № 1, 2006, С. 23-24.
4. Мадиевский, С. Социальная помощь в Германии / С.Мадиевский // Мировая экономика и международные отношения. - М.,2003.- №10.- С.42-44.
5. Максимова А.А. Модели социальной политики зарубежных стран и выбор России / А. А. Максимова // Налоги. Инвестиции. Капитал. -2002. -№1. -С.113.
6. Можаяев В. Совместима ли шведская модель с глобализацией и «евроинтеграцией» ?// Человек и труд.-2001. -№4.
7. Рамон Ш. Предисловие // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики /Ш. Рамон. – М.: Аспект–Пресс, 1997. С. 3-9.
8. Роик В. Социальная модель государства: опыт западноевропейских стран и выбор России / В. Роик // Социальная модель государства: выбор современной России и опыт стран Европы.- 2006. №6(294). -С.54.
9. Россия: путь к социальному государству/Материалы Всероссийской научной конференции(Москва, 6 июня 2008 г.).-М.:Научный эксперт,2008.-1008с.
10. Элен Мартин. Социальное обеспечение в Великобритании и во Франции // Свободная мысль-XXI.
11. Рогов С.М. Функции современного государства: вызовы для России// Свободная мысль –XXI. № 7, 2005, С. 56
12. Социальное обеспечение в странах Северной Европы / под общей ред. В.И. Жукова. – М.: МГСУ, 2004. – 168 с.

Озерова К.А.

Karina-Usm@yandex.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В ТАТАРСКОЙ МУЗЫКЕ: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация: Память о прошлом народа, его истории сегодня один из важнейших элементов определяющих настоящее этого народа. В статье исследовано содержание таких категорий как «коллективная память», «культурная травма» и раскрывается механизм взаимосвязи этих категорий с процессом этнической категоризации и идентификации.

Ключевые слова: этническая идентичность, коллективная память, культурная память, культурная травма, татарская музыка.

Национальная музыка - это неотъемлемая часть культуры этнической группы. Старинные песни переносят во времени образы и представления как о важных для общности исторических событиях, так и групповой идентичности. В этом контексте, можно говорить о связи истории, национальной музыки, памяти и этнической идентификации. Эту связь отмечают такие исследователи как Т. Адорно, П.Нора, Э. Хосбаум, В. Шнирельманн и другие.

Однако эти исследования касаются феноменов обществ более или менее однородных по составу, поэтому наше исследование роли национальной музыки в формировании этнической идентичности Татарстане, как поликультурном обществе открывает новые возможности для понимания роли музыки в этнической идентификации и категоризации, а так же применимости таких аналитических конструктов как «культурная память» и «культурная травма» к поликультурному обществу.

Исследуя этническую идентификацию, следует учитывать, что одним из сильнейших факторов этнической консолидации может выступать групповая память о событиях истории, воспринимаемых как

травмирующие. Теории, рассматривающие влияние таких событий на группу относятся к теориям культурной травмы.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы ответить на вопрос отражаются ли какие-либо исторические события в музыкальных произведениях как культурная травма и как это влияет на формирование этнической идентичности современных татар?

То, что мы помним, то как интерпретируем те или иные воспоминания или образы минувшего может многое сказать о том, в каком обществе мы живем сегодня. Действительно, было бы ошибкой рассматривать память как что-то сугубо индивидуальное, ведь существуют некоторые «общие» воспоминания для достаточно обширных групп людей. В качестве примера можно рассмотреть, например, память об истории. Говоря об общей памяти, мы обычно предполагаем существование не столько какого-то общего конкретного воспоминания, но некоторого способа интерпретации тех или иных событий, единого для определенной группы. То, как воспоминания о чем-либо становятся общей памятью и в чем причина этого — интересная область для исследования.

Историческую память исследовали множество ученых, в целом, можно разделить их на два лагеря – тех, кто рассматривает историческую память как натуралистическое явление и тех, кто рассматривает такую память как некоторую конструкцию. В этой работе мы используем второй подход.. В рамках такого понимания групповой памяти о ходе истории работал, например, такой известный исследователь как Д. Александер, идеи которого лежат в основе данной работы. Также мы пользуемся идеями Я. Ассмана о разделении групповой памяти на культурную (ту, что сохраняется в тех или иных культурных образцах) и коммуникативную (ту, что создается и воспроизводится в процессе социальных взаимодействий)[4].

Так или иначе историческая память тесно связана с определением идентичности человека,

можно предположить что эмоционально окрашенные, общие воспоминания о каком-либо событии сплачивают группы, дают им в буквальном смысле почувствовать общее историческое прошлое. При этом не важно насколько интерпретация того или иного события соотносится с историческими фактами — главное как именно интерпретируется то или иное событие.

Значимость коллективной памяти для формирования групповой идентичности особенно заметна при рассмотрении примера с трагическими историческими событиями. Действительно ощущение причастности, общей скорби не только сплачивает представителей группы между собой, но и служит фактором отделения «нас» (тех кто помнит и скорбит) от «них» (тех, кто не разделяет наше воспоминание и возможно связан с обидчиком из прошлого).

Известная работа посвященная детальному анализу данного феномена это конечно работа Д. Александера «Культурная травма и коллективная идентичность». В этой работе исследователь с одной стороны, критикует часть ученых за излишний натурализм (рассмотрение культурной травмы как реального травматического события, некой суммы индивидуальных травм), с другой стороны, он избегает и крайностей конструктивизма (рассматривая культурную травму как реальный акт коллективных сил, а не просто срежиссированное представление о том или ином событии).[3] На примере обширного эмпирического материала автор демонстрирует ту огромную роль, которую играет в формировании коллективных идентичностей символическая конструкция травмы.

Остановимся на том, что же такое культурная травма: «Культурная травма имеет место, когда члены некоторого сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в памяти и коренным образом изменяет их будущую идентичность. Объект культурной травмы — связи между людьми и их культурные смыслы, именно

эти связи смыслы претерпевают драматические изменения»[3].

Статус травмы придается реальным или воображаемым явлениям не благодаря их фактической деструктивности или объективной резкости, но благодаря тому, что предполагается, что эти явления резко и пагубно повлияли на коллективную идентичность. Д. Александер отмечает, что не всякое трагическое событие становится в последствии культурной травмой и объясняет символические механизмы, стоящих за конструкцией травмы. Он рассматривает такие категории как «код», «господствующий нарратив», «драма», «ритуал» и другие. По Д. Александеру, «культурная травма» состоит из следующих компонентов: материальная «база» контролирования средств символического производства; кодирование травмы как Зла; придание Злу определенного смыслового «веса»; повествование о свойствах Зла, определение того, кто его жертвы, кто несет ответственность за них, каковы последствия Зла и т.д. [3]

Таким образом культурная травма хоть и предстает феноменом и из прошлого, она неразрывно связана с событиями интерпретациями сегодняшнего дня, особенно с представлениями о собственной принадлежности к той или иной группе и месте этой группы в мире вообще. Для подтверждения своих размышлений автор привлекает обширный исторический материал и проанализировав его приходит к выводу, о том в формировании коллективных идентичностей огромную роль в современном западном обществе сыграла именно культурная травма.

Однако, на наш взгляд, выводы автора, а так же выявленные социальные механизмы конструирования и поддержания культурной травмы можно успешно использовать для объяснения не только социальных феноменов западного общества, но и как концепцию справедливую для интерпретации трагических событий в коллективной памяти вообще. В данной работе мы анализируем некоторые элементы

коллективной памяти татар в республике Татарстан как культурную травму, оказывающую большое значение для формирования и поддержания групповой идентичности.

В качестве эмпирической базы мы используем интервью проведенные в рамках проекта Центра культурных исследований постсоциализма Казанского федерального университета "Войны памяти" и "конвенции памяти" в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления" (март-июнь 2014г.). Всего 7 глубинных интервью об истории вообще и 15 экспертных интервью с работниками музыкальной сферы Татарстана о связи музыки и истории). Кроме того, мы опираемся на содержательный анализ публикаций региональных СМИ посвященных теме «взятие Казани».

Д. Александер говорит о «процессе травмы» как разрывом между событием и его репрезентацией. Но можно ли отследить процесс создания «травмы»? Полагаю что да. Исторические события, о которых так по разному вспоминают, произошли в 1552 году и представляли собой захват русскими войсками Казанского ханства[8]. В результате территория Казанского ханства была присоединена к Руси и полностью потеряла политическую автономность.

Интересно, что практически одновременно с этими событиями произошло и присоединение к Руси территории современной Чувашии, однако сегодня в этой республике данные события не воспринимаются как трагические. Из интервью с респонденткой: «У нас (в Чувашии) говорят, что когда пришли войска Ивана Грозного и присоединили наши территории, жителям стало только лучше, все было добровольно и сейчас мы в составе России благодаря этому, так что это хорошо».

Для того, чтобы лучше разобраться в ситуации нам необходимо проанализировать контекст в котором создается определенное представление о ситуации. Говоря в общем можно выделить два основных дискурса представления рассматриваемого исторического события в СМИ.

Первый, публичный дискурс достаточно сдержан, однако подчеркивается необходимость сохранения памяти о завоевании Казани, память о жертвах связанных с этим событием[1]. Несмотря на отсутствие прямых эмоциональных оценок, завоевание Казани представляется как трагическое событие повлекшее множество жертв с каждой стороны, разрушившее сильное татарское государство, так же активно освещаются события связанные с поминовением погибших в тех далеких событиях. Все это косвенно создает образ завоевания Казани как драматического события, но без возложения ответственности за него на современных русских. В таком ключе написаны статьи К. Якушева (общественного деятеля и журналиста) например «День Памяти. 469 лет назад, 15 октября 1552 года, татарское государство на Волге постигла страшная катастрофа» и др.[9]

Второй дискурс — националистический, в нем завоевание Казани Иваном Грозным -это величайшая трагедия татарского народа, лишившая его собственной государственности, культуры и «многовековое рабство татарского народа».[13] (например «Обращение к татарской нации по случаю дня памяти, годовщины взятия Казани». Опубликовано информационное издание татарской партии национальной независимости "Иттифак" на сайте общественного движения «Азатлык»)

Д. Александер сравнивает процесс создания травмы с речевым актом: травмы, как и речевые акты состоят из определенных элементов: говорящий — группа носителей, аудитория, ситуация[3].

Проанализируем ситуацию с интерпретацией Взятия Казани в коллективной памяти по каждому из элементов:

Группы носителей: теми, кто «делает группу» (для того чтобы представители одного этноса поняли что они «группа» им нужно это «объяснить»[7]) становятся политики, представители общественных организаций (например радикально настроенный «Азатлык») и конечно журналисты, те кто распространяет различные интерпретации взятия Казани через СМИ.

Создаваемые ими нарративы должны быть убедительными (например при описании взятия Казани часто оглашается значительное число погибших, зверства по отношению к татарскому населению и прочие подробности усиливающие воздействие на читателя)

Аудиторией в данном случае выступает этническая группа татар (автор говорит о том, что аудитория может быть номинально однородной, при этом социологически разделенной, что по нашему мнению, вполне подходит для характеристики «татарского сообщества»)

Ситуация: историческое, культурное и институциональное окружение в котором происходит речевой акт.

Остановимся на последнем элементе подробнее. Действительно, можно предположить, что актуализация завоевания Казани как трагедии татарского народа связано с широким социальным контекстом. Представить, что например в СССР открыто говорили бы о том, что завоевание Казани — это плохо, достаточно сложно. Изменение политической ситуации, получение Татарстаном определенной доли суверенитета, усиление религиозности, подъем национальных чувств, значимости собственной этнической идентичности в начале девяностых годов прошлого века сделало память о завоевании Казани важной и весьма сильно эмоционально окрашенной темой.

Д. Алесандер подчеркивает: «Травма не является результатом того, что некая группа испытывает боль, она есть результат острого дискомфорта, проникающего в самую сердцевину ощущения сообществом собственной идентичности[3] » - такой сердцевиной стала для татар потеря независимости, государственности, крещение. Можно предположить, что конструирование памяти о завоевании Казани как культурной травмы в ситуации Татарстана 1990х годов связано с вновь ставшим актуальным вопросом о степени политической независимости республики.

С этой точки зрения представление завоевания

Казани как культурной травмы весьма удобно для политической элиты с точки зрения легитимации собственных действий (отстаивание большей степени суверенитета). Апелляция к тому, что независимость татар была насильно, жестоко уничтожена, но все-таки исконно существовала и была сильной, позволяет некоторым политикам продвигать дискурс о том, что национальный суверенитет для Татарстана - это своего рода восстановление «исторической справедливости».

Так же важно учитывать институциональное окружение — когда Татарстан становится республикой с определенной долей независимости у групп носителей (те, кто «делает группу») появляется возможность комплексного представления драматичной интерпретации событий 1552 года. Увеличивается количество и влияние региональных СМИ, которые могут транслировать подобного рода дискурсы, появляется возможность создавать учебные программы, предлагающие иную интерпретацию событий, организовывать исторические исследования, общественные организации и вообще появляется большой перечень институциональных возможностей донести свою интерпретацию исторических событий до широких кругов жителей республики.

Как было сказано ранее, «культурная травма» состоит элементов: материальной «базы» контролирования средств символического производства, кодирования травмы как «зла»; придания «злу» определенного смыслового «веса», повествования о свойствах «зла»: кто его жертвы, кто несет ответственность за них, каковы его последствия и т.д. Попробуем вычлени эти компоненты для рассматриваемого нами примера.

Если говорить о материальной базе символического производства, то сегодня лидеры этнической группы татар располагают как материальными, так и властными ресурсами для производства и воспроизводства символов, закрепляющих представление о взятии Казани как культурной травме. К таким символам можно

отнести, во-первых, создание памятников и монументов, восстановление объектов, символически связанных с завоеванием Казани, например мечети Кул Шариф: «в Казанском Кремле состоялось открытие великолепной мечети Кул Шариф, вернее, она вернулась к нам через 400 с лишним лет»(из интервью с первым президентом республики Татарстан Минтимером Шаймиевым)[11].

Во-вторых, создание «дня памяти» жертв Взятия Казани. Эта коммеморация во многом связана с деятельностью радикально националистического сообщества «Азатлык», которое традиционно в октябре устраивает посвященные памяти «самой большой трагедии в истории татарского народа»[13]. Однако, сегодня правительство республики работает над тем, чтобы официально установить день памяти жертв событий октября 1552 года. Символическое производство касается и продвижения определенной интерпретации событий через учебники по истории родного края, создание фильмов и телепередач на региональном телевидении и т. д.

Например одна из респонденток так интерпретирует взятие Казани («... я сейчас горжусь за историю татар потому что Шаймиев поднял татар (смеется), я очень благодарна ему, что он поднял статус именно татарского народа, вот например я смотрела фильм, где в опять таки о татарах где крещение татар вот это, вот постепенно все постепенно вспоминается. Крещение татар допустим это тоже, вот это страшное событие, было допустим.»)

Можно отметить, что источником представлений респондентки о взятии Казани как «страшном» событии является деятельность видного татарстанского политика и такие результаты символического производства как фильмы транслирующие представление о взятии Казани (и связанным с ним крещением части татар).

Так же Дж.Александр полагает, что коллективные смыслы, основанные на моральном контексте и эмоциях, оказывают доминирующее влияние на индивидов и социальные группы[3].

Относительно памяти о завоевании Казани речь идет о кодировании травмы как зла, несправедливости по отношению к татарскому народу. Действительно, представления о взятии Казани весьма сильно эмоционально окрашены, пример из одного интервью:

«А если говорить например о каких-то врагах? Был ли кто-то в нашей истории кто был нам врагом?: Ну конечно есть враги, Гитлер разве наш не враг фашизм например. Или Иван грозный например для меня считается врагом, Казань разрушил, вот»

Другая респондентка называет объясняет завоевание Казани Иваном Грозным его «психической неуравновешенностью»: «Ну он похоже психически неуравновешенный был, в этом все дело, такие зверства только больной может сделать»

Основной, на наш взгляд, тезис Александра состоит в том, что восприятие тех или иных исторических событий как культурной травмы оказывает огромное влияние на представление об идентичности группы. В заявлениях представителей националистических организаций можно уловить четкое разделение на «мы» (татары, с которыми поступили жестоко и несправедливо) и «они» (завоеватели-русские).[13] Важно что это разделение, которое отсылает нас к событиям 500 летней давности рассматривается как основание для проведения этнических границ[6] уже в современном Татарстане. Несмотря на то, что этот дискурс нельзя назвать доминирующим, анализ интервью подтверждает, что существует некоторая убежденность в том, что если ты татарин, то ты должен интерпретировать взятие Казани именно как трагедию.

Как и уже упомянутая респондентка, которая считает Ивана Грозного своим врагом, другой респондент так отвечает на вопрос «какие исторические события можно назвать трагическими?»: «для меня, как для татарина — это завоевание Казани» (мужчина, 36 лет).

Можно отметить явную связь представлений о взятии Казани и этнической идентичности

респондента. Взятию Казани как трагедии придается определенный смысловой вес — подчеркивается несправедливость завоевания по отношению к татарам, потеря независимости, насильственное крещение.

Важным аспектом теории Д. Александра о культурной травме становится то, что за эту травму всегда кто-то несет ответственность[3]. В случае с взятием Казани эта ответственность возлагается как на Ивана Грозного в частности (свойственно для интервью и публичного дискурса) и русских в целом (националистический дискурс). Такая постановка вопроса еще раз очерчивает границы идентичности татар, отделяя их от русских, наделяя татарский народ чертами жертвенности.

Причем, эта жертвенность относится не только к периоду 16 века, а тянется до настоящего времени. Подчеркиваются такие негативные последствия для татар как невозможность нормально развиваться как самостоятельная нация, культурное давление, ограничение свободы. Такого рода интерпретации взятия Казани мы можем увидеть интервью респондентки, которая является работником Министерства культуры республики Татарстан: «Вы как себе представляете, что такое потерять государственность? Вся система государства разрушена, входа тебе нет, нет образовательной системы. Раз образовательной системы нет, кто обучается, где? Почему письмо осталось? На каком уровне мы стали общаться, на каком уровне мы стали образовываться, истории надо же как-то его доносить. Мы же вынуждены были письменность знать только для того, чтобы изучать Коран, и то тайком, шло крещение».

Если постараться подвести итог, то можно уверенно сказать, что память о взятии Казани — это культурная травма. Коллективная память о взятии Казани акцентирует внимание татарина на драме потерянной государственности, порабощении и невозможности развития культуры и нации в условиях «несвободы». Все это ведет к усилению дихотомии «мы-они», и в некотором смысле консолидирует этническое сообщество.

Еще одно подтверждение того, что взятие Казани

— это культурная травма, мы можем найти в некоторых элементах национальной культуры татар. Если пользоваться классификацией Яна Ассманна[4], до этого момента, мы рассматривали в основном коммуникативную память, если же говорить о культурной памяти, то мы можем найти отражение представления о завоевании Казани как травмы в песнях на татарском языке. Мы исходили из того, что песня, это своеобразное «место памяти».[12]

Анализируя интервью и сами тексты песен мы заметили, что один из распространенных мотивов в татарских песнях — мотив тоски и печали. Интересно, что многие эксперты связывают его распространенность именно с отражением в культуре потери государственности татарами.

Один из респондентов (директор музея, организатор музыкальных мероприятий) так оценивает распространенность темы тоски в татарской музыке:

«Р: Как директор музея я вам могу сказать, что по музыке невозможно представить татарский народ, надо приехать, увидеть, надо с ними разговаривать. А так, если только народную музыку дать, они могут подумать, что русские давят и татары зачуханные и они сидят в хижинах и ждут когда им укажут. А когда вот патриотические песни поют, можно там раскрывать татарский народ». Интересно, что респондентка связывает тему тоски и давления русских на татар.

Действительно в традиционных татарских песнях обилие протяжных, тоскливых мотивов. Песни о расставании, разлуке, тоске достаточно распространены. Из интервью: «У нас воспринимается, что вся татарская музыка «монлы музыкалар», что все такие песни, с грустью, с тоской... С чего это идет? каждая музыка отражает характер народа, история народа, все это отражается. Есть такое понятие «мон», которое присуще татарскому народу»

Связь переживаний целого народа с особой тоской и метафоричностью отмечает и Хелен М.Фаллер, она пишет о том, что «мон» - это обобщенное чувство горя и печали. Певцы, которые

пели такие песни, предавали зрителям определенный эмоциональный опыт, производящий и воспроизводящий ощущение общности татар как нации, которая пострадала. По мнению исследовательницы, «мон» успешно создает объединяющее чувство коллективного страдания, однако это чувство можно понимать различными способами. Гибкость в интерпретации смыслов позволяет татарам испытать чувство коллективной включенности, даже выражая собственную индивидуальность. Типичные тексты о чувстве горя и потери, выраженные метафорически через эмоциональное описание сцен из природы отсылают нас не к судьбам отдельных лиц, а к нации в целом.[15]

Другой респондент так описывает связь мотива тоски и образа Сююмбике (одного из значимых действующих лиц во время взятия Казани): «Какими представляются событие периода Сююмбике?: Скорее всего, даже не печаль, не радость. У татар все делается как-то... Есть такое размытое понятие «мон», вроде и тоска, и радость, и все и просто татары говорят «мон» и все. После того, как взяли Казань, было очень много баитов, был сочинен Сююмбике баит, татары все равно пытались вот эту политику, политические лозунги, они не кричали не ходили, они пытались смягчить»

Здесь мы также находим подтверждение тезиса Александера о том, что для культурной травмы характерно постоянное возвращение к обсуждению, репрезентации травмирующих событий[3]. Примерами регулярных отсылок к обозначенной теме можно считать не только то, что старые песни о периоде татарской государственности снова актуализируются, но и множество новых интерпретаций образа Сююмбике (дочь хана, которая непосредственно участвовала в событиях 1552 года) и частое обращение к нему.

Один из самых известных баитов (эпическое музыкальное произведение) о Сююмбике представляет период завоевания казанского ханства как трагедию, при этом можно сказать, что образ самой Сююмбике — мудрой,

добродетельной, отважной — это собирательный образ татарского народа вообще, и смерть Сююмбике как следствие взятия Казани весьма символична. С ней как бы умирает часть татарской свободы и культуры. Таким образом завоевание Казани как культурная травма отражена в том числе и в музыке на татарском языке. Тема жертвенности, печали несомненно в большой степени связана именно с рефлексией по поводу исторических событий приведших к потере татарами собственной государственности.

В заключение важно отметить, что концепция Д. Александера применима для анализа культурной травмы как фундаментального основания групповой идентичности не только для анализа ситуации в западном обществе. Сама теоретическая модель вполне применима для анализа элементов коллективной памяти, которые воспринимаются, интерпретируются и переинтерпретируются как культурная травма с целью подчеркнуть собственную идентичность. В том числе и достаточно локальных, таких как память о завоевании Казани.

Анализ СМИ и интервью позволяет нам сделать вывод о том, такое историческое событие как взятие Казани сегодня становится символической конструкцией травмы, и действительно воспринимается как таковая теми, кто имеет общую групповую идентичность татар. Культурная травма, связанная с событиями далекого исторического прошлого и сегодня может ощутимо влиять на наше представление о себе и других, а так же выступать как один из важнейших элементов производства и воспроизводства групповой идентичности.

Резюме:

Память о прошлом народа, его истории сегодня один из важнейших элементов определяющих настоящее этого народа. То, что мы помним, как интерпретируем те или иные воспоминания или образы минувшего может многое сказать о том, в каком обществе мы живем сегодня. Существует некоторая общая, коллективная память. Самый яркий пример – память об истории. Предполагается существование не столько какого-то общего конкретного воспоминания, но некоторого способа интерпретации тех или иных событий, единого для определенной группы. Эти воспоминания становятся тем, что повышает солидарность внутри группы, особенно если они несут в себе травмирующие образы и становятся «культурной травмой». Для объяснения и анализа этого феномена мы используем концепцию культурной травмы Д.Александера.

В качестве кейса рассмотрены элементы коллективной памяти татар в республике Татарстан связанные с завоеванием Казани. Эмпирической базой выступили глубинные интервью с жителями г. Казани, экспертные интервью с работниками музыкальной сферы р. Татарстан, анализ тестов татароязычных песен и анализ публикаций региональных СМИ.

В результате, был сделан вывод, что концепция Д. Александера применима в анализе элементов коллективной памяти в музыке как символической конструкции травмы, которая воспринимается, интерпретируется и переинтерпретируется с целью подчеркнуть собственную идентичность. Культурная травма, связанная с событиями далекого исторического прошлого и сегодня может ощутимо влиять на наше представление о себе и других, а так же выступать как один из важнейших элементов производства и воспроизводства групповой идентичности.

Ozerova K.A.

CULTURAL MEMORY IN THE TATAR MUSIC: REPRESENTATIONS OF HISTORY, CULTURAL TRAUMA AND ETHNIC IDENTITY

Today, the recognizing past of the nation, its history is one of the most important elements which determining the present of this nation. The article investigates the meaning of such categories as "collective memory, cultural trauma" and reveals the mechanism which interconnected with the process of ethnic categorization and identification.

Keywords: ethnic identity, collective memory, cultural memory, cultural trauma, Tatar music.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 13 октября в Казани – День памяти народов Поволжья и Урала! Звезда Поволжья. независимая общественно-политическая газета. <http://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/13-oktyabrya-v-kazani-den-pamyati-narodov-povolzhya-i-urala-21-09-2012.html> (17.05.14)
2. Адорно Т.. Избранное: Социология музыки. Университетская книга Москва - Санкт-Петербург 1999. С.435
3. Александер, Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3, С. 5-40
4. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004, с. 111-138
5. Андерсон.Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. (Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism) Перевод с английского В.Г.Николаева. Вступительная статья С.Баньковской. Москва: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. С.333
6. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. Под ред. Фредрика Барта; пер. с англ. Игоря Пильщикова. - М.: Новое изд-во, 2006. - 198
7. Брубейкер, Р. Этничность без групп /пер. с англ. И. Борисовой; Нац.исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с.
8. Взятие Казани Иваном Грозным. Русская историческая библиотека . <http://rushi.com/index.php/russia-children/802-vzyatie-kazani> (18.05.14)
9. День Памяти. 469 лет назад, 15 октября 1552 года, татарское государство на Волге постигла страшная катастрофа. \карим Якушев. Личный информационный сайт общественного деятеля и журналиста. <http://karim-yaushev.ru/2011/10/14/1616/> (17.05.14)

10. Дэвис Г., Хэммонд Ф., Низамова Л.Р. Медиа, языковая политика и культурные изменения в Татарстане: исторические versus прагматические требования государственности // Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане 1990-х гг./ Под ред. С. А. Ерофеева и Л. Р. Низамовой. – Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2001, 289с.
11. Интервью Президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева газете «Татарские новости». <http://shaimiev.tatar.ru/pub/view/968> (17.05.14)
12. Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / .-СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999, с. 17-50.
13. Обращение к татарской нации по случаю дня памяти, годовщины взятия Казани. Azatlyk Vatan. Информационное издание татарской партии национальной независимости "Иттифак". http://azatlyk-vatan.blogspot.ru/2008/09/blog-post_15.html(16.05.14)
14. Шнирельман В. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье – М: Из-во ИКЦ "Академкнига", 2003. 245 с.
15. Helen M. Fallor. Nation, Language, Islam. Tatarstan's Sovereignty Movement. CEU Press, 2011, 303.
16. Hobsbawm Eric .The Invention of Tradition, eds., Terence Ranger. Cambridge University Press, 2003. P. 1-7

Пименова Т.С.

pimenova_ts@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

МАЛЫЙ ПРОФИЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ КАК НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МАЛОГО ИНСТИТУТА ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ)

Аннотация: Определенный вклад в российское образование могут внести специально подобранные стратегии обучения. Автор анализирует роль некоторых таких стратегий в обучении иностранным языкам в Малом профильном институте вуза. Как одну из эффективных стратегий, используемых в обучении иностранным языкам в Малом институте филологии и межкультурной коммуникации (Малый ИФМК), автор называет стратегию обучения в сотрудничестве. Стратегия обучения в сотрудничестве была реализована в таких формах работы с учащимися в Малом ИФМК как интерактивные

Приоритетом в образовании за последние годы стала гуманистическая направленность обучения, в центре внимания которого сосредоточена личность ученика. Ориентированное на конкретную личность образование призвано решить ряд проблем, связанных с пересмотром стратегий обучения. К таким стратегиям мы относим обучение в сотрудничестве.

Стратегия обучения в сотрудничестве используется в педагогике довольно давно. Она является важным элементом прагматического подхода к образованию в философии Дьюи [1]. Обучение в сотрудничестве использовалось в Западной Германии, Нидерландах, Великобритании, Австралии, Израиле, Японии. Но основная идеология обучения в сотрудничестве была детально разработана американскими педагогами университета Джона Хопкинса Славиным и университета Миннесота Джонсоном Р. и Джонсоном Д.

Основная концептуальная идея этой стратегии – создать условия для активной совместной учебной деятельности учащихся в разных учебных ситуациях. Если объединить учащихся, различающихся по уровню обученности, уровню общего культурного развития, в группы по 3-4 человека и дать им одно общее задание, определив роль каждого

лекции, практикумы, тренинги, научно-практические конференции, индивидуальная работа с талантливыми детьми, нацеленных на раскрытие способностей ребенка и его профессиональную ориентацию. Адаптированная к условиям работы в Малом ИФМК стратегия обучения в сотрудничестве позволила повысить эффективность не только академических успехов учащихся, но и их интеллектуального и нравственного развития. Автору удалось доказать, что использование стратегии обучения в сотрудничестве в обучении учащихся иноязычному общению является эффективным, ведет к глубокому осмыслению специфических языковых явлений и способствует сохранению устойчивой высокой мотивации в изучении иностранных языков.

Ключевые слова: стратегии обучения иностранным языкам, стратегия обучения в сотрудничестве, малый профильный институт.

ученика в совместной деятельности, то учащиеся оказываются в условиях, когда они отвечают за результат не только своей части работы (к которому они могут не испытывать интереса), но и всей группы. В этой ситуации осуществляются взаимоконтроль, консультирование и обучение слабых учащихся их товарищами, более глубокое осмысление материала сильными. В процессе сотрудничества осознается потребность работать не только с другими, но и для других. Понимание каждым учеником взаимности и выгоды в совместных действиях ведет к представлению о расширенных возможностях учащихся в общем деле. На этой основе в коллективе возникает взаимное доверие, уважение друг к другу, привязанность, дружеские отношения [2]. Существуют следующие три основных варианта обучения в сотрудничестве:

1. Student Team Learning предполагает создание нескольких групп учащихся (по 3-4 человека), которые выполняют различные задания, не соревнуясь между собой, а стремясь улучшить результаты всей группы. Каждый ученик приносит группе баллы, и вся группа несет ответственность за работу каждого участника. Деятельность группы поощряется не только оценкой в баллах, но и разнообразными знаками отличия, сертификатами и т.д. [3].

2. Другой вариант организации обучения в сотрудничестве условно называется Jigsaw. На этапе творческого применения языкового материала учащиеся подразделяются для выполнения творческого задания на группы, в каждой из которых есть ученики, работающие над аналогичными проблемами. После сбора материала по своей подтеме учащиеся из разных групп, отвечающие за аналогичные виды работы, объединяются для обмена информацией. Затем группы восстанавливаются, и участники сообщают полученную информацию товарищам по группе. На заключительном этапе представления результатов учитель может попросить любого ученика отчитаться по любому разделу задания [4].

3. Learning Together позволяет группе учащихся выполнять одно задание, которое является частью большой темы, над которой работает весь класс. Таких групп в классе может быть несколько. В процессе работы группы могут общаться между собой, в результате чего происходит усвоение материала в полном объеме [5].

Взяв за основу стратегию обучения в сотрудничестве, мы адаптировали ее к новым условиям в работе с одаренными учащимися на факультете иностранных языков Малого ИФМК Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ.

Малый ИФМК занимается профессионально направленным дополнительным образованием учащихся 7-11 классов, ведет активную работу по довузовскому филологическому и художественно-эстетическому просвещению и образованию, организует

исследовательскую деятельность школьников. Малый ИФМК представляет собой модель «большого» Института филологии и межкультурной коммуникации и демонстрирует основные направления обучения в институте. Так, структурно Малый ИФМК включает в себя 4 факультета: факультет русского языка и литературы, факультет татарского языка и литературы, факультет иностранных языков, факультет искусств и дизайна.

Формы работы с учащимися в Малом ИФМК отражают специфику каждого факультета и представлены следующими мероприятиями: интерактивные лекции, мастер-классы, тренинги, конференции, круглые столы, научно-практические конференции, консультации по ЕГЭ и ГИА, индивидуальная работа с одаренными детьми и прочее. Все формы работы направлены на раскрытие способностей ребенка и его профессиональную ориентацию.

Главными задачами Малого ИФМК являются:

- привлечение к учебе одаренных учащихся;
- развитие их творческих способностей;
- профессиональная ориентация и знакомство с профессиями, связанными с филологической, педагогической и художественно-эстетической деятельностью;
- начальная подготовка к дальнейшему профессиональному обучению.

В нашем исследовании экспериментальную группу составили учащиеся 9-10 классов Малого ИФМК (40 человек). Это учащиеся средних общеобразовательных школ города Казани. Из них 30 девочек и 10 мальчиков из семей среднего и

бизнес класса. 38 учащихся изучают один иностранный (английский) язык, 2 человека изучают два иностранных языка: английский и немецкий. Иностранные языки учащиеся изучают со второго класса. В Малом ИФМК учащиеся занимались два семестра в течение 2013-2014 г.г. Занятия для них проводились один раз в неделю. Продолжительность занятия составляла 80 минут.

На этапе опытной проверки отработывался языковой материал, представлявший определенные трудности для учащихся экспериментальной группы, выявленные методом диагностического тестирования на I этапе эксперимента:

- структуры сложного подлежащего и сложного дополнения,
- неличные формы глагола,
- структуры инверсионного простого и сложного предложения,
- модальные глаголы.

На этом этапе мы применяли стратегию обучения в сотрудничестве, которая показала, что вместе учиться не только легче, но и значительно интереснее [6]. По истечении экспериментального времени учащиеся снова были опрошены и проведены тестовые задания, исходя из которых, мы выявили значительное улучшение в запоминании учащимися лексико-грамматического материала. Примененная стратегия обучения в сотрудничестве позволила учащимся улучшить свои знания по тому языковому материалу, который был диагностирован как сложный для усвоения этой группой учащихся (см. Диаграмма № 1).

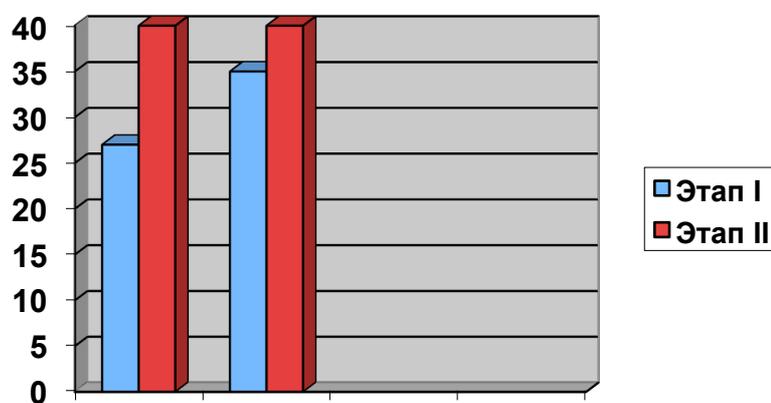

Диаграмма №1. Результаты оценивания входных знаний на I этапе и на этапе опытной проверки (этап II).

В диаграмме представлены результаты тестирования, отражающие значительное улучшение в усвоении учащимися лексико-грамматического материала.

Мы с уверенностью можем сказать, что проведенное экспериментальное исследование полностью подтвердило гипотезу о том, что использование стратегии обучения в сотрудничестве в обучении учащихся иноязычному общению является эффективным, ведет к глубокому осмыслению специфических явлений языка и способствует сохранению устойчивой высокой мотивации в изучении иностранного языка. При этом важно отметить, что эффективность касается не только академических успехов учеников, но и их интеллектуального и нравственного развития.

Pimenova T.S.

MALY SPECIALIZED INSTITUTES AS A NEW STRATEGY OF EDUCATION (EXPERIENCE OF MALY INSTITUTE OF PHILOLOGY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION)

A certain contribution to the Russian education can be made by specially selected learning strategies. The author analyzes the role of some of these strategies in foreign language learning in the Maly Specialized Institute. As one of the effective strategies used in the teaching of foreign languages in the Maly Specialized Institute of Philology and Intercultural Communication, the author considers a cooperative learning strategy. The cooperative learning strategy was implemented in such forms of work with students as interactive lectures, workshops, scientific conferences, individual work with gifted children, aimed at the disclosure of the child's skills and professional orientation. The adapted cooperative learning strategy has improved the academic success of students as well as their intellectual and moral development. The author managed to prove that the use of the cooperative learning strategy in teaching foreign languages is effective, leads to a deep understanding of specific linguistic phenomena and contributes to maintaining sustainable high motivation in learning foreign languages.

Keywords: teaching EFL strategies, cooperative learning strategy, Maly specialized Institute.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека / Пер. с англ., послесл. и примеч. Л.Е. Павловой. - М.: Республика, 2003. - 494 с.
2. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. - М.: Просвещение, 1991. - 93 с.
3. Slavin R.E. Using student team learning, (3-d ed.). Center for Research on Elementary and Middle Schools, John Hopkins University, Baltimore, Maryland. As reported to Slavin, R.E. (1995). Cooperative Learning. International Encyclopedia of Teaching and Teacher Education, edited Lorin, W. Anderson (2nd ed.). - UK: Cambridge University Press, 1986. - p.p. 139-143.
4. Webb M.D. The effects of the jigsaw cooperative learning technique on racial attitudes and academic achievement (Doctoral dissertation, California State University, Fresno, 1988). Masters Abstracts International, 1992. - p.p. 32/01, 0354.
5. Yager S., Johnson R.T. & Johnson D.W., & Snider B. The impact of group processing on achievement in cooperative learning groups // Journal of Social Psychology, 1986. - p.p. 126(3), 389-397.
6. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. - Moscow: Академия, 2002. - 272 с. ISBN 5-7695-0811-6.

Прохоров А.О., д.психол.н.
Юсупов М.Г., к.психол.н.

alprokhor1011@gmail.com
yusmark@yandex.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ¹

Аннотация: В статье представлены результаты изучения психических состояний студентов в процессе обучения в вузе и повседневной жизнедеятельности. Выявлены типичные познавательные состояния, характерные для основных форм обучения и повседневной жизнедеятельности, их интенсивность и закономерности изменений в разных формах обучения.

Ключевые слова: психическое состояние, познавательное состояние, мыслительная деятельность, рефлексия, интрапсихическая активность.

В ходе учебной деятельности в вузе «основную нагрузку» несут когнитивные процессы, развитие которых, наряду со становлением студента как субъекта познания, общения и педагогического взаимодействия, является одной из основных задач обучения и воспитания в системе высшего образования. Как отмечает И.А. Зимняя, субъект учебно-познавательной деятельности характеризуется как общими свойствами, присущими субъекту познания, общения, жизни, так и специфическими свойствами, посредством которых выявляются его особенности как субъекта образовательного процесса [5]. В отличие от школьников, познавательная деятельность студентов отличается внутренним контролем и оценкой собственной эффективности и, в целом, более высоким уровнем саморегуляции [19].

Как показывают исследования, информационно насыщенные и эмоционально напряженные ситуации учебной деятельности в вузе сопровождаются пиками интеллектуальной активности молодых людей в сочетании с высокими уровнями интенсивности переживаемых психических состояний [22, 24]. Ранее нами было установлено, что по

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан, проект № 15-16-16002 а/р

сравнению с состояниями школьников, учителей и преподавателей вузов, количество переживаемых состояний у студентов в процессе учебной деятельности, наибольшее. Эти результаты свидетельствуют о том, что познавательная деятельность студентов отличается значительным большим числом содержательных форм и выполняемых функций, по сравнению с другими группами учащихся, что проявляется в увеличении числа переживаемых состояний, сопровождающих учебный процесс [16]. Состояния, возникающие в процессе учебной деятельности, вслед за Н.Д.Левитовым [9] были отнесены нами к категории познавательных состояний.

Типичные познавательные состояния студентов выступают в качестве психологического фактора развития интеллектуальной сферы субъекта и, прежде всего, мыслительных процессов. Как показывают исследования в педагогической психологии развивающая функция познавательных состояний реализуется на основе ведущей деятельности студенческого возраста – учебно-познавательной деятельности [3].

Однако, несмотря на очевидную роль познавательных состояний при организации и реализации учебно-познавательной деятельности их исследования в настоящее время фактически прекратились. Отсутствие внимания к проблеме познавательных состояний можно наблюдать и в учебниках по психологии. Как правило, в учебной литературе даётся лишь краткое указание на то, что, с одной стороны, познавательные процессы выступают в качестве первичных факторов формирования психических состояний человека, а с другой, – психические состояния влияют на течение и результат познавательных процессов [11].

Это связано с тем, что природа познавательных состояний, как специфического класса отличного от других состояний (эмоциональных, волевых, функциональных), до сих пор является предметом научных дискуссий.

Ключевая проблема здесь заключается в том, что многие из познавательных состояний не являются специфичными только для интеллектуальной

деятельности. Например, удивление может являться эмоциональной реакцией на восприятие какого-либо неожиданного объекта. Следовательно, теоретическое выделение отдельной классификационной группы познавательных состояний, выполняющих специфические функции, требует дополнительных оснований [6]. Другая проблема заключается в том, что при включении того или иного состояния в группу познавательных, необходимо доказать доминирование когнитивного компонента, а это не всегда очевидно. Например, Н.Д. Левитов, один из основателей исследований психологии состояний в России, задавался вопросом, каким состоянием является интерес: познавательным, эмоциональным или волевым? [9].

Тем не менее, мы полагаем, что познавательные состояния являются одним из видов психических состояний личности, интегрирующих те психические процессы и свойства, которые необходимы для эффективного выполнения познавательных задач, возникающих в ходе жизнедеятельности человека. Основанием для выделения класса познавательных состояний, помимо доминирования когнитивного компонента, может являться также включенность определенных процессуальных и устойчивых качеств человека в структуру состояния. Теоретическим обоснованием таких представлений может служить, выделенная и описанная нами, «интегрирующая функция» психических состояний [17]. Эти представления подтверждены также исследованиями состояния психического выгорания [4, 14], утомления [10], хронической усталости [1], состояния потока [23] и др. Другой пример, – исследованное нами повседневное трансовое состояние [20]. Ядром проявлений данного состояния являются когнитивные процессы субъекта, то есть транс «когнитивно операционализирован». К числу центральных характеристик повседневного трансa относятся: новизна в восприятии реальности, активность воображения, размышления философского характера на фоне снижения активности

обыденного мышления, активность памяти и доступность личного опыта, высокий уровень сосредоточенности на внутренних переживаниях и ощущениях, а также ценностные характеристики: ценности познания, развития и продуктивной жизни.

На сегодняшний день в группу познавательных состояний (*cognitive states, states of mind* - в зарубежной психологии), до сих пор включают состояния, характеризующиеся доминантной активностью какого-либо одного когнитивного процесса, например, сосредоточенность, задумчивость, мечтательность и др. На основе данного критерия Н.Д. Левитов классифицировал психические состояния на три группы: познавательные, волевые и эмоциональные. Упомянутая точка зрения разделяется и другими исследователями [8, 21].

В то же время, имеются убедительные доводы, связанные с тем, что познавательные состояния инициируются активностью не только когнитивных, но и метакогнитивных процессов [25,26]. В частности, состояние удивления, по своей сути, имеет метакогнитивные основания, оно связано с встраиванием новых знаний в структуру субъективного опыта; состояние любопытства/любопытности - с активизацией метакогнитивных процессов в новой ситуации, с целью понимания происходящего и др. Более того, познавательные психические состояния могут возникать в ходе рефлексии и осознания собственных знаний, и опыта (то есть иметь ярко выраженные метакогнитивные основания).

Тем не менее, на сегодняшний день практически отсутствуют исследования познавательных состояний в психологии. В теоретическом плане изучение познавательных состояний актуально для разработки категории «психическое состояние» в целом, поскольку затрагивает проблемные вопросы феноменологии, состава, структуры, функций, динамики, классификации психических состояний и пр. Можно полагать, что познавательные состояния выступают общим фоном когнитивной деятельности, психологической переменной,

интегрирующей все уровни познавательного отражения и регулирования.

На наш взгляд, познавательные состояния актуализируются в ходе взаимодействия субъекта и объекта познания в проблемной ситуации, стимулируя интрапсихическую (когнитивную) активность, активируя интегрированные в функциональной структуре состояний широкий спектр интеллектуальных проявлений. Тем самым достигается адекватная целям деятельности включенность субъекта в решение проблемы или проблемной ситуации. В системном плане познавательные состояния выступают целостной функциональной структурой, организующей соматические, психические и мета-психические процессы (интегральные психические процессы: целеполагания, принятия решения, контроля и др.). Состояния взаимодействуют со смысловыми структурами сознания, связаны с интеллектуальными способностями (когнитивные стили, уровневые свойства интеллекта, обучаемость, креативность) и другими субъектно-личностными свойствами, необходимыми для эффективного выполнения познавательных задач, возникающих в жизнедеятельности.

В прикладном плане изучение познавательных состояний представляет интерес для исследований в области психологии творчества и научной деятельности, в контексте которых человек постоянно сталкивается с необходимостью выходить за пределы имеющихся знаний, трансформировать сложившееся представления в ходе решения проблемных и творческих задач. В этом случае наибольшее значение приобретают познавательные состояния, сопряженные с процессами продуктивного мышления и воображения (данные состояния ориентированы на продуцирование нового знания, выход за пределы известного). Отметим также, что изучение познавательных состояний имеет существенное значение для организации учебной деятельности студентов и школьников. Активизация познавательных состояний в условиях учебной деятельности в процессе постановки и решения

проблемных задач, способствует лучшему пониманию сущности изучаемых предметов и явлений, пробуждает интерес к обучению и познавательную активность, тем самым, выполняя функцию развития познавательных процессов и интеллектуальных способностей субъекта.

В соответствии с высказанными представлениями целью исследования явилось изучение познавательных состояний студентов, ведущей деятельностью которых является учебно-познавательная деятельность.

Методика и организация исследования

Для изучения феноменологических особенностей познавательных состояний студентов, испытуемым, в ходе учебных занятий, предлагалось заполнить специально разработанный опросник, содержащий перечень психических состояний, встречающихся у студентов во время обучения в вузе и шкалу оценки их интенсивности (по 10-бальной системе). Предлагалось оценить наличие и выраженность данных состояний в четырех ситуациях: на лекции, семинаре, экзамене и в обыденной жизнедеятельности. Список состояний был составлен экспертами-психологами, специализирующимися в области изучения психических состояний (7 специалистов).

По результатам феноменологических исследований были выделены следующие типичные состояния, характерные для студентов: сосредоточенность, рассеянность, созерцание, скука, заинтересованность, любопытство, удивление, сомнение, озадаченность, вдохновение, недоумение, чувство юмора, изумление, мечтание/мечтательность, задумчивость/раздумье, умственное напряжение.

В исследовании приняли участие студенты различных специальностей третьего года обучения в количестве 162 человек, из них – 97 девушек и 65 юношей. Средний возраст- 20 лет.

Другое исследование было направлено на изучение структурно-функциональной организации познавательных состояний. Исследования проводились на семинарских и практических занятиях студентов, сопровождающихся высокой

познавательной активностью. Выборку исследования составили студенты 2 - 3 курсов гуманитарных специальностей, средний возраст 19,6 лет (95 человек).

Для решения задач исследования использовались методики диагностики и измерения оперативной, смысловой и механической памяти; концентрации и переключения внимания [15]. Исследование мыслительных процессов проводилось при помощи методик исключения понятий, числовые ряды, пространственные обобщения, логика мышления, сложные аналогии, а также методики Гарднера «аналитичность – синтетичность» [2, 12]. Показатели стилей обучения, рефлексии и метакогнитивной включенности в деятельность измерялись при помощи опросников, адаптированных А.В. Карповым [7]. Характеристики самоконтроля регистрировались согласно методике Г.С. Никифорова [13], личностные черты испытуемых - при помощи опросника 16 PF Р. Кеттелла [12]. Для измерения познавательных состояний применялась методика «Рельеф психического состояния» [18].

В начале занятия у испытуемых актуализировались познавательные психические состояния. Решение этой задачи облегчалось тем, что данные состояния являются наиболее типичными для учебной деятельности студентов и возникают естественным образом в ходе учебного процесса. Кроме того, поскольку познавательные состояния являются положительными деятельностными состояниями, вопрос их актуализации во многом сводится к организации учебной деятельности.

Для этого, на занятиях создавалась деловая, доброжелательная обстановка, в которой процедура выполнения психологических тестов представлялась как познавательная задача, где методикам и результатам их выполнения придавалось большое значение с точки зрения самопознания, профессионального роста и общения. Тем самым ситуация исследования приобретала для студентов определенный

личностный смысл, связанный с преобладающими интересами юношеского возраста. Как показывает многолетняя педагогическая практика, указанный методический прием позволяет инициировать познавательную активность учащихся и актуализировать сопутствующие ей познавательные состояния. Применительно к нашему исследованию, анализ самоотчетов испытуемых показал, что при помощи предложенной методики познавательные состояния удалось актуализировать у 60% студентов — 57 человек. Преобладающими состояниями являлись

заинтересованность (57%) и задумчивость/раздумье (32%).

Обработка результатов исследования осуществлялась при помощи статистического пакета SPSS 19.0. Использовалась процедура факторного анализа (метод главных компонент с последующим косоугольным вращением rotmax).

Результаты

При обработке данных обследования была обнаружена следующая картина (Табл.1). Отметим, что состояния, встречающиеся более чем у 60% студентов, рассматривались как типичные.

Таблица 1

Частота встречаемости состояний студентов в обучении и повседневной жизнедеятельности

№№	Состояния студентов	Частота встречаемости, %			
		лекция	семинар	экзамен	повседневная жизнедеятельность
1	вдохновение	24,7	34,0	28,4	68,5
2	изумление	15,4	13,0	13,0	27,2
3	заинтересованность	71,6	63,6	24,1	72,8
4	любопытство	46,9	52,5	17,9	69,8
5	мечтание/мечтательность	52,5	22,2	13,6	82,1
6	недоумение	38,3	30,2	30,2	31,5
7	озадаченность	31,5	47,5	61,1	37,7
8	задумчивость/раздумье	63,6	63,6	59,3	64,8
9	рассеянность	45,7	30,9	22,8	51,9
10	скука	81,5	40,1	13,6	37,0
11	созерцание	30,9	21,0	13,0	45,7
12	сомнение	22,8	40,1	68,5	57,4
13	сосредоточенность	53,1	67,9	84,0	43,2
14	удивление	32,7	19,8	25,3	40,1
15	умственное напряжение	53,1	68,5	89,5	37,0
16	чувство юмора	32,1	18,5	9,3	53,1

Из таблицы 1 видно, что на лекции чаще всего актуализируются состояния заинтересованности, задумчивости/раздумья и скуки, на семинарах – заинтересованность, задумчивость/раздумье, сосредоточенность и умственное напряжение, на экзамене – сосредоточенность, умственное напряжение, сомнение, озадаченность, в обыденной жизнедеятельности – мечтание/мечтательность, заинтересованность, задумчивость/раздумье, любопытство и вдохновение. Результаты показывают, что не все переживаемые состояния студентов могут быть отнесены к познавательным, например, скука, которая часто встречается на лекциях. Кроме того, отметим, что повседневная жизнь студента также

актуализирует познавательные состояния, необходимые для решения актуальных задач, возникающих в его жизнедеятельности.

При сравнительном анализе состояний студентов в процессе обучения было обнаружено, что состояния умственного напряжения и сосредоточенности наиболее интенсивны в условиях экзаменов, мечтание/мечтательность, любопытство, чувство юмора и заинтересованность – в ситуациях повседневной жизнедеятельности, а скука – на лекционных занятиях. В условиях семинара наиболее интенсивными состояниями являются сосредоточенность и умственное напряжение (Рис.1).

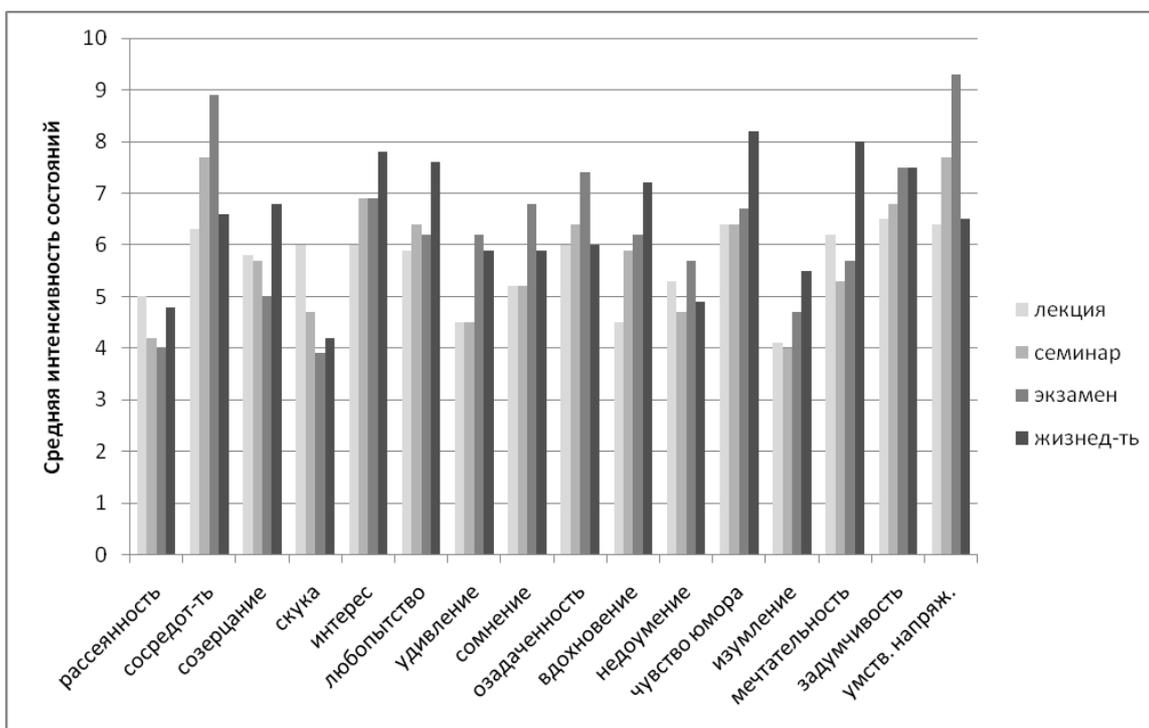

Рис. 1. Средняя интенсивность психических состояний студентов в разных формах обучения и обыденной жизнедеятельности.

Средняя интенсивность по всем состояниям, переживаемым во время лекций, является наиболее низкой (5,6), далее по возрастанию степени интенсивности следуют семинары (5,9) и экзамены (6,5). В условиях обыденной, повседневной жизни испытуемые отмечают наиболее высокую среднюю интенсивность (6,6) познавательных психических состояний.

Таким образом, различные формы обучения и ситуации жизнедеятельности студентов определяют состав и интенсивность переживаемых психических состояний.

Практический интерес представляет анализ ситуаций, в которых психические состояния студентов характеризуются крайними значениями интенсивности (минимальные и максимальные).

Таблица 2

Формы обучения и ситуации жизнедеятельности, в которых состояния студентов имеют минимальный и максимальный показатель средней интенсивности

Психические состояния	Минимальная интенсивность	Максимальная интенсивность
Рассеянность	экзамен	лекция
Сосредоточенность	лекция	экзамен
Созерцание	экзамен	жизнедеятельность
Скука	экзамен	лекция
Заинтересованность	лекция	жизнедеятельность
Любопытство	лекция	жизнедеятельность
Удивление	лекция, семинар	экзамен
Сомнение	лекция, семинар	экзамен
Озадаченность	лекция, жизнедеят.	экзамен
Вдохновение	лекция	жизнедеятельность
Недоумение	семинар	экзамен
Чувство юмора	лекция, семинар	жизнедеятельность
Изумление	семинар	жизнедеятельность
Мечтание/мечтательность	семинар	жизнедеятельность
Задумчивость/раздумье	лекция	экзамен, жизнедеятельность
Умственное напряжение	лекция	экзамен

Данные, приведенные в таблице 2, говорят о том, что психические состояния студентов наиболее выражены (интенсивны) в стрессовых ситуациях

сдачи экзаменов, а также в проблемных ситуациях обыденной жизни.

При изучении структурно-функциональной организации познавательных состояний было выявлено следующие структурообразующие факторы. (Напомним, что на семинарских и практических занятиях познавательные состояния были актуализированы у 60% студентов (57 человек).

Преобладающими состояниями являлись заинтересованность и задумчивость/раздумье). Обработка результатов с помощью факторного анализа позволила выделить 4 основных фактора (Рис. 2). Полученные факторы объясняют 71% дисперсии исходного набора характеристик.

Рис. 2 Структурообразующие факторы познавательных состояний в условиях активного обучения (семинарские и практические занятия студентов).

В первый фактор входят следующие переменные (в скобках указаны величины факторных нагрузок): продуманность поведения (0,921), рефлексия будущего (0,897), управляемость поведения (0,818), устойчивость поведения (0,803), общий уровень рефлексивности (0,779), рефлексия настоящего (0,736), адекватность поведения (0,725), фактор G («нормативность поведения») (0,723), когнитивный стиль «широкий диапазон эквивалентности» (0,707), самоконтроль деятельности (0,704), последовательность поведения (0,685), интенсивность волевых процессов (0,638), логическое мышление (0,610), метакогнитивная включенность в деятельность (0,603), уверенность поведения (0,586), оперативная память (0,578), самоконтроль общения (0,558), оптимистичность переживаний (0,556), переключение внимания (0,537).

Данный фактор объясняет 25% дисперсии исходных переменных. В его структуре отчетливо выделяются группы переменных, относящихся к управляемости поведения, метакогнитивной регуляции познавательных процессов и саморегуляции деятельности. Интересно отметить, что фактор G по своей сути также является фактором регуляции поведения в соответствии с определенными нормами и правилами. Субъекты с высокими оценками по данной шкале характеризуются настойчивостью в достижении поставленных целей, ответственностью и деловитостью.

Любопытным фактом выглядит вхождение в этот фактор когнитивного стиля «широкий диапазон эквивалентности». Преобладание широких категорий («синтетичность») позволяет оперировать большим объемом сопоставимых данных, что проявляется в стремлении вычленять в объекте

анализа скрытые закономерности. Как видно из полученных результатов, данный стилевой параметр познавательной деятельности существенно связан с метакогнитивными процессами (не случайно, само возникновение понятия «когнитивный стиль» связано с представлениями об «интеллектуальном контроле»).

Таким образом, принимая во внимание тот факт, что в контексте обучения поведение обретает характеристики целенаправленной активности, первый фактор можно обозначить как метакогнитивная регуляция деятельности.

В состав второго фактора (19% дисперсии показателей) вошли переменные: веселость переживаний (0,916), живость переживаний (0,908), задорность переживаний (0,883), возвышенность переживаний (0,867), активность переживаний (0,813), активность поведения (0,806), эмоции радости и восторга (0,804), напряженность поведения (0,772), бодрость переживаний (0,770), легкость переживаний (0,698), открытость поведения (0,695), двигательная активность (0,691), покраснение кожи лица, шеи, рук (0,548).

Содержание данного фактора отражает стеничность переживаний и активность поведения. Кроме того, в его структуру входят энергетические показатели, связанные с активностью физиологических подсистем. Учитывая преобладание переживаний в данной группировке переменных и их высокие факторные нагрузки, этот фактор можно назвать фактором эмоциональной активации деятельности.

В завершение описания отметим ещё одну особенность – представленность в структуре фактора исключительно положительного полюса переживаний. Тем самым в контексте данного исследования познавательные состояния проявляются как исключительно положительные психические явления.

Третий фактор (15% дисперсии показателей) образуют переменные: рефлексивный стиль

обучения (0,893), фактор Q2 («независимость») (0,881), фактор А («общительность») (-0,850), фактор F («экспрессивность») (-0,829), коммуникативная рефлексия (0,739), фактор Q1 («радикализм») (0,730), рефлексия прошлого (0,671), фактор L («подозрительность») (0,642), исключение понятий (0,576), интуитивный стиль обучения (0,571), концентрация внимания (0,442), сложные аналогии (0,385), смысловая память (0,379), механическая память (0,334).

В данной группировке переменных наиболее весомыми факторными нагрузками обладают показатели черт личности и стилей обучения. Последние являются отражением индивидуальных особенностей переработки информации в условиях учебной деятельности.

Так, предпочтение рефлексивного стиля выражается в тщательном обдумывании и мысленной категоризации информации перед её использованием. Преобладание интуиции свидетельствует о склонности к познанию абстрактных закономерностей, толерантности к неопределенности, способности эффективно осуществлять познавательную деятельность в ситуациях информационного дефицита.

С целью интерпретации полученного фактора приведем также описания остальных переменных с учётом знака факторной нагрузки: фактор Q2 – независимость и самостоятельность в решениях, А – необщительность, замкнутость, стремление к одиночеству, F – молчаливость и рассудительность, здравый смысл, Q1 – критичность, интеллектуальность, склонность к экспериментированию, L – эгоцентричность.

Нетрудно заметить, что специфические особенности стилей обучения и личностных черт, входящих в отмеченный фактор, по своей сути свойственны интровертированным субъектам. Учитывая, что фактор презентует рефлексивную регуляцию процесса переработки информации в ситуациях связанных с обучением, его можно обозначить как интрапсихическая активность.

В последний, четвертый фактор (объясняет 12% вариации исходных показателей) вошли следующие переменные: фактор I («чувствительность») (0,789), фактор H («смелость») (0,739), активность дыхания (0,718), активность сердечнососудистой системы (0,699), аналитический стиль обучения (0,633), ощущения со стороны желудочно-кишечного тракта (0,610), числовые ряды (0,604), пространственные обобщения (0,599).

Перед тем как перейти к интерпретации данного фактора, рассмотрим краткие характеристики личностных переменных, составляющих полученную группировку. Фактор I характеризует человека как мягкого, с художественным восприятием мира, развитой способностью к эмпатии, эмоционального и общительного. Фактор H – социальная активность, раскрепощенность поведения, готовность

встретиться с новыми, незнакомыми обстоятельствами. При интерпретации теста Р. Кэттела эти факторы, как правило, относят к группе эмоциональных свойств личности.

Переменная «аналитический стиль обучения» характеризует учащихся с точки зрения преобладания аналитических процессов мышления над синтетическими (сосредоточенность на деталях в ущерб целостному пониманию объекта изучения). Суммируя приведенные феноменологические описания по смыслу, идентифицируем последний фактор как эмоционально-личностная регуляция мышления.

Анализ корреляций между факторами выявил следующие зависимости (Табл. 3). Из неё следует, что структура познавательных состояний характеризуется малыми величинами интеркорреляций между выделенными факторами.

Таблица. 3

Структурообразующие факторы познавательных состояний в условиях активного обучения (семинарские и практические занятия студентов).

Факторы	1	2	3	4
1	1,00	0,079	0,080	0,010
2	0,079	1,00	-0,061	0,071
3	0,080	-0,061	1,00	-0,022
4	0,010	0,071	-0,022	1,00

Таким образом, организация интеллектуальных состояний базируется на четырех независимых факторах, которые могут рассматриваться в качестве общего базиса, отражающего структурно-функциональные особенности познавательных состояний студентов (прежде всего, состояний интереса/заинтересованности и задумчивости/раздумья).

Интересным фактом выглядит «обрамление» ядерных группировок факторов показателями когнитивных процессов. Подобное подчиненное положение по отношению к ведущим переменным факторов является наглядной демонстрацией обширного влияния метакогнитивных и личностных характеристик на организацию познавательной деятельности. Столь сильная регуляция познавательного отражения (переработки информации) позволяет говорить об уникальном значении данных состояний в вопросах успешного

обучения и развития когнитивных способностей студентов.

Опираясь на качественный анализ структуры познавательных состояний, можно предположить, что данные состояния по своей природе являются «метакогнитивными состояниями» (если следовать критерию «доминирующего» компонента структуры), основная функция которых заключается в активизации, организации и регуляции познавательной деятельности. Обращает на себя внимание умеренная включенность физиологических показателей (характеризующих состояние с точки зрения энергетических проявлений) в структуру этих состояний. Это свидетельствует о принадлежности заинтересованности и задумчивости/раздумья к состояниям оптимальной (средней) психической активности.

Наконец, поскольку базис познавательных состояний образуют четыре независимых фактора, правомерно, на наш взгляд, говорить о полифункциональности данной группы состояний. Ведущая функция познавательных состояний – метакогнитивная регуляция деятельности, охватывающая социально-психологический, деятельностный и когнитивный аспекты личности. Кроме того, качественный анализ организации познавательных состояний (факторной структуры) позволяет выделить функции эмоциональной активации мыслительной деятельности (активационно-энергетическая функция, связанная с изменениями вегетативных функций и активацией корковых отделов мозга), интенциональную функцию (активизация интрапсихической направленности) и функцию эмоционально-личностной регуляции, связанную с активностью эмоциональных черт личности.

Заключение

Выявлены типичные познавательные состояния студентов: сосредоточенность, заинтересованность, любопытство, сомнение, озадаченность, вдохновение, мечтание/мечтательность, раздумье/задумчивость, умственное напряжение. Наиболее интенсивными состояниями являются состояния, ведущими составляющими которых являются умственная деятельность (раздумье/задумчивость, умственное напряжение) и состояние внимания (сосредоточенность). Наименее интенсивными состояниями являются изумление и созерцание. Средняя интенсивность познавательных состояний возрастает в интервале «лекция – семинар – экзамен – быденная жизнедеятельность».

Установлено, что типичные познавательные состояния заинтересованность и раздумье/задумчивость проявляются как функциональные структуры, в основании которых находятся метакогнитивное регулирование, эмоциональная активация познавательной деятельности, интрапсихическая активность и эмоционально-личностная регуляция мыслительных процессов.

Структура познавательных состояний интегрирует широкий набор личностных черт, включая стилевые параметры обучения, тем самым они выступают в качестве личностных психических состояний (эта отличительная особенность познавательных состояний редко упоминается исследователями).

Prokhorov A.O., Yusupov M.G.

COGNITIVE STATES IN EDUCATIONAL ACTIVITY OF STUDENTS

The article presents the results of a study of mental conditions of students in the learning process in high school and everyday life. Revealed the typical cognitive state characteristic of the basic forms of education and everyday life, their intensity and patterns of changes in various forms of training.

Keywords: mental status, cognitive status, deyatelnost the thinking, reflection, intrapsychic activity.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арцимович Н.Г. Синдром хронической усталости: Монография / Н.Г. Арцимович, Т.С. Галушина. М.: Научный мир, 2001. – 221 с.
2. Болотова А.К., Макарова И.В. Прикладная психология. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 383 с.
3. Вилькеев Д.В. Педагогическая психология. – Казань: Изд-во ТГГПУ, 2007. – 256 с.
4. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. - СПб.: Питер, 2008. - 336 с.
5. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. – 2-е изд., доп., испр., перераб. – М.: Логос, 2005. – 384 с.
6. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб.: Питер, 2009. – 448 с.
7. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология метакогнитивных процессов личности. – М.: Ин-т психол. РАН, 2005. – 356 с.
8. Киршбаум Е.И. Психические состояния / Е.И. Киршбаум, А.И. Еремеева. – Владивосток: Дальневосточный университет, 1990. – 144 с.
9. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. – М.: Просвещение, 1964. – 344 с.
10. Леонова А.Б. Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности / А.Б.Леонова, С.Б.Величковская // Психология психических состояний: сборник статей / под ред. проф. А.О.Прохорова. – Вып. 4. – Казань: Центр инновационных технологий, 2002. – С.326-343.
11. Маклаков А.Г. Общая психология: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2007. – 583 с.
12. Марищук В.А. и др. Методики психодиагностики в спорте / В.А.Марищук, Ю.М.Блудов, В.А.Плахтиенко, Л.К.Серова. – М.: Просвещение, 1990. – 305 с.
13. Никифоров Г.С. Самоконтроль человека. – Л.: ЛГУ, 1989. – 192 с.
14. Орел В.Е. Синдром психического выгорания. – М.: ИП РАН, 2005. – 330 с.
15. Пашукова Т.И., Допира А.И., Дьяконов Г.В. Практикум по общей психологии. – М.: Ин-т практ. психол.; Воронеж: НПО Модек, 1996. – 176 с.
16. Прохоров А.О. Психические состояния и их проявления в учебном процессе. – Казань: КГУ, 1991. – 167 с.
17. Прохоров А.О. Психические состояния и их функции. – Казань: КГПИ, 1994.– 168 с.

18. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. – М.: Инт психол. РАН, 1998. – 152 с.
19. Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 350 с.
20. Прохоров А.О., Юсупов М.Г. Повседневное трансное состояние. – М.: ИП РАН, 2013. – 176 с.
21. Сосновикова Ю.Е. Психические состояния человека, их классификация и диагностика: пособие для студентов и учителей. – Горький: ГГПИ, 1975. – 119 с.
22. Чернов А.В. Влияние рефлексии и регуляторных процессов на интенсивность психических состояний студентов в ситуации экзамена // Ученые записки Казанского ун-та. – Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, кн. 5. – С. 127-136.
23. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. – М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. – 46 с.
24. Юсупов М.Г. О соотношении психических состояний и когнитивных процессов в учебной деятельности студентов // Образование и саморазвитие. – 2009. – № 3. – С. 211-216.
25. Efklides, A., & Petkaki, C. (2005). Effects of mood on students' metacognitive experiences. *Learning and Instruction*, 15, 415-431.
26. Flavell, J.H. (1979). Metacognition and cognitive monitoring –A new era of cognitive-developmental inquiry. *American Psychologist*, 34, 906-911.

Пыркова К.В. к.м.н.

kseniamed@rambler.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ СПЕЦТРАНСПОРТА С РАЗНЫМ СТАЖЕМ РАБОТЫ

Аннотация: В статье представлены результаты экспериментально-психологического исследования адаптации водителей к условиям профессиональной деятельности водителей спецтранспорта: адаптивности, качества жизни и психопатологической симптоматики в зависимости от стажа работы.

Ключевые слова: адаптация, адаптивность, оценка качества жизни, психопатологическая симптоматика.

Исследование посвящено проблеме изучения особенностей адаптации у водителей спецтранспорта с разным стажем работы в контексте их специфики деятельности.

Актуальность исследования заключается в том, что при всем разнообразии проводимых психологических исследований мало научных работ, посвященных профессии – водитель, в частности водитель спецтранспорта, осуществляющего перевозки тяжеловесных, негабаритных, а так же опасных грузов (пропан, кислород, дизтопливо, нефть и т.д.). Данная профессия относится к группе профессий с высоким уровнем стресса, т.к. связана с ежедневным риском и угрозой для жизни себя и окружающих. Ежедневные стрессы, напряженное внимание в течение долгого времени - все это оказывает неблагоприятное влияние, как на психическое, так и на физическое здоровье человека. Данные условия работы снижают адаптационные возможности организма в целом и могут привести к развитию невротических и психосоматических расстройств. Термин «адаптация» широко и по-разному применяется в различных областях науки – социальных, медицинских, биологических, психологических и др. Психическая адаптация – это процесс

приспособления психической деятельности человека к условиям и требованиям окружающей среды, позволяющий устанавливать оптимальные с ней соотношения и удовлетворять свои актуальные потребности [1,2,3]. В психической адаптации имеются уровни: социально-психологический, психологический (особенности личности и актуального психического состояния) и психофизиологический. Все это составляет трехкомпонентную **модель психической адаптации:**

1. Обеспечивает оптимальное соотношение между психическим и физиологическими адаптационными процессами (психофизиологическая адаптация).

2. Обеспечивает сохранение психического гомеостаза и устойчивого целенаправленного поведения (психологическая адаптация).

3. Адекватное взаимодействие с социальным окружением (социально-психологическая адаптация) [4].

Целью адаптации является оптимальный уровень приспособления индивида к реальным условиям жизнедеятельности с сохранением здоровья в его субъективной ценности, достижение равновесия между индивидуумом и окружающей средой, позволяющей сохранять прежние и развивать новые возможности для удовлетворения потребностей. Различают адаптацию как процесс и адаптированность, как наиболее устойчивое состояние организма (результат процесса адаптации) [5].

Практическая актуальность данной работы обусловлена необходимостью проведения исследования психологической адаптации у водителей спецтранспорта с разным стажем работы с учетом специфики их профессиональной деятельности, для разработки четких программ повышения адаптационных способностей, предупреждения и профилактики невротических и психосоматических заболеваний.

Объект исследования – адаптация у водителей спецтранспорта к условиям профессиональной деятельности.

Предмет исследования – особенности адаптации к условиям профессиональной

деятельности водителей спецтранспорта с разным стажем работы.

Цель настоящего исследования – выявить особенности адаптации у водителей спецтранспорта к условиям профессиональной деятельности с разным стажем.

Методы исследования - теоретический анализ проблемы, комплекс психодиагностических средств, анкета. Для обработки данных использовались методы математической статистики психодиагностики (средние значения, статистическое сравнение по *t*-критерию Стьюдента для независимых выборок, корреляционный анализ).

Методики исследования:

- Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» разработан А. Г. Маклаковым и С. В. Чермяниным.

- Опросник «EPQ», предназначенный для изучения индивидуально-личностных черт личности с целью диагностики выраженности свойств, разработан Г.Айзенком.

- Опросник SF-36 (The Short Form-36) (русскоязычная версия созданная МЦИКЖ) J.E.Ware. Опросник отражает общее благополучие и степень удовлетворенности теми сторонами жизнедеятельности человека, на которые влияют состояние здоровья.

- Опросник выраженности психопатологической симптоматики – Symptom checklist -90-revised (SCL-90-R).

Эмпирическое исследование было проведено в организации Татспецтранспорта г. Альметьевск в период с февраля по май 2014 г. В исследование приняли участие 3 группы водителей спецтранспорта (краны, нефтевозы, кислотозы, автотопливозаправщики, траллы, подъемники, бортовые и сидельные тягачи, автогидроподъемники (Агп) и т.д.), общее число которых составило 87 человек, в возрасте от 20 до 60 лет. Первая группа– водители спецтехники транспортной организации со стажем менее 5 лет (28 человек), вторая группа – водители со стажем от 6 до 15 лет (30 человек), третья группа – водители со стажем работы более 15 лет (29 человек).

Таблица 1

Средние значения по методике – личностный опросник «Адаптивность»

Наименование показателей	1 выборка	2 выборка	3 выборка
Общие адаптивные способности	4,93	3,96	3,96
Нервно-психическая устойчивость	6,03	4,79	5,06
Коммуникативные особенности	5,68	5,27	5,06
Моральная нормативность	4,65	4,75	4,82

Согласно таблице 1, во всех группах выявлен средний уровень по показателям: нервно-психическая устойчивость (НПУ), коммуникативные способности (КС), моральная нормативность (МН).

При этом адаптационный потенциал (ЛАП) в первой группе имеет высокий показатель, в двух других он находится на удовлетворительном уровне.

Таблица 2

Средние значения по методике – опросник EPQ

Наименование показателей	Средние показатели по шкале	1 выборка	2 выборка	3 выборка
Экстраверсия-интроверсия	7-15	17,89	13,31	13,72
Нейротизм	8-16	6,86	6,44	10,06
Психотизм	5-12	3,75	3,68	3,75

Результаты по шкале «психотизм» опросника EPQ в группах одинаковы (таб.2). По шкале «экстраверсия-интроверсия» наиболее высокий

показатель в 1 группе исследуемых, по шкале «нейротизм» - в 3 группе (стаж работы более 15 лет).

Таблица 3

Средние значения по методике – Опросник MOS SF-36 (русскоязычная версия созданная МЦИКЖ)

Наименование показателей	1 выборка	2 выборка	3 выборка
Физическое функционирование	91,37	96,55	88,6
Ролевое функционирование	81,03	96,37	83,62
Боль	5,51	4,48	16,89
Общее здоровье	42,93	46,89	50,68
Жизнеспособность	74,65	69,82	71,2
Социальное функционирование	52,58	52,58	55,60
Эмоциональное функционирование	93,08	97,69	83,88
Психологическое здоровье	85,1	80	74,34

Возможное максимальное значение по каждой шкале опросника SF-36 составляет 100 (таб. 3). Во всех группе выявлены высокие показатели по шкалам «физическое», «ролевое» и «эмоциональное функционирование», «жизне-

способность», а также «психологическое здоровье». Средние показатели испытуемые имели по шкалам «общее здоровье» и «социальное функционирование».

Таблица 4

Средние значения по методике – опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom checklist -90 - revised)

Наименование показателей	1 выборка	2 выборка	3 выборка
Соматизация	0,29	0,41	0,6
Обсессивно-компульсивные расстройства	0,17	0,52	0,61
Межличностная сензитивность	0,3	0,51	0,6
Депрессия	0,16	0,2	0,45
Тревожность	0,08	0,18	0,42
Враждебность	0,14	0,1	0,47
Фобическая тревожность	0,01	0,11	0,33
Паранойяльные симптомы	0,24	0,38	0,57
Психотизм	0,08	0,11	0,3
GSI (общий индекс тяжести симптомов)	0,04	0,02	0,05
PSDI (индекс личного дистресса)	11,13	18,7	30,79

Согласно таблице 4, значения всех показателей выше в третьей группе исследуемых. Индекс PSDI у 3 выборки значительно более выражен, чем в 1 и 2 группе, что указывает на меру интенсивности состояния.

Сравнительный анализ проявлений адаптации у водителей с разным стажем представлен в таблицах 5, 6, 7.

Таблица 5

Достоверные значения t - критерия по Стьюденту (выборки 2-1)

Наименование показателей	2 выборка	Фактическое значение t-критерия Стьюдента	1 выборка
Адаптационный потенциал	3,96	t=-2,424; p=0,05	4,93
Нервно-психическая устойчивость	4,79	t=-2,910; p=0,01	6,03
Экстраверсия-Интроверсия	13,31	t=-4,624; p=0,001	17,89
Ролевой функционирование	96,37	t=2,347; p=0,05	81,03
Обсессивно-компульсивные расстройства	0,52	t=3,314; p=0,01	0,17
Межличностная сензитивность	0,51	t=2,049; p=0,05	0,3
Тревожность	0,18	t=2,267; p=0,05	0,08
Фобическая тревожность	0,11	t=3,290; p=0,01	0,01
Индекс личного Симптоматического дистресса	18,7	t=2,021; p=0,05	11,13

Таблица 6

Достоверные значения t - критерия по Стьюденту (выборки 3-1)

Наименование показателей	3 выборка	Фактическое значение t-критерия Стьюдента	1 выборка
Адаптивная способность	3,96	t=-2,269; p=0,05	4,93
Экстраверсия-Интроверсия	13,72	t=-3,865; p=0,001	17,89
Нейротизм	10,06	t=2,652; p=0,05	6,86
Боль	16,89	t=2,332; p=0,05	5,51
Общее здоровье	50,68	t=2,425; p=0,05	42,93
Психологическое здоровье	74,34	t=-2,801; p=0,01	85,1
Соматизация	0,6	t=2,948; p=0,01	0,29
Обсессивно-компульсивное расстройство	0,61	t=4,497; p=0,001	0,17
Межличностная сензитивность	0,6	t=2,904; p=0,01	0,3
Депрессия	0,45	t=3,217; p=0,01	0,16
Тревожность	0,42	t=3,903; p=0,001	0,08
Враждебность	0,47	t=2,696; p=0,01	0,14
Фобическая тревожность	0,33	t=2,841; p=0,01	0,01
Общий индекс тяжести симптомов	0,05	t=2,829; p=0,01	0,04
Индекс личного симптоматического дистресса	30,79	t=2,459; p=0,05	11,13

Таблица 7

Достоверные значения t - критерия по Стьюденту (выборки 3-2)

Наименование показателей	3 выборка	Фактическое значение t-критерия Стьюдента	2 выборка
Нейротизм	10,06	t=3,036; p=0,01	6,44
Физический компонент	88,6	t=-2,503; p=0,05	96,55
Ролевой компонент	83,62	t=-2,009; p=0,05	96,37
Боль	16,89	t=2,671; p=0,01	4,48
Эмоциональное функционирование	83,88	t=-2,851; p=0,01	97,69
Депрессия	0,45	t=3,074; p=0,01	0,2
Тревожность	0,42	t=2,073; p=0,05	0,18
Враждебность	0,47	t=3,184; p=0,01	0,1
Индекс личного симптоматического дистресса	30,79	t=2,182; p=0,05	18,7

Таким образом, проанализировав достоверные значения по 3-м выборкам, согласно полученным результатам можно предположить, что водители 3 группы со стажем работы более 15 лет больше подвержены стрессу и дезадаптации, проявляющиеся в эмоциональной неустойчивости,

в ухудшении общего физического и психологического здоровья, а именно проявления симптомов обсессивно-компульсивного расстройства, депрессии, тревожности и враждебности.

Корреляционный анализ выявил следующие значимые взаимосвязи ($p \leq 0,05^*$, $p \leq 0,01^{**}$; $p \leq 0,001^{***}$) в первой выборке испытуемых: общая адаптивная способность имеет прямую корреляционную взаимосвязь с эмоциональным функционированием ($p=0,05$), общим индексом тяжести симптомов ($p=0,05$) и соматизацией ($p=0,001$). Поведенческая регуляция (НПУ) имеет прямые корреляционные связи с эмоциональным функционированием ($p=0,001$) и психологическим здоровьем ($p=0,05$), а также обратную связь с соматизацией ($p=0,001$), с симптомами обсессивно-компульсивного расстройства, с фобической тревожностью, паранойяльными симптомами ($p=0,01$), а также с межличностной сензитивностью, тревожностью и враждебностью ($p=0,05$).

Во второй выборке испытуемых общая адаптационная способность имеет прямую корреляционную связь с шириной диапазона психопатологической симптоматики ($p=0,05$). Нервно-психическая устойчивость имеет прямую связь ($p=0,05$) с психологической сферой и обратные корреляционные связи ($p=0,05$) с типом личности (экстраверсия – интроверсия) и глубиной текущего состояния, интенсивности симптомов.

Корреляционный анализ выявил следующие значимые взаимосвязи во третьей выборке испытуемых: адаптационный потенциал имеет выраженную прямую связь ($p=0,001$) с жизнеспособностью, прямые корреляционные связи ($p=0,05$) с ролевым компонентом, эмоциональным функционированием и уровнем независимости. Адаптивность также имеет обратные корреляционные связи ($p=0,001$) с нейротизмом, тревожностью и болью, ($p=0,01$) с психотизмом, паранойяльными симптомами и диапазоном психопатологической симптоматики, а также обратную связь с ($p=0,05$) интенсивностью симптомов, ($p=0,01$) обсессивно-компульсивными расстройствами, межличностной сензитивностью и депрессией. Нервно-психическая устойчивость (поведенческая регуляция) находится в прямой корреляционной связи ($p=0,001$) с

жизнеспособностью, ($p=0,05$) с физическим компонентом, физической сферой жизни, уровнем независимости и качеством жизни.

Обобщив, все вышеизложенные данные можно сделать следующие выводы:

1. У водителей первой выборки достоверно более высокий адаптационный потенциал, нервно-психическая устойчивость.

2. По мере увеличения стажа работы (начиная с 5-летнего стажа) у водителей спецтранспорта отмечается достоверное снижение адаптационного потенциала, нервно-психической устойчивости, увеличение индекса личного симптоматического дистресса, соматизации, показателей депрессии, обсессивно-компульсивных расстройств, фобической тревожности, межличностной сензитивности и враждебности.

3. У водителей 2 выборки (стаж от 6 до 15 лет) общая адаптационная способность имеет прямую корреляционную связь с шириной диапазона психопатологической симптоматики. Нервно-психическая устойчивость имеет прямую связь ($p=0,05$) с психологической сферой и обратные корреляционные связи ($p=0,05$) с типом личности (экстраверсия – интроверсия) и глубиной текущего состояния, интенсивности симптомов.

4. У водителей 3 выборки (стаж более 15 лет) адаптационный потенциал имеет выраженную прямую связь ($p=0,001$) с жизнеспособностью, прямые корреляционные связи ($p=0,05$) с ролевым компонентом, эмоциональным функционированием и уровнем независимости. Нервно-психическая устойчивость (поведенческая регуляция) находится в прямой корреляционной связи ($p=0,001$) с жизнеспособностью, ($p=0,05$) с физическим компонентом, физической сферой жизни, уровнем независимости и качеством жизни.

Полученные выводы могут быть использованы для разработки программ подготовки водителей спецтранспорта и эффективного психологического сопровождения их профессиональной деятельности. Выявленные показатели могут быть использованы для оценки

эффективности адаптации, определения психосоматических и психологических «издержек» деятельности, своевременной диагностики дезадаптации, а также с целью выявления групп «риска» среди водителей спецтранспорта. На основе полученных результатов могут быть разработаны практические рекомендации, способствующие подготовке водителей к стрессовым условиям профессиональной деятельности.

Pirkova K.V.

PECULIARITIES OF ADAPTATION TO THE CONDITION OF PROFESSIONAL DRIVER ACTIVITY OF SPECIAL TRANSPORT WITH DIFFERENT WORK EXPERIENCE

The article presents the results of experimental psychological research of adaptation to the conditions of professional drivers of special transport activities: adaptability, quality of life and psychopathological symptoms, depending on length of service.

Keywords: adaptation, adaptability, assessment of quality of life, psychopathological symptoms.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александровский Ю.А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация / Ю.А. Александровский. – М.: Наука, 1976. -272 с.
2. Александровский Ю.Ф. Социально-стрессовые расстройства / Ю.Ф. Александровский // Русский мед. журн. - 1996. - №11. – С. 689-694.
3. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф.Б. Березин. - Л., 1988. – 270 с.
4. Исаева Е.Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни / Е.Р. Исаева – СПб.: Издательство СПбГМУ, 2009. – 136 с.
5. Начаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности: формы, механизмы, стратегии / А.А. Начаджян // [отв. ред. Э.А. Александрян]. – Ер.: Изд-во АН Арм ССР, 1988. – 262 с.

Сафиуллина Г.Р. к.филол.н.

safiullina_gulshat@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАГАДОК В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА ТАТАРСКИХ ЗАГАДОК А.ГУМЕРОВА, ОПУБЛИКОВАННОГО В 1946 Г.)

Аннотация: В статье рассматривается тема загадок в детском фольклоре. Именно через загадки реализуется когнитивное восприятие ребёнка, формируется его языковое сознание, реализуется его приобщение к культурной среде народа. Универсальность загадок подчёркивает их важнейшую роль в формировании картины мира носителя языка. Рассматриваются стилистические приёмы, использованные в текстах рассмотренных загадок. Загадки основаны на мифологемах, тесно связаны с архетипами и концептосферой языка.

Ключевые слова: загадки, лингвокультурология, детский фольклор, языковое сознание, концепт.

Антропоцентрическая направленность лингвистических исследований диктует темы научного изучения данного периода. Актуальными становятся исследования в сфере лингвокультурологии, симбиоза языка и культуры. Одним из важнейших и интереснейших разделов для лингвокультурологического анализа является фольклор. Это первый показатель когниции мира народом. Известно суждение Гумбольдта о том, что культура народа отражается в его языке. Наше внимание привлёк такой подраздел фольклора, как загадки, а именно детские загадки. Первоначально сакральные тексты, передаваемые из поколения в поколение, приобщающие к знаниям об окружающем мире, взаимоотношениях людей, загадки приобрели функцию игровую, сохранив развивающую. Интерес к татарским загадкам, которые были бережно собраны в экспедициях, опубликованы в сборниках и преподнесены читателю известными татарскими учёными, вполне оправдан. Фундаментальные исследования Х.Ш.Махмутова татарских и куманских загадок, начатые еще в 60-е гг. прошлого столетия, работы по сборанию фольклора Н.Исанбета заложили базисную теоретическую и практическую основу современной татарской лингвокультурологии. [1-3].

Загадка – своеобразный фрейм, в котором закодирован тот или иной аспект культуры. Культура частично видоизменилась, а текст загадки, оставшись прежним, несёт на себе отпечаток самобытности народа. Этнос и его самобытные аспекты отразились в тематической вариативности загадок. Н. Исәнбәт выделяет 24 раздела загадок, от светил и явлений природы до вопросов-шутки и загадок-задач. Отражены все прикладные отрасли жизнедеятельности человека, его окружение, место проживания, жизнь и он сам в центре собственноручно созданного либо познанного мироздания. Антропоцентричность этого явления подтверждается более поздними исследованиями татарских ученых, например, исследованием Р.Р. Замалетдинова национально-языковой картины мира, концепцию которой, как справедливо отмечает языковед, составляет когнитивное содержание и аксиологическая направленность. [4: 13-14].

Предметом изучения автора стал сборник татарских загадок, вышедший в свет в 1946 году. Мы руководствовались следующими принципами при выборе источника: содержание сборника соответствует нашему замыслу ознакомиться с народными, а не авторскими загадками и отвечает нашим требованиям к тематике изучаемого материала. Был привлечен лишь один источник для начальной проработки материала, поскольку целью нашего исследования является изучение отдельного сборника загадок, так как каждый сборник является законченной системой загадок, отобранных и опубликованных фольклористом. В нашем случае это сборник татарских загадок, выпущенный Гумеровым А. в 1946 году на книжной фабрике имени Камиля Якуба под эгидой Татгосиздата. Заявленная цель определяет следующие задачи: дать общую характеристику загадкам с точки зрения их архетипичности, метафоричности, функциональности, имплицитного и эксплицитного культурного содержания, образности, фреймологичности, сакрализованности, концептуальности, семантики, стилистической окрашенности и ритмической

организации.

Поставленные перед нами задачи и предмет исследования определили методы изучения: сравнительно-исторический, диахронический, типологический, описательный и статистический. Безусловно, в исследовании мы опираемся на принцип объективности и историзма в изучении культурного наследия татарской нации.

Придумывая загадки, человек на начальном этапе своего развития пытался методом переноса своих собственных характеристик и качеств познать окружающую его действительность. Мифологичность сознания древнего человека нашла своё отражение в текстах загадок. Отгадывание загадок в некоторой степени приравнивалось к инициализации. Лишь слабые отголоски этой функции сохранены в загадках и по сей день, когда отгадыванием тренируют умственные способности детей. Метафоричность языка загадок делает их яркими и запоминающимися для детей и интересными в плане исследования для лингвиста. Архетипы, пространственные и временные метафоры, приучение к ритмизации, образы, компонентный состав и ряд других аспектов позволяют исследователю проникнуть в область языковой культуры. Бесспорно, загадки, как и другие области фольклора (англ. folk – народ; loge – мудрость, знание), являются базисными основами языковой картины мира народа.

Часть детского фольклора, игровые на первый взгляд, а при ближайшем рассмотрении сложнейшие интеллектуальные вопросы, загадки были своеобразным проводником и наставником детей в мире взрослых. Путём поиска ответа на вопрос, правильного рассуждения общественные, нравственные ценности передавались подрастающему поколению. Интересны модель и этапы мыслительного процесса, пройденного от заданных параметров к точному ответу, изучению которых может способствовать лингвокультурологический анализ текста загадок. Универсальность загадок подтверждается их наличием во всех языковых культурах.

Специфичность загадок – квинтэссенция национального восприятия мира того или иного народа. Загадки незаменимы в когнициии мира и по сей день. Х.Ш. Махмутов выделяет три вида загадок: метафорические, загадки-вопросы и арифметические загадки [1: 5]. В проанализированном нами сборнике 1946 года мы наблюдаем исключительно загадки метафорического типа. К примеру, «Кечкенә генә эт, өрми дә, җибәрми дә» /маленькая собачка не лает, не пускает/ «замок».

Стилистические и фонетические приёмы скрывают смысл загадки, уводят в сторону от правильного ответа, но схема отгадки предсказуема. Веками наработаны стереотипы основных концептов языковой картины мира. В фольклоре любой языковой общности, как правило, применяются многие средства художественного изображения и стилистические приёмы: эпитет, сравнение, метафора, антитеза, литота, гипербола и т.д. Ягафаров Р.Ф. внёс огромный вклад в исследование детского татарского фольклора и утверждал, что татарский детский фольклор отличается «богатými выразительными средствами. Богатый словарный запас, интонационно-синтаксические приёмы, обращение, тавтология, звуковые повторы, междометия, звукоподражания делают эти произведения эмоциональными и мелодичными» [5: 160]. Приведем следующий яркий пример повтора из рассматриваемого сборника загадок 1946 года: «урманга бара – өйгә карый, өйгә кайта – урманга карый» /в лес идет – на дом смотрит, домой возвращается – в лес смотрит/ «топор». В произведениях детского устного поэтического творчества встречаются также архаизмы, диалектизмы, заимствованные слова и новые слова.

Кабакова С.В. изучала современные способы описания языкового сознания и распределила их в четыре группы исходя из методов исследования:

- 1) лексико-семантическую;
- 2) культурологическую;
- 3) лингвистическую;

4) концептуальную [6].

При исследовании текстов загадок, бесспорно, необходимо опираться на сочетание всех четырёх подходов для полного изучения всех аспектов текстов.

Лексико-семантический подход важен на начальной стадии исследования, для изучения формы и принятых сокращений и ритмичности в загадках. Культурологический подход поможет выявить экстралингвистические факторы формирования загадок, объяснит наличие уникальных черт на фоне универсальных. Концептуальный подход весьма важен для загадок, носящих архетипический характер. В их основе прообраз, основополагающий для жизнедеятельности общества, его культурной, ментальной, психологической составляющей. Самым важным и необходимым, по нашему мнению, станет лингвистический подход, который ответит на вопрос о механизмах работы языкового сознания, что определяет специфику загадок.

Обратимся к образности загадок. Образы являются, на наш взгляд, опорными моментами языковой картины мира. Они отсылают нас к глубинным и древним представлениям о мире лингвокультурной общности. Кабакова С.В. в работе, посвящённой механизму культурной интерпретации идиом, утверждает, что «образные основания идиом носят архетипический характер». При соприкосновении с образом, носитель языка чувствует связь с архетипом, базовым понятием культуры его языкового сообщества. Культурное пространство, единое для народа, опирается на систему архетипов, получающих своё выражение через образы. Знание этих архетипов и знакомство с образами – залог взаимопонимания носителей языка и ощущения сопричастности к социуму [6: 84]

Маслова В.А. считает, что культурная коннотация способствует реализации этой связи. Такая культурно маркированная коннотация возникает как «результат интерпретации ассоциативно-образного основания ФЕ или метафоры посредством его соотнесения с культурно-

национальными эталонами и стереотипами» [7: 74] Подтверждение этому находим в примере «үзе атка атланган, аякларын арт якка салган» /сам на лошадь сел, ноги назад забросил/ “очки”. Лошадь, конь издревле сопровождали этнос татар, к этому животному особое отношение, у него особый статус. Даже в загадке о таком обыденном предмете он нашел свое отражение. Рассмотрим загадку «тимерче дә түгел, балтачы да түгел, үзе эштә кешегә иң беренче ярдәмче» /не кузнец, не плотник, человеку первый помощник/ “лошадь/конь” [8: 4]. Обратимся к понятию зоологического кода языка, который можно выстроить в самостоятельную систему, причём в нем будет отражаться мини-общество в целом. Лексико-семантический, концептуальный, культурологический уровни послужат для поиска и воссоздания фрагмента картины мира, утверждает Гура А.В. [9: 14] Выработанный при этом метод исследования может с успехом применяться при изучении загадок с любым компонентом или с любым денотатом. Наделение птиц, животных человеческими качествами восходит к древнему периоду охотничьего промысла. Для того чтобы охота была удачной, нашим далёким предкам нужно было узнать повадки птиц и зверей. Все ритуалы древних, ряженье зверями и птицами, пляски в подражание животным были вызваны желанием стать похожими на диких животных, духовно сблизиться с ним, выпросить удачной охоты. Звукоподражания певчим птицам, имитация их трели, по всей вероятности, имеют также древнее происхождение. Можно предположить, что впоследствии функции словесного обращения к силам природы стёрлись, и формы обращения к явлениям природы статичными произведениями народного творчества, чье богатство раскрывается лишь при диахроническом анализе.

Загадки как наиболее сакрализованный пласт народного творчества после заклинаний и заговоров своей подоплёкой приоткрывают мифологемы, бывшие актуальными для той или иной культуры. Понятие мифологемы раскрыто Масловой В.А.: «это то, что забыто человеком, но сохранено в сокровенных глубинах слова и

сознания» [7: 73]. Можно говорить о том, что мифологема определяет семантику текстов народных загадок, в авторских же текстах её влияние не столь велико. Бесподобно отражена роль солнца в жизни человека в загадке «Өй башына утырган, Жир йөзен нуры белән тутырган» /на крышу дома село, всю землю осветило/ “солнце”. Неоднократно можно видеть обратный процесс или же своеобразное развитие по спирали, когда авторские загадки, в свою очередь, становятся своеобразными фреймами культуры прошлого, пережитого не одним поколением детей. Примером этого является известная загадка С.Я.Маршака: Шумит он в поле и в саду, А в дом не попадёт. И никуда я не иду, Покуда он идёт. Этот феномен достаточно редок, практически единицы авторских загадок являют собой скрипт национальной культуры благодаря своей ёмкости и всеобщей известности, становясь стереотипом.

Такие функции загадок, как кодирование и хранение информации, подтверждают наше предположение о ярко выраженной концептуальности загадок. Далеко не все загадки представляют собой зашифрованный архетип, но их тесную взаимосвязь отрицать нельзя. Многочисленные определения концепта можно привести к общему знаменателю и обозначить две важнейшие характеристики, лежащие в его основе: когнитивную и содержательную, иными словами, это познание в действии и его результат, хранимый и передаваемый из поколения в поколение. Наиболее близким к определению свойств концепта является вывод Пименовой М.В. о том, что «концепт имеет сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [10: 10]. В лингвистическом понимании концепта Воркачев С.Г. выделяет три основных подхода: 1) лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную картину мира» носителей языка; 2) семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей

определённой этнокультуры; 3) немногочисленные семантические образования, которые являются «ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей» [11: 70].

Наиболее значимые концепты, отражающие мировосприятие представителя той или иной культуры, являются базовыми. Мелкие, незначительные артефакты и понятия не были зафиксированы в культурном фонде народа [12: 154]. Частотность употребления концепта, его известность широчайшему кругу носителей языка является показателем его ключевой роли для культуры и языка народа. Произведения фольклорного жанра фиксировали наиболее ценные с точки зрения их мифологичности феномены. Логичным является вывод о том, что самые распространённые загадки, а наравне с ними и другие произведения фольклора, отсылают читателя к базовым концептам лингвокультуры и мифологемам. Интересно, что именно природные объекты и животные выделены как эталоны речевой деятельности [13: 182].

Маслова В.А. в исследовании, посвящённом культурно-национальной специфике фразеологизмов, охарактеризовала концепт как «единицу коллективного знания/сознания», выражающую этнокультурную специфику языковыми средствами. [7: 70]. В нашем исследовании данное утверждение применимо к концептам загадок.

Перейдём непосредственно к анализу загадок на татарском языке. Рифма представлена следующими моделями: aabb, aaba, abb, aab, aa, aabc, abcc, что совпадает с результатами, полученными исследователем татарского фольклора Ягафаровым Р.Ф. [5: 53] Например, модель aa – «ике башлы, дүрт аяклы» - две головы, четыре ноги, или модель aaba – «урманда бөккән, өйдә текән, яп-яңа савыт тишелеп беткән» /в лесу погнулось, дома напоролось, новая посуда вся продырявилась/ «сито» и т.д. Зачастую в загадках тем или иным образом в номинативной или процессуальной формах упоминается атрибут той

или иной профессиональной деятельности человека: «урак» /серп/, «яшел хәтфә» /зеленый бархат/, «йорт сала» /дом строит/. Безусловно, это упоминание именно тех профессий, которые существовали в бытность загадки, имели социальное значение и являлись основополагающими для жизнедеятельности. Если в текстах некоторых загадок имеется упоминание атрибутов той или иной профессии, то в ряде случаев содержится само название их: тимерче – кузнец, балтачы – плотник. Причем, что характерно, аллюзию на профессию содержат только загадки, обозначающие полезных домашних животных: петуха, лошадь, индюка. Дикие животные: медведь, белка, заяц, цапля, и т.д. получают свой код загадки путём описания их действий, внешнего вида, пищевых пристрастий, способов передвижения, что получает выражение в основном через метонимический перенос. К примеру: «сорыдыр төсе /серого цвета/ (указание цвета), үткендер теше /зуб острый/ (метонимический перенос целое-часть), урманда йөри /по лесу ходит/ (место обитания), умартадан бал көри /из улья мед выгребает/ (вкусовые пристрастия)» - «медведь».

В структуре ассоциативно-образного семантического поля загадок о животных на татарском языке можно выделить две семантические сферы [14: 76]: 1) объекты реального мира и их свойства: названия «эталон» (ике сөзгеч, дүрт йөргеч); названия их статических признаков (озын муенлы) /с длинной шеей/; обозначения процессуально-динамических свойств эталонов (йөри тере тун чикмән) /ходит зипун из живой шубы/; 2) образные наименования объектов идеального мира и их свойств: прямые наименования денотатов (башы тарак) /голова с гребнем/; образные, метафорические наименования их статических признаков (тере тун) /живая шуба/; динамические свойства (кош түгел, оча) /не птица, а летит/. Тема загадок сложна и глубока, и первоначальный анализ, сделанный нами на материале одного сборника, представляющего собой букинистическую ценность, подтверждает когнитивную ценность

загадок, благодатность этой темы для лингвистических исследований в области лингвокультурологии и ставит перед исследователем интересные задачи. Таким образом, подтверждается предположение о том, что через фольклорный фонд языка можно глубже понять способы формирования и наполнение языковой картины мира индивидуума.

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам: при исследовании текстов

загадок, бесспорно, необходимо опираться на лексико-семантический, культурологический, концептуальный и увенчивающий полученные результаты лингвистический подходы, который ответит на вопрос о механизмах работы языкового сознания. Загадки есть архетипичный, метафоричный, функциональный, культурно насыщенный, образный, фреймологичный, сакрализованный, концептуальный, стилистически и ритмически оформленный феномен.

Safiullina G.R.

LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF RIDDLES IN TATAR LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE COMPILATION OF TATAR RIDDLES PUBLISHED IN 1946 BY TATGOSIZDAT)

The theme of riddles in children folklore is studied in the article. Through riddles the cognitive perception of a child is brought up, his linguistic conscience is formed; his association with cultural environment is realized. The universal features of riddles underline their important role in forming of the world image of a language speaker. Riddles are based on mythologies, are influenced by archetypes and reflect the concept sphere of a language that is expressed through everyday life aspects.

Keywords: riddles, linguistic cultural, children folklore, linguistic conscience.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Махмутов Х.Ш. Татарские народные загадки: автореф. дис. ... канд.филол.наук. – Казань,1969. – 31 с.
2. Махмутов Х.Ш. Афористические жанры татарского фольклора: дис. в виде научного доклада.... докт. филол.наук. – Казань, 1995, – 76 с.
3. Н. Исәнбәт. Татар халык табышмаклары. – Яр Чаллы: "Идел-йорт" нәшрияты, 2002. – 96 бит.
4. Замалетдинов Р.Р. Национально-языковая картина татарского мира: автореф. дис. ... докт. филол.наук. – Казань, 2004. – 38 с.
5. Ягафаров Р. Ф. Татарский детский фольклор. – Казань: Магариф, 2007. – 172 с.
6. Кабакова С.В. Механизмы культурной интерпретации образного основания идиом: Результаты направленного ассоциативного эксперимента. Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н.Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. –с.77-86
7. Маслова В.А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии. Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред В.Н.Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – с 69-77
8. А.Гумеров. Табышмаклар. – Казан: Издательство һәм полиграфия управлениесе каршындагы Камиль Якуб исемендәге фабрикасы, ТАТГОСИЗДАТ, 1946. – 12 б.
9. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997 – 910 с.
10. Пименова М.В. Предисловие. / Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М.В.Пименовой. Вып. 4. – Кемерово, 2004. – 208 стр.
11. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 – 73
12. Жданова В.В. Пословицы и поговорки как источник изучения русского культурно-языкового сознания. Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н.Телия. - М.: Языки славянской культуры, 2004. – с 151 - 161.
13. Грунченко О.М., Попов Р.Н. О национально-культурной специфике фразеологизмов литературного языка и народных говоров. Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н.Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – с 180-189
14. Шенделева Е.А. Полевая организация образной лексики и фразеологии. Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – с. 74 – 80.

Силаева З.В. к.полит.н.,
Силаева Е.Н.,
Силаев В.Б.

silaeva-zoya@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия
МОУ «СОШ №8»
Нижнекамск, Россия

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ ОСНОВАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Аннотация: В статье раскрывается сущность интерактивных форм обучения, выявленная на основе опыта преподавания предмета «Основы религиозных культур и светской этики» в средних общеобразовательных учреждениях. Раскрываются основные возможности и ограничения применения данных методов при работе с религиозной тематикой.

Ключевые слова: интерактивные формы обучения, инновационная парадигма, «Основы религиозных культур и светской этики».

Интерактивные формы обучения становятся основополагающим элементом современного среднего общего образования, пришедшего на смену традиционным методам, отличающимся по роли и месту учителя в образовательном процессе и его взаимодействию с учениками [1]. Если в классической парадигме образования школьник рассматривался как простая система – объект педагогического воздействия, в отношении которого применялась предметная модель обучения, при которой очевидна доминирующая роль учителя, то в инновационной парадигме школьник рассматривается как сложная система – субъект познавательной деятельности.

Безусловно, в эпоху информационных технологий, когда школьник может найти любую информацию в Интернете, традиционный монолог учителя является для него скучным, неинтересным, мотивация учащегося на уроке снижается прямо пропорционально его интересу. Следовательно, можно констатировать, что интерактивные формы обучения – это один из вариантов решения сложившихся в современном образовании проблем. Однако, применимы ли данные формы обучения для всего комплекса гуманитарных наук? Прежде чем ответить на этот вопрос, определимся,

что такое интерактивные формы, и на каких принципах они построены.

В инновационной парадигме на первый план выдвигается социальная природа всякого учения и развития личности, поэтому основными учебными формами становятся групповые формы, совместная деятельность. Репродуктивная деятельность обучающихся сменяется многообразием форм поисковой, конструктивной, мыслительной деятельности, что способствует обогащению мотивов обучения посредством сотворчества, самоактуализации.

Интерактивные формы основаны на принципах взаимодействия, включенности в процесс познания всех учащихся без исключения, опоре на групповой опыт, обязательной обратной связи. При этом должна создаваться среда образовательного общения, характеризующаяся открытым взаимодействием участников, аргументированностью их ответов, накоплением совместного знания, возможностью взаимной оценки и т.д.

Для этого организуются индивидуальная, парная и групповая работа: деловые и ролевые игры, групповые дискуссии, тренинги, разбор конкретных примеров, ситуаций, возникших у школьников вопросов из жизненного опыта и т.д. В процессе подобного обучения меняется также характер и вид деятельности обучаемого, вызывая к жизни творческий стиль его мышления и образ жизни. Доминантой такого стиля выступает саморазвитие, основной ценностью – не оценка, а уровень взаимоотношений с учителем и другими обучающимися.

В процессе урока изменяется и форма подачи учителем нового материала. Она сочетает в себе преимущества традиционного способа обучения под руководством учителя и индивидуального компьютерного обучения. Наряду с информационно-познавательным содержанием интерактивная лекция имеет эмоциональную окраску, благодаря использованию в процессе ее изложения компьютерных слайдов, дополненных звуковым сопровождением и элементами

анимации. Естественно, что это значительно повышает требования к квалификации преподавателя. Особенно это важно для учителей, занимающихся обучением основ религиозных культур и светской этики.

Предмет «Основы религиозных культур и светской этики» введен в образовательной школе с целью формирования у обучающегося мотиваций к осознанному нравственному поведению, основанному на знании и уважении культурных и религиозных традиций многонационального народа России, а также к диалогу с представителями других культур и мировоззрений. Ввиду особенностей своего содержания данный предмет представляет сложность для учителей начальных классов, которые не имеют специального религиоведческого образования. Эта проблема сказывается и на ограниченных возможностях применения интерактивных форм, т.к. ведение традиционного монолога для учителя значительно проще, чем, например, ведение беседы.

Справедливости ради стоит отметить, что, например, для учащихся 9-10 лет, для которых разрабатывался данный курс, более запоминающимися являются аудиовизуальные средства восприятия, а также познавательные игры. Для данной категории учащихся менее применимы или неприменимы вообще такие методы как разбор конкретных ситуаций, групповые дискуссии, тренинги и т.д.

Содержание данного предмета должно быть адаптировано для учащихся 9-10 лет, поэтому именно возраст обучающихся и диктует необходимость поиска новых методов обучения и создания педагогических условий, при которых учитель становится партнером школьника по образовательному процессу, опытным наставником, консультантом, который способен дать ценные советы вступающему на путь познания.

Поэтому при подготовке к уроку в 5-6 классах, необходимо учитывать их психологические, а порой и индивидуальные особенности. Так, например, учеными-психологами определено, что в этот

период учащиеся могут иметь высокий уровень возбудимости, эмоциональности, краткий период максимального сосредоточения. Следовательно, урок должен быть выстроен так, чтобы в период их максимального сосредоточения учитель смог донести до учащихся важную информацию, которую в дальнейшем можно было бы использовать для общения с учащимися и проведения с ними познавательных игр. В частности, если например, мы рассматриваем тему «Во что верят буддисты?», мы должны сначала с помощью интерактивной лекции рассказать учащимся о четырех благородных истинах буддизма, объяснить, что такое карма, какими должны быть правильная речь буддиста и его поведение, а потом объяснить и рассказать дополнительную информацию, которую считаем нужной в ходе настольной игры «Нирвана».

Другая проблема, которую надо учитывать при подготовке к урокам по данному курсу, – это так называемый практический опыт ребенка или его родителей. Наличие у учащегося определенных шаблонов может способствовать тому, что ребенок может начать демонстрировать пренебрежение к знаниям о других религиях. Задача учителя заинтересовать учащегося, запроблематизировать его. Поэтому этот курс способствует тому, чтобы учащиеся научились уважать представителей различных религиозных культур, а именно это лежит в основе формирования толерантности.

Возможна другая ситуация, – например, неправильного толкования определенных религиозных истин. Здесь для учителя важно выяснить, что является источником. Если источник – фильм, то можно построить урок с заранее запланированными ошибками. Посмотреть фильм или отдельные его фрагменты вместе с детьми и обсудить его. Безусловно, фильм должен совпадать по содержанию с темой урока. Важным является умение взаимодействовать с учащимися, выполнять совместные задания, – это есть навык социальной жизни, который вырабатывается на уроках и закрепляется в жизни.

В системе начального образования, где реализуется курс «Основы религиозных культур и светской этики» можно использовать практические задачи, такие как нарисовать картинки; выполнить задания на соотношение и т.д. Особенно интересным и познавательным для учащихся являются экскурсии, которые способствуют расширению у них знаний о сложности мира и его многогранности; знакомству их с представителями разных религиозных культур и особенностями их веры.

Таким образом, очевидно, что интерактивные формы обучения – это не панацея от всех проблем. Существенное влияние на методы, формы и средства обучения оказывает влияние сама личность учителя, уровень его теоретической и методической базы. Как показывает практика, применение интерактивных форм обучения результативнее у более квалифицированных учителей, имеющих высшее образование и опыт работы в школе. Поэтому рекомендовать эти формы всем учителям и для учащихся любых классов было бы неправильно. Более того, использование той или иной формы зависит от предмета и даже темы изучения. Таким образом, главная задача учителя состоит в постоянном поиске возможностей совершенствования каждой из форм и их адаптации к конкретной теме, предмету.

**Silaeva Z.V., Silaeva E.N.,
Silaev V.B.**

*APPLICATION OF INTERACTIVE
FORMS OF EDUCATION BASED ON
RELIGIOUS CULTURE AND SECULAR
ETHICS IN THE MODERN SCHOOL*

The article reveals the essence of interactive forms of learning, identified based on the experience of teaching the subject "Fundamentals of religious cultures and secular ethics" in secondary institutions. Reveals the basic capabilities and limitations of these practices when dealing with religious subjects.

Keywords: interactive forms of learning, innovation paradigm, "Basics of religious cultures and secular ethics".

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шмакова, А. П. Формирование готовности будущего учителя к педагогическому творчеству средствами информационных технологий [Электронный ресурс] : монография / А. П. Шмакова. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 184 с.;
2. Проблемно-модульное обучение: Учебное пособие / Е.А. Соколов. - М.: Вузовский учебник: НИЦ Инфра-М, 2012. - 392 с.
3. Методическое пособие по интерактивным методам преподавания права в школе. - М.: Новый учебник , 2002. - 192 с.;
4. Козырев Ю. В. Модель проведения уроков на основе технологии решения проектных задач // Управление качеством образования : теория и практика эффективного администрирования. - 2011. - N 6. - С. 60-68.

Фурсова В.В. к.с.н.,
Ха Ван Хоанг

vafursova@yandex.ru
hahoang9@gmail.com

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ДОСТУПНОСТЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Аннотация: Статья посвящена анализу категории «доступность высшего образования» и исследованию социальных факторов, влияющих на этот реальный социальный процесс. Среди факторов выделяются следующие:

информационный;
экономический; социальный;
институциональный и
индивидуально-личностный.
Статья имеет теоретический характер.

Ключевые слова:
образование, высшее образование, доступность высшего образования, социальное неравенство, социальный и культурный капитал.

Доступность высшего образования является одной из важных категорий в рамках исследования социального института образования. При этом, восприятие данной категории у различных исследователей может существенно различаться (как мы покажем ниже). Целью данного теоретического исследования является определение сущности и содержания категории «доступность высшего образования» и определение социальных факторов, влияющих на данный социальный процесс.

Для понимания сущности этой категории помимо интерпретации понятие «высшее образование», необходимо проанализировать значение слова «доступность».

Д.В. Дмитриев дает следующее толкование данного термина:

«1) доступным называют то, что соответствует возможностям, способностям кого-либо;

2) какие-либо организации, учреждения и т.п. являются доступными, если люди могут свободно, без ограничения входить туда;

3) доступными являются вещи, товары, которые недороги и которые могут купить многие люди;

¹Статья выполнена при поддержке РГНФ Грант № 15-13 16001

4) доступным является то, что можно легко понять» [4].

Несмотря на общенаучный характер данного определения, оно помогает установить несколько важных для нас характеристик исследуемого термина. Во-первых, доступность не может быть оценена в отрыве от характеристик субъекта доступности. Ключевыми компонентами субъектности для оценки степени доступности чего-либо становятся возможности социального актора этим чем-либо воспользоваться. Во-вторых, доступность институтов и организаций предполагает неограниченное их участие (включение) в социальные отношения. В-третьих, важным фактором в оценке степени доступности чего-либо является цена или стоимость чего-либо. В широком смысле слова это означает, что издержки и ресурсы которые необходимо затратить для использования чего-либо должны быть умеренными, адекватными и объективными. И наконец, в-четвертых, для доступности очень важен критерий коммуникации, т.е. восприятия и понимание, не только объекта доступности, но и способов и возможностей по использованию данного объекта.

В научных трудах отсутствует единство подхода к пониманию сущности доступности высшего образования. В настоящее время существуют различные определения доступности высшего образования, приведем некоторые из них.

1) Определение А.С. Ключева, который оценивает данную категорию с позиций равенства различных социальных групп в их взаимоотношениях с вузами: «доступность высшего образования – это возможность выбора различными социальными группами высшего учебного заведения, а также зачисления и обучения в нем»[8].

2) Похожим образом трактует исследуемую категорию В.И. Шкатулла. В данном случае ключевыми составляющими между которыми должен быть поставлен знак равенства являются индивидуальные и личностные различия людей: «общедоступность образования – это обеспечение

доступа к образованию вне зависимости от факторов, различающих людей»[18].

3) В зависимости от экономического положения и условий предоставления образовательных услуг ставит исследуемую категорию Т.П. Евсеенко: «доступность высшего образования – это совокупность реальных условий обеспечения равных возможностей для получения высшего образования индивидами независимо от их экономического положения»[5].

4) Результативность обучения в вузе считает основополагающим компонентом в данной сфере Я.М. Рощина: «фактическая (реальная) доступность высшего образования – это вероятность (шанс) получить высшее образование»[11].

5) И наконец, с точки зрения комплекса факторов, влияющих на поступление в высшее учебное заведение, рассматривает категорию доступности высшего образования В.И. Сухочев: «общая доступность высшего образования – это совокупность условий, обеспечивающих абитуриентам в комплексе организационную, территориальную, финансовую, ценовую и академическую доступности высшего образования, то есть это совокупность объективных и субъективных возможностей и способностей индивидов получить высшее образование»[14].

По нашему мнению, все перечисленные элементы и факторы могут быть в той или иной форме включены в интерпретацию исследуемой категории.

Таким образом, общая доступность высшего образования - это комплекс возможностей по поступлению в высшие учебные заведения и по успешному завершению обучения. Такое понимание включает в себя два фактора: платежеспособность населения и приемлемая цена на образовательные услуги. Разные граждане и социальные группы имеют неравные возможности по доступности к высшему образованию. Поэтому в ходе исследования проблемы доступности высшего образования необходимо определиться с факторами,

влияющими на формирование неравенства доступа к высшему образованию, а также предложить меры социальной политики с целью усиления шанса на получение высшего образования для всех социальных групп граждан.

В современной социологической науке существует множество подходов к исследованию дифференциации граждан и социальных групп по степени доступности для них высшего образования.

Изучение данной проблемы можно рассматривать с позиции равенства индивидов в получении высшего образования. Я.М. Рощина определяет структуру понятия «доступность высшего образования» следующим образом:

1) «Равенство возможности обучения». Все ли индивиды имеют равные возможности прогресса до определенного уровня образования?

2) «Равенство условия или средств обучения: все ли индивиды имеют равные условия получения образования?» Получают ли дети из неблагополучных групп тот же или более высокий уровень подготовки, чем дети из благоприятных групп (материальная оснащенность, учебный план, учебники и пр.).

3) «Равенство результатов ли школьных достижения: все ли учащиеся, с точки зрения независимой экспертизы, получают необходимые знания и умения». Имеется ли зависимость знаний и умений от социального происхождения учеников?

4) «Равенство возможности использования образовательных результатов». Все ли индивиды после выхода из образовательной системы имеют шансы использовать эти знания и занять соответствующее место в социальной системе[12].

Т.е. доступность высшего образования - это степень равенства всех участников учебного процесса, и также после окончания учебного курса. Ключевым является равенство индивидов на всех циклах и стадиях получения высшего образования.

Данный подход основан на базе теории социального неравенства Д.Роуза, который разработал систему компонентов неравенства в

сфере получения высшего образования. По мнению Д. Роуза к элементам неравенства относятся:

«1) правовое неравенство, понимаемое как неравенство прав различных групп, закрепленных законодательно;

2) социально-экономическое неравенство, понимаемое как неравенство доступа к образованию или достижению в системе образования, обусловленное неравными социально-экономическими характеристиками различных групп людей;

3) неравенство, обусловленное различиями в качестве образования на предшествующих ступенях обучения. Неравенство возможностей в получении высшего образования связывается, прежде всего, с различиями в качестве обучения в школе»[12].

Д. Роуз рассматривает в качестве главных факторов, которые влияют на формирование неравного доступа социально-экономические компоненты.

Похожее мнение высказывает российский исследователь Т.П. Евсеенко. Доступность высшего образования она определяет как совокупность реальных условий обеспечения равных возможностей для получения высшего образования индивидами, независимо от их экономического положения. Доступность характеризует социально-экономический аспект равенства[5]. Таким образом, экономика является одним из основных факторов в обеспечении детей доступом к высшему образованию.

Сероманов П.А. утверждает, что выпускники школ, происходящие из семей с низким достатком, имеют меньше шансов на поступление в высшее учебное заведение, чем дети богатых родителей[13]. Таким образом, дифференциация по степени доступности высшего образования для разных социальных групп становится больше, с увеличением степени социального расслоения.

В своем исследовании «Рейтинг стран по доступности высшего образования» Карпенко О.М. и Бершадская М.Д. отмечают: «Очевидная связь

между доступностью высшего образования и финансовыми возможностями его получения определяется тем, что доступность (Accessibility) – результат, а «способность платить» (Affordability) – один из основных факторов, влияющих на достижение этого результата ... в странах с существенными различиями в оплате обучения и в видах финансовой помощи студентам получены сходные результаты по доступу к высшему образованию широких слоев населения»[7]. Итак, финансы является одним из основных факторов влиять возможность получения высшего образования. Однако степень воздействия данного фактора на разные слои населения существенно различается.

Оценка места России в рейтинге стран по доступности высшего образования на основе данных национального мониторинга, а так же сопоставления результатов глобальных рейтингов по доступности высшего образования и финансовых возможностей его получения, авторы установили: «Ведущие позиции этих стран в значительной степени обусловлены мощной системой государственной поддержки студентов (в частности, масштабными программами грантов) при отсутствии платы за обучение: 2 и 3 места в рейтинге стран по возможностям оплаты высшего образования ... высокий рейтинг стран по финансовым возможностям получения высшего образования создает предпосылки для дальнейшего повышения его доступности на принципах равенства и справедливости»[7].

В своем исследовании «Капитал социальный и человеческий» Дж. Коулмен рассматривает доступность образования как трансформацию семейного капитала. По его мнению «Образовательный уровень семьи» делится на три различных компонента:

1) финансовый капитал измеряется богатством семьи или доходом. Он способствует созданию в доме определенного места для учебы, обеспечивает учебными материалами и пособиями, финансовыми ресурсами, сглаживающими проблемы семьи;

2) человеческий капитал измеряется уровнем образования родителей и помогает ребёнку познать окружающую среду, способствует процессу обучения.

3) социальный капитал семьи – отношения между детьми и родителями, то есть, если человеческий капитал родителей не дополнен социальным капиталом, воплощенным в семейных отношениях, то он не играет большой роли в образовательном уровне ребенка, вне зависимости от того, каковы размеры человеческого капитала родителей[9].

Семья как источники содержания материальных ресурсов (финансовый капитал) и социальных ресурсов (человеческий капитал и социальный капитал) с целью помочь ребенку приобрести шанс получить высшее образование. Эти капиталы обладают важными ролями не только в школе, но и в период продолжения образования детей. Поэтому возможность получения высшего образования измеряется человеческим капиталом, который семьи обеспечивают детям.

Дифференциация доступности к высшему образованию проявляется не только в экономическом, но и в других аспектах: социальном, культурном, индивидуальном.

Рассмотрение роли социального капитала на доступность высшего образования. С.В. Шишкин отмечает: «Согласно оценкам населения, социальный капитал семьи (родственные, корпоративные, статусные связи) является более важным фактором, влияющим на возможность получения престижного высшего образования, чем доход и место проживания семьи»[17]. По нашему мнению, каждый капитал обладает разными ролями, влияющими на степень доступности для индивида высшего образования.

В своей работе «Образование как адаптивный ресурс населения» Аврамова Е.М. отмечает: «Поскольку получение высшего образования для все более значительной части населения становится возможным лишь на платной основе, а материальное положение большого числа семей не позволяет производить требуемые инвестиции,

встает проблема материальных ограничений доступности высшего образования. Но помимо материальных факторов доступности существуют и другие, столь же определенно влияющие на возможность получения высшего образования. К ним следует отнести следующие факторы: территориальный; статусный; адаптационный. Территориальный фактор доступности значим, поскольку проживание в малых городах и селах снижает возможности получения высшего образования вследствие сложившейся в светское время практики концентрации высших учебных заведений в крупных городах и мегаполисах. Значение статусного фактора определяется стремлением родителей сохранить для детей достигнутый семьей уровень общественного положения её членов, во многом зависит от образования, и это будет заставлять концентрировать усилия и ресурсы домохозяйства для обеспечения детям высшего образования. И наоборот, отсутствие статусных амбиций родителей снижает шансы получения высшего образования их детьми. Наконец, стремление к получению высшего образования может рассматриваться как результат происходящей в обществе рефлексии по поводу результативности реализации различных адаптационных стратегий. В этом смысле опыт социально-экономической адаптации родителей может выступать как получения их детьми высшего образования»[1]. Так, по мнению Е.М. Аврамова, не только материальный фактор влияет на доступность высшего образования, большим влиянием обладают также территориальный, статусный и адаптационный факторы. Эти факторы можно отнести к числу социокультурных, которые поддаются государственному и общественному регулированию.

В статье, посвященной данной проблематике «Культурный капитал и педагогическая коммуникация» П. Бурдые и Ж.К. Пассерон отмечают: «студенты из низших и средних классов, получившие доступ к высшему образованию и обязанные с успехом пройти процесс

аккультурации, что бы удовлетворять несократимому далее минимуму учебных требований в области языка, подвергаются с необходимостью самой строгой селекции, и именно по критерию языковой компетенции ... только отбором, дифференцированным по социальному происхождению, и особенно сверхселективностью в отношении учащихся из народа можно логически объяснить колебания языковой компетенции в зависимости от социального происхождения, и в частности отсутствие связи или инверсию прямой связи (наблюдаемой на более низких уровнях обучения) между обладанием культурным капиталом (связанным с профессией отца) и уровнем успеваемости... если доля выходцев из низших классов среди поступивших в университет ощутимо возрастает, то степень относительной селекции этих студентов все меньше компенсирует учебные недостатки, связанные с неравным распределением языкового и культурного капитала между социальными классами»[3]. Таким образом, существует неравенство в доступности высшего образования для представителей разных социальных классов (или, точнее говоря, страт), которые обладают неравными языковым и культурным капиталами.

Согласно данной концепции т.н. «культурный капитал» можно разделить на три составляющих:

1) укорененные формы компетенций и установок – габитус, или «вторая натура», которые определяются социальной средой и формируют дальнейшие стратегии;

2) объективизированные формы культурного капитала (книги, художественные работы и т.д.);

3) институализированные формы, такие, как квалификация.

Рошина Я.М. утверждает, что «Объемы культурных капиталов могут быть использованы семьей, индивидом в разных сферах с разной результативностью. В сфере образования на эту результативность больше всего влияют укорененные формы. Конверсия укорененных форм в институционализированные формы зависит не

только от индивидуальных усилий, но и от дистанции между культурой школы и габитусом ученика. Социальный капитал укоренен в сетях социальных взаимодействий между индивидами и группами. Его размер зависит от размера социальных сетей, которые можно эффективно использовать. По отношению к образованию размер и качество социального капитала в окружении ребенка (семья, сообщество, школа) играют важную роль для формирования его намерений, взаимопомощи, обмена информацией, способности соответствовать стандартам и мобилизовать ресурсы. Профессиональный этос учителей и взаимоотношения с ними – тоже часть социального капитала. В рассматриваемой плоскости проблемы доступности образования предстают как проблемы, порождаемые различиями в объемах разных видов капиталов и в результативности их использования»[12].

Таким образом, это исследование указывает на важную роль культурного и социального капитала (семья, сообщество, школа), которые используются в качестве, своего рода, «багажа» ученика в процессе его доступа к высшему образованию.

Одним из социальных факторов, также влияющих на доступность высшего образования – это типы образовательных стратегий, применяемых в ходе получения учениками среднего (школьного) образования. П.А. Сергоманов отмечает: «Имеются в виду различия типов образовательных стратегий средней школы, связанных с учетом или игнорированием ситуации развития старшеклассников. Иными словами, фактором «селекции» в доступности высшего образования выступает образовательная стратегия школы. Одновременно с этим стратегия школы сглаживает селекцию, связанную с социально-экономическими факторами»[13]. Таким образом, школа выступает как социальный капитал, который участвует в ориентации выпускников в ходе выбора высшего учебного заведения.

Еще одной проблемой, связанной с исследованием доступности высшего образования

является вопрос о детях мигрантов. Е.В. Тюрюканова и Л.И. Леденева отмечают: «Дети ... мигрантов испытывают языковые и психологические трудности в процессе школьного обучения, понижающие затем доступность высшего образования ... мигранты оторваны от привычного социального окружения – знакомых, друзей, родных. Они не имеют в стране въезда социальных связей, играющих большую роль в адаптации, в решении актуальных проблем и удовлетворении жизненных потребностей, включая потребность в получении образования»[15]. Таким образом, проблема приспособления к процессу обучения в вузе становится существенно острее для детей мигрантов, которые испытывают, в частности, языковые трудности – один из элементов культурного капитала.

Одним из компонентов человеческого капитала является здоровье. А.М. Рощина и М.А. Другов полагают: «Помимо знаний и способностей в человеческий капитал принято включать уровень здоровья, который в некоторых случаях может существенно снизить сначала возможности ребенка поступить в вуз, а затем – профессиональный уровень (производительность и доходы). Как правило, оценить вклад здоровья (и инвестиций в здоровье) в уровень дохода очень трудно, так же, как и его влияние на намерение продолжать обучение»[10]. Состояние здоровья в достаточно большой степени влияет на шанс получения образования, в том числе и на доступность высшего образования. Поэтому, с одной стороны, инвалиды имеют меньшую возможность доступа к высшему образованию, чем здоровые абитуриенты, а с другой стороны у них ограниченный выбор среди вузов и специальностей, в зависимости от степени открытости среды, которую предоставляет то или иное учебное заведение.

Анализ доступности высшего образования для социально уязвимых групп проводит С.В. Шишкин. Он выделил социально-экономические факторы, которые влияют на возможности получения высшего образования:

- 1) сельские жители и жители малых городов, удаленных от вузовских центров;
- 2) дети из малообеспеченных семей, в том числе дети инвалидов, безработных, неквалифицированных рабочих;
- 3) семьи с невысоким образовательным потенциалом родителей;
- 4) дети мигрантов;
- 5) выпускники учреждений начального профессионального образования;
- 6) дети с плохим здоровьем[17].

Эти социально-экономические факторы влиятельны не только для социально уязвимых групп, но и для других групп, находящихся на более высокой ступени социальной иерархии. Поэтому государству необходимо разрабатывать и реализовывать политику с целью усиления шанса на доступ к высшему образованию для всех групп населения.

Обобщив теоретико-методологические основы исследования проблемы неравенства и человеческого капитала, мы можем выделить пять групп факторов, которые влияют на доступность высшего образования.

1) **Информационный фактор** – это наличие или отсутствие информации, определяющее возможность принятия решения о поступлении в высшее учебное заведение. Этот фактор включает: степень информированности по различным аспектам; источники информации на территории; уровень удовлетворения информационных потребностей в вузе и др.

2) **Экономический фактор** - представляет собой совокупность показателей финансово-экономического состояния исследуемого региона и семей студентов, которые определяют доступность образования как в регионе в целом, так и для отдельных групп населения. Экономический фактор рассматривается в следующих аспектах: уровень доходов семей студентов; уровень расходов семей студентов на оплату образовательных услуг; социально-бытовые условия предоставления общежития; род занятий родителей и др.

3) **Социальный фактор** выражает влияние социальной принадлежности на возможность выбора высшего учебного заведения, а также зачисления и обучения в нём. Этот фактор включает: тип населенного пункта места проживания семьи, уровень образования родителей, число членов семьи, состав семьи и др.

4) **Институциональный фактор** рассматривается как возможность поступления абитуриента в вуз и завершения процесса обучения в зависимости от качества образовательных услуг в учреждениях среднего образования и в системе довузовской подготовки, спектра имеющихся в регионе вузов и характеристик их деятельности. Институциональный фактор выражается в следующих элементах: распределение студентов по используемым формам довузовской подготовки, удовлетворенность качеством довузовской подготовки, трудности процесса адаптации, уровень конкурса при поступлении, распределение студентов по используемым формам вступительных испытаний и др.

5) **Индивидуально-личностный фактор** включает мотивационные, физиологические и интеллектуальные ресурсы абитуриентов и студентов, которые могут выступать в качестве барьеров получения высшего образования. Этот фактор рассматривается как сочетание: итоговой успеваемости в среднем образовательном учреждении, здоровья выпускников школ, мотивов получения высшего образования и др.

Выводы

1) Доступность высшего образования является одной из важных категорий в рамках исследования социального института образования. Понятие доступности высшего образования раскрывается через ряд ключевых компонентов: во-первых, для оценки степени доступности ключевыми становятся возможности социального субъекта воспользоваться высшим образованием; во-вторых, доступность социальных институтов предполагает неограниченное их участие (включение) в социальные отношения; в-третьих, издержки и

ресурсы, которые необходимо затратить для получения образования должны быть умеренными, адекватными и объективными, в-четвертых, очень важен критерий коммуникации и информированности, т.е. восприятия и понимание, не только объекта доступности, но и способов и возможностей по использованию данного объекта.

2) Важной проблемой в сфере доступности высшего образования является неравенство социальных слоев и групп по обладанию разного рода капиталами. Речь в данном случае идет не только о материальных ценностях, таких как, например, финансовые возможности семьи по обеспечению абитуриента всем необходимым для поступления в высшее учебное заведение, но и информационный капитал (доступ к разного рода сведениям, их объем и достоверность), социальный капитал (полнота семьи, наличие родственников, круг общения, адаптивные навыки и пр.),

внутриличностный капитал (знания и умения, коммуникативные навыки, целеустремленность и пр.) и т.д. Таким образом, категория доступности высшего образования содержит не только объективную (государственная политика, стоимость обучения, качество образовательных услуг, уровень подготовки абитуриентов и пр.), но и субъективную сторону (которая определяет роль семьи и отдельного индивида в формировании критериев доступности образования).

3) Таким образом, можно выделить пять групп факторов, которые влияют на доступность высшего образования: информационный; экономический; социальный; институциональный и индивидуально-личностный. Данные факторы лежат во всех областях общественной жизни, а их исследование должно происходить на стыке разнообразных дисциплин социально-гуманитарного профиля, таких как экономика, психология, политология, педагогика и социология.

Fursova V.V., Van Hoang

AVAILABILITY OF THE HIGHER EDUCATION

This article focuses on analyzing the category of "the accessibility to higher education" and doing research on social factors affecting the reality of the social process. These factors are divided as follows: information, economy, society, individual. The article is of a theory.

Keywords: education, higher education, the accessibility to higher education, social inequality, social and cultural capital.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аврамова Е.М. Образование как адаптивный ресурс населения / Проблемы доступности высшего образования. Препринт WP3/2003/01/ Отв. ред. С.В. Шишкин. С. 86-87.
2. Аникина Е.А., Нехорошев Ю.С. Доступность высшего образования как институциональная основа современного общества // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317. № 6. С. 57-61.
3. Бурдые П., Пассрон Ж. К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007. 270 с.

4. Дмитриева Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель : АСТ, 2003. С. 299.
5. Евсеенко Т.П. Доступность высшего образования в условиях формирования рынка образовательных услуг // Экономика образования . 2007. № 3. С. 121.
6. Ильин В.И. Социальное неравенство / В.И.Ильин. М.: Гном и Д, 2000. 186 с.
7. Карпенко О.М., Бершадская М.Д. Рейтинг стран по доступности высшего образования // Экономика образования. 2008. № 2. С. 5.
8. Ключев А.С. Информационный бюллетень «Мониторинг региональных проблем доступности высшего образования». Екатеринбург., 2006. С.5.
9. Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 122-139.
10. Рощина Я.М., Другов М.А. Социальные детерминанты неравенства доступа к высшему образованию в современной России / Проблемы доступности высшего образования. НИСП. М., 2003. С. 49.
11. Рощина Я.М. Доступность высшего образования: по способностям или по доходам? // Университетское управление: практика и анализ. 2005. №1. С. 70.
12. Рощина Я.М. Неравенство доступа к образованию: что мы знаем об этом? / Проблемы доступности высшего образования. НИСП. М., 2003. С. 114.
13. Сергоманов П.А. Доступность высшего образования и развитие в юношеском возрасте / Доступность высшего образования в России. М., 2004. С. 210.
14. Сухочев В.И. Доступность высшего образования в условиях перехода к экономике знаний // Креативная экономика. 2009. №9 (33). С.16.
15. Тюрюканова Е.В., Леденева Л.И. Ориентации детей мигрантов на получение высшего образования. // Социологические исследования. 2005. №4. С. 94.
16. Шишкин С.В. Социальная дифференциация высшего образования / Независимый институт социальной политики. М, 2005. 384 с.
17. Шишкин С.В. Доступность высшего образования для населения России: что показывают результаты исследований / Доступность высшего образования в России // Независимый институт социальной политики. М., 2004. 500с.
18. Шкатулла В.И. Комментарий к Закону РФ «Об образовании» // Отв. ред. проф. В.И. Шкатулла – 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юристъ, 1998. С. 28.
19. Carol M., Jennifer W.K., Carl J.D., Deboral W.H. Access to Higher Education among High School Students: Challenges and Solutions // Journal of Social Sciences. 2012. № 8 (2). pp. 252-257.
20. Coleman J. (1988): Social Capital in the Creation of the Human Capital, American Journal of Sociology, Vol. 94. pp. 95-120.
21. Chris S. Access to and equity of higher education in East Asia. Singapore. 2010. pp. 98.

Шамина В.Б. д.филол.н.

vera.shamina@kpfu.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

ДЕКОНСТРУКЦИЯ В ТЕАТРЕ

Аннотация: В статье рассматриваются различные виды деконструкции в современной сценической практике. Выделяются такие виды деконструкции, как деконструкция текста – римейк, актерская деконструкция, режиссерская деконструкция, языковая деконструкция и деконструкция зрительских ожиданий.

Ключевые слова:
деконструкция,
постмодернизм, театр,
симулякр, римейк.

Деконструкция (от лат. de «обратно» и constructio «строю»; «переосмысление») — понятие современной философии и искусства, означающее понимание посредством разрушения стереотипа или включение в новый контекст. Исходит из предпосылки, что смысл конструируется в процессе прочтения, а привычное представление либо лишено глубины (тривиально), либо навязано репрессивной инстанцией автора. Поэтому необходима провокация, инициирующая мысль и освобождающая скрытые смыслы текста, не контролируемые автором. Разработано Жаком Деррида, однако восходит к понятию деструкции Хайдеггера — отрицания традиции истолкования с целью выявления сокрытый смысла. Деконструкция – ключевое понятие постмодернизма, определение, которого можно найти в многочисленных словарях, которые зачастую буквально повторяют друг друга. Как известно, термин был введен в широкий оборот Жаком Дерридой и, с его легкой руки, вошел практически во все сферы общественного сознания. Особенно часто этот термин употребляется при характеристике постмодернистских произведений литературы и искусства. Однако в каждой области, помимо общих проявлений, существуют и специфические, характерные именно для этого вида художественного творчества черты.

Театр – одно из наиболее демократичных и, можно сказать, оперативных видов искусства, и поэтому, наиболее отчетливо отражает многие художественные тенденции времени, а также, те изменения, которые происходят в современном обществе. Каждая новая эпоха порождает свой эстетический язык, и не будет преувеличением сказать, что язык нашего времени – это язык постмодерна. В то же время сама суть театра близка постмодернизму, многие категории которого связаны с театральной практикой – игровое начало, карнавализация, имитация реальности. Видимо, именно поэтому многие черты постмодернизма заявили о себе в театре гораздо раньше, чем в повествовательной прозе, сформировав новый театральный язык, во многом отличный от того, который долгое время превалировал в сценическом искусстве. Этот процесс коснулся как драматургии, так и сценического воплощения классических пьес. По сути, произошел глобальный пересмотр канона – классические пьесы стали переписываться или совершенно по-новому интерпретироваться, в постановках стали преобладать условность и минимализм, изменилась техника актерской игры. Современный театр даже называют «театром деконструкции»[9]. Как отмечает Тарасов, «в нем прежде всего деконструируется привычная роль автора, снимаются оппозиции «автор – актер», «актер – зритель»[13]. Немецкий исследователь Леманн считает, что «изменение обращения с театральными знаками привело к тому, что граница между театром и другими формами взаимодействия, например между театром и перформансом (чья цель — вызвать переживание реальности), стали очень подвижными. Постдраматический театр можно определить по аналогии с понятием и предметом «концептуального искусства».[13]

Когда мы говорим о деконструкции в театре, то следует иметь в виду два аспекта театральной практики – текстовую основу, то есть драматургию, и спектакль. Деконструкция в драматургии проявляет себя, с одной стороны, в новых театральных текстах, в которых «исчезают принципы

наррации и организация фабулы. Это означает отказ от драматического действия, от интриги»[15]. С другой стороны, она реализуется в деконструкции классического канона, что получило свое выражение римейках классических произведений, ставших в этой сфере еще более популярными, нежели в повествовательной прозе. Переосмысливая классические сюжеты, современные авторы переносят акценты, выявляют скрытые смыслы и, в конечном счете, вступают в полемику с оригиналом, отстаивая свое видение проблемы. Безусловным лидером в этом процессе стал Шекспир.

Хрестоматийным примером такой деконструкции святая святых – шекспировского Гамлета является пьеса Т. Стоппарда Розенкранц и Гильденстерн мертвы, написанная в ту пору, когда термины «постмодернизм» и «деконструкция» в отечественном литературоведении еще не употреблялись, да и на Западе не так прочно вошли в обиход. Тем не менее, эта пьеса является одним из наиболее ярких и удачных примеров деконструкции классического сюжета, на примере которой можно наглядно продемонстрировать сущность самого термина.

Само название резко полемично по отношению к шекспировскому. Современный драматург сразу же таким образом заявляет, что его интересуют не короли и герои, действующие на авансцене исторических нарративов, а те, кто остается на заднем плане. Главными героями здесь, как следует из названия, становятся два жалких дворянина, игравшие в шекспировской трагедии более чем скромную роль. Их выдвижение на первый план, однако, вовсе не означает, что их личностные характеристики стали совершенно иными. Напротив, Стоппард явно отталкивается от шекспировских образов. У него эти герои так же нивелированы и похожи друг на друга, как и у Шекспира, однако здесь эта идентичность доводится до абсурда: их постоянно путают все персонажи пьесы, и они сами путают друг друга и самих себя, постоянно забывая, кого как зовут.

Интересно отметить, что вся пьеса Т. Стоппарда является искусной сценической актуализацией знаменитого шекспировского тезиса: "Весь мир – театр, люди – актеры". Этот афоризм становится структурообразующим принципом всего произведения, и все то, что происходит на сцене, является его последовательной расшифровкой. Не случайно бродячие комедианты, исполняющие в пьесе Шекспира служебные функции, здесь превращаются в главных действующих лиц, несущих основную смысловую нагрузку. С их появления начинается действие, они появляются в кульминационные моменты пьесы, они же ее завершают. Их мелодия звучит на всем протяжении действия, их комментарии выражают основные авторские идеи. Подобная актуализация метафоры является одной из характерных приемов деконструкции классического произведения и заставляет вспомнить рассуждения Дериды о том, что грамматическое, лингвистическое, риторическое значение деконструкции связаны с «машинностью» – сборкой-разборкой машины как целого для транспортировки в другое место[4].

Театр и реальность в пьесе Стоппарда сплетаются в нерасчленимый клубок, в результате трудно сказать, где кончается театр и начинается жизнь. В пьесе бесконечно обыгрывается глагол to act, означающий одновременно действовать, поступать и играть. Розенкранц и Гильденстерн чувствуют себя то персонажами какой-то неведомой им пьесы, то зрителями собственной жизни. Оба эти понятия – зритель и персонаж в данном контексте глубоко близки по сути – оба выражают идею пассивности, зависимости и невозможности что-то предпринять и изменить в окружающем мире или в собственной судьбе. Эта мысль о предопределенности человеческой судьбы также выводится Стоппардом из шекспировского афоризма, ибо само понятие театр предполагает наличие пьесы, автора и режиссера, актер при этом лишь выполняет то, что ему предписано, следуя авторскому режиссерскому замыслу. И в своей пьесе Стоппард последовательно создает образ лживой,

бесконечно меняющейся лики реальности, жизни-карнавала, где правда и ложь, жизнь и смерть, порок и добродетель – всего лишь маски, скрывающие истину. Таким образом, используя в своей пьесе не только шекспировский сюжет, но и целый ряд шекспировских мотивов, Стоппард деконструирует оригинал, буквально воплощая идею о том, что в ходе этого процесса речь идет не столько о разрушении, сколько о реконструкции ради постижения того, как была сконструирована некая целостность и выводит из шекспировского материала собственную философскую концепцию. Всем ходом своей пьесы Стоппард последовательно утверждает множественность и непознаваемость истины, трагическую детерминированность человеческого существования, полное отчуждение индивида от истории, общества и даже собственного Я, то есть создает типично постмодернистскую концепцию личности [14].

Как известно, одним из способов деконструирования оригинала является его помещение в новый контекст. Этим приемом также активно пользуются авторы драматургических римейков. Так, Дж. Осборн в пьесе Место, называющее себя Римом на сюжет Кориолана Шекспира полностью, сцена за сценой следует оригиналу, используя те же образы, но переводя их на язык прозы и при этом как бы снижая шекспировскую ситуацию. В то же время скрупулезная верность оригиналу сочетается в пьесе Осборна с нарочитым введением современных реалий: в сценах битв здесь используется современное вооружение – винтовки, гранаты, танки; Кориолан прилетает на самолете, выборы консула во многом напоминают процедуру современных выборов на Западе: журналисты, молодежная толпа с плакатами откровенно современного и даже непристойного содержания, пикеты полиции, громкоговорители и т. д. То есть вся атмосфера, в которой действуют шекспировские герои, сугубо современная даже без элементов стилизации. Таким образом, деконструируя исторический контекст, автор

сталкивает шекспировского героя с современной аудиторией, и ставит перед ним проблемы сегодняшнего дня.

Еще более радикально подвергли деконструкции классический канон представительницы феминизма. Здесь, опять же, больше всего досталось Шекспиру, которого большинство из них воспринимало как наиболее типичного представителя патриархального канона. Этот процесс начался с феминистской критики, возникшей как явление в 1960-х годах и занимающей сегодня прочное место в современном шекспитроведении. «Феминистская критика» (Г.Спивак, Б.Джонсон, Ш.Фельман, Ю.Кристева, Э.Сиксу, Л.Иригарай, С.Кофман и др.) трактует деконструкцию как вариант отказа от логоцентризма, отождествляемого с традиционным для «мужской» западной цивилизации «фаллоцентризмом». Она сосредоточена на разоблачении «мужской» («ложной») традиционной культуры и противопоставлении ей «интуитивной», «женской» природы письма; противвесом стереотипов «мужского» менталитета выступает «привилегированная роль женщин в формировании структуры сознания»[10].

Согласно исследованию Кэрол Нили Феминистские модели в шекспироведении[11], в феминистской критике существует три наиболее ярко выраженных подхода к анализу шекспировских произведений:

компенсирующий, основанный на переоценке характеров шекспировских героинь, с целью избавления от традиционных патриархальных стереотипов, присутствующих в прежней критике;

оправдательный, делающий акцент на социальных условиях существования женщин в елизаветинском обществе, их дискриминации, что, в конечном счете, объясняет пассивную позицию одних и жестокость других героинь;

преобразующий, рассматривающий противодействие женщин силам патриархата в их стремлении отстоять свое "я". Этот принцип активно используется и в феминистской драматургии.

Деконструкции подвергаются прежде всего те знаменитые тексты, протагонистами которых являются мужчины, а женские образы с точки зрения феминистской критики, показаны через призму мужского восприятия, а следовательно, однобоко и клишировано. Именно так большинство феминистских критиков расценивает Шекспира, считая, что женские образы в его пьесах, как остроумно в свое время заметила Вирджиния Вульф, это мужчины, переодетые в женское платье. Отсюда и желание переписать, дописать, подкорректировать, то есть, дать шекспировским сюжетам новую, феминистскую перспективу. Яркими примерами этого явления может служить пьеса Дочери Лира, написанная творческой группой английских женщин драматургов The Women's Theatre Group, и пьеса Доброй ночи, Дездемона (Доброе утро, Джульетта) известной современной канадской писательницы и драматурга Энни МакДональд.

Пьеса Дочери Лира представляет собой предысторию событий, разворачивающихся в трагедии Шекспира Король Лир. В целом эта предыстория создается с целью перенести акценты, намеченные автором-мужчиной, с одних образов на другие, на тех, чей психологический облик, по мнению авторов-женщин, недостаточно раскрыт.

Пьеса представляет собой описание-комментарий того уклада жизни в семье короля Лира, который предшествовал моменту раздела королевства между тремя дочерьми. Рассказ ведется от лица шута короля. Во многом он выполняет здесь ту же функцию, что и шут в трагедии Шекспира: ему свойственны мудрость и понимание жизни, что он и пытается донести до всех остальных героев пьесы. Он также исполняет роль хора-комментатора событий, помогая связать разрозненные фрагменты. Кроме того, он привносит в пьесу карнавальное начало, перевоплощаясь то в один, то в другой образ (король, королева, кормилица), проигрывая сцены из прошлого. При этом шут в новой пьесе - андроген (феминистские драматурги часто

используют этот прием, считая, что он помогает избавиться от стереотипных представлений о гендерных ролях). Нетрудно заметить, что авторы этой пьесы стремятся к более глубокой мотивации женских образов, в особенности отрицательных. Эту мотивацию они ищут, прежде всего, в подоплеке семейных отношений, вследствие чего в переработанной версии и становится необходимым дополнение недостающих звеньев в лице матери-королевы и кормилицы. Все это приводит к полной децентрализации: протагонист оригинала - король Лир - превращается в неоправданно жестокого тирана, узурпатора, привыкшего распространять свою власть не только на подданных, но и на членов своей семьи, в частности, на женщин. Интересно, что сам он не появляется на страницах трагедии. О нем лишь вспоминают, его поведение описывают, комментируют, его видят со стороны, но не более. Так, все происходящее показывается и оценивается только через призму женского восприятия, женские образы становятся центральными, полностью вытесняя мужские.

Пьеса *Доброй ночи, Дездемона* (Доброе утро, Джульетта) Энн МакДональд - представляет собой остроумный феминистский римейк сразу двух шекспировских пьес - *Ромео и Джульетта* и *Отелло*. На наш взгляд, эта пьеса намного самобытнее, глубже, и интереснее многих других феминистских римейков. Автор деконструирует тексты двух известнейших трагедий, вводя в них образ «мудрого дурака», то есть шута, появление которого в нужную минуту могло бы радикально изменить ход событий, в роли которого выступает женщина-шекспировед Констанция Ледбелли, оказавшаяся внутри этих текстов в своем сне. Этот остроумный прием буквально взрывает канонический текст изнутри, демонстрируя его скрытые возможности, меняя жанр с трагического на комический и радикально разрушая штампы зрительского восприятия этих хрестоматийных сюжетов.

Не менее активно феминистские авторы деконструируют и мифологические сюжеты. Женщины-драматурги выбирают мифологические

сюжеты, в центре которых стоят женские образы, и дают свои интерпретации античных мифов. Такова пьеса *Возвращение Персефоны*, поставленная и написанная театральной труппой РИФТ в 1974 году. В этой пьесе события мифа о Деметре и Персефоне перемежаются сценами из современной жизни. Зевс и Гадес планируют похищение Персефоны, потому что Гадесу одиноко и Зевс соглашается ему помочь, так как он знает, что Персефона владеет «тайной лона». Если Зевс узнает секрет Матери-Земли, он усилит свое могущество. Так оно и происходит, и начинается эра патриархата. Основная идея этой интерпретации вполне прозрачна и откровенно декларативна: похищение и последующее насилие над Персефой символизирует подавление и унижение женщин в патриархальном обществе. Здесь насилие становится ключевой метафорой мужской власти над женщиной. Похожую интерпретацию античного мифа мы находим в пьесе *Электра* говорит, это третья пьеса трилогии Марты Бэсинг под названием *Дочерний круг*, в которой исследуется роль женщины в семье. В первой изображаются отношения матери и дочери, во второй – отношения сестер и в третьей - семейные отношения рассматриваются через призму античного мифа. Так же, как и в пьесе о Персефоне, это деконструкция мифа с феминистской точки зрения. Цель автора дать женский взгляд на события. Аудитория слышит рассказы Клитемнестры, Ифигении, Кассандры, Афины и Электры о тех событиях, которые раньше были известны только в мужском изложении. В своих монологах они оспаривают то, какими они предстают в мужских рассказах. Так, Ифигения не принесла себя добровольно в жертву, но пыталась сопротивляться. По мере развития пьесы женщины дома Атреев раскрывают то, как мужчины использовали их как объекты для достижения своих целей, ни в коей мере не считаясь с их собственными интересами или намерениями. В этой пьесе женщинам предоставляется право голоса, и когда Электра говорит, непосредственно обращаясь к аудитории, публика видит образ

женщины, созданный женщиной (a woman identified woman), которая обвиняет мужчин в несправедливости, моральной слабости и эгоизме.

Говоря о деконструкции в драматургии, нельзя не сказать об игре с языковой основой классического текста, к которой также активно прибегают современные драматурги («деконструкция означает выяснение меры самостоятельности языка по отношению к своему мыслительному содержанию»[8]). Этим приемом, в частности, активно пользуется Виктор Коркия в своей пьесе Гамлет.ru. Он берет наиболее часто цитируемые строчки и, буквально следуя их логике, в конечном счете, разрушает заложенный смысл, доводя до абсурда.

ГАМЛЕТ: Мир – это тюрьма, в которой заключена Дания.

Дания – это тюрьма, в которой заключен мой череп.

Мой череп – это тюрьма, в которой заключена моя мысль.

Моя мысль – это тюрьма, в которой заключено мое я.

Мое я – это тюрьма, в которой заключен весь мир[5].

И еще один пример:

ГАМЛЕТ: Есть вещи, друг, Горацио, что и не снились нашим мудрецам

ГОРАЦИО: Нашим, милейший принц?

ГАМЛЕТ: Я хотел сказать – вашим.

ГОРАЦИО: Вашим, милейший принц?

ГАМЛЕТ: Я хотел сказать – и нашим, и вашим.

ГОРАЦИО: И нашим, и вашим, милейший принц?

ГАМЛЕТ: Я хотел сказать – мудрецам[5].

Интересно, что сам прием доведения до абсурда логического умозаключения часто используется и самим Шекспиром в Гамлете, достаточно вспомнить рассуждения принца о том, как Александр Македонский может стать затычкой для пивной бочки[16].

Не менее активно пользуется этим приемом и Л.Петрушевская в своей пьесе Гамлет. Нулевое

действие. Ее Гамлета так же, как и шекспировского, мучает вопрос “быть или не быть”, правда в интерпретации рассказчиков Пельше, Куусинена и Зорге, которые “четыре месяца ошиваются в виде театральной труппы, как шпионы вокруг замка”, он выглядит иначе:

ПЕЛЬШЕ: сам с собой разговаривает, сам себя все время спрашивает, быть или не быть, вот в чем вопрос, видали?

КУУСИНЕН: Все время так: бить или не бить.

ПЕЛЬШЕ: Выть или не выть. Пока не воет.

ЗОРГЕ: Лить или не лить – этого он не спрашивает, льет где попало.

ПЕЛЬШЕ: Ныть или не ныть, нет вопроса, ноет. Всем жалуется громко. Насчет ног уже три месяца решает, мыть или не мыть...

ЗОРГЕ: Пить или не пить – тоже не спрашивает, пьет

КУУСИНЕН: Пошел на кладбище, могильщиков озадачил: рыть или не рыть. Они ему лопату не дали, сами роют.

ПЕЛЬШЕ: Увидел Офелию, спросил: жить или не жить. Она покраснела. Думала, что намек. А он просто так, в рифму.[12]

Так, ключевой вопрос шекспировской трагедии тиражируется, порождая серию симулякров, подменяющих суть структурой и сводящих саму проблему к нулю.

Не менее активно деконструкция используется и режиссерами -постановщиками классических пьес. Очень часто определенное интонирование известной фразы или обыгрывание ее с помощью неожиданной мизансцены может существенно изменить первоначальный смысл. В этой связи можно вспомнить спектакль «Горе от ума», поставленный в конце 1970-х в Малом - одном из самых консервативных отечественных театров - с Виталием Соломиным в главной роли. Все помнят первое появление Чацкого: «Чуть свет уж на ногах...» - в этот момент актер, вихрем ворвавшийся в комнату, поскользнулся и шлепнулся к ногам Софьи – («и я у ваших ног») - смущенно продолжал он, уже сидя на полу. В этот момент буквально обрушилась двухвековая традиция пафосного

исполнения роли Чацкого.

Иногда даже сам факт назначение на роль актера, внешность которого не соответствует привычному зрительскому восприятию, уже помогает деконструировать годами или даже веками сложившийся образ, как, например, назначение на роль Кабанихи в спектакле Нины Чусовой в «Современнике» (2004), речь о котором пойдет ниже, молодой и миловидной Елены Яковлевой или на роль Отелло – актера с абсолютно европейской внешностью (как, например, в спектакле Казанского Молодежного театра 2010г). Это не просто разрушает привычные штампы, но и помогает увидеть образ с новой, неожиданной стороны.

Наиболее простым способом деконструкции классического произведения на сцене, как и в случае с римейками, является перенесение действие в современность, то есть, попросту говоря, постановка классики в современных костюмах и декорациях. Этот прием, откровенно говоря, ставший изрядно надоевшим театральным штампом нового времени, действительно, разрушает привычное восприятие произведения и помогает как бы примерить классический «прикид» на себя. Однако, если этим дело и ограничивается, произведение может и не получить принципиально нового звучания, а сама постановка будет лишь определенной данью моде.

Режиссерскую практику также не обошло стороной влияние феминистской эстетики, и излюбленным приемом в современном театре стала «смена гендерных ролей», которые, по мнению идеологов феминизма, являются сугубо социальным конструктом. Так, в спектакле по второй части «Фауста» во Франкфурте 2012 года роль Мефистофеля исполняет актриса, так же, в спектакле берлинского Горкитиатр, актриса, надо сказать, блестяще исполняла роль Меркуцио в «Ромео и Джульетте» и роль Пэка в комедии «Сон в летнюю ночь» (2004). Особенно в этом смысле достается шекспировским шутам, чья половая принадлежность уже достаточно давно подвергается деконструкции (в качестве наиболее

ярких примеров можно привести шута в знаменитом спектакле «Буря» Бориса Цейтлина, получившим «Золотую маску» в 1995 году и шута в «Короле Лире» в постановке Бутусова в театре «Сатирикон» в 2006). В то же время, это, опять же, далеко не всегда приводит к деконструкции изначального смысла оригинала. Более того, иногда может быть совершенно не оправданным, как в спектакле 2003 года по пьесе Горького «На дне» в берлинском Горкитиатр, где роль Луки исполняла женщина, однако, ничего нового в трактовку этой роли в пьесе это не внесло, хотя отчасти способствовало разрушению стереотипного восприятие классического образа.

Когда речь о театральной деконструкции классического произведения, очень важно четко определить, что именно подвергается деконструкции – расхожие, порядком затертые представления о том, как должна выглядеть классика, или существенные для понимания произведения смыслы. Прежде всего, как мне кажется, надо исходить из установки, что любая режиссура – это выказывание, а любой спектакль – двусторонний диалог: режиссера с оригиналом, с одной стороны, и со зрителем, - с другой. Попробуем взглянуть с этой точки зрения на известный спектакль Нины Чусовой в театре «Современник» по пьесе Островского Гроза, вызвавший большое количество споров и, в том числе, негативных оценок.

Театр начинается с вешалки, а Чусова уже в фойе, где демонстрировались кадры знаменитого мхатовского спектакля, напомнила зрителю, тот привычный классический образ пьесы, который она подвергла деконструкции на сцене. Особое значение в любом спектакле имеет оформление. Именно с него и начинается деконструкция зрительских ожиданий: на сцене вместо добротного патриархального дома – конструкция-клетка, напоминающая то ли тюрьму, то ли многоквартирный дом в спальном районе. В то же время это неожиданное решение сценического пространства сразу же задает ключевой для Островского образ несвободы, который

закрепляется запертыми в клетку голубями и напрямую ассоциируются со словами Катерины «отчего люди не летают, как птицы». Следующий этап разрушения зрительских ожиданий – кастинг. С гендерными ролями здесь все в пределах традиции, однако персонажи предстают в совершенно неожиданном виде, даже как бы меняются ролями, что существенно смещает акценты: вместо грозной Кабанихи перед нами моложавая, симпатичная барынька в ярком сарафане, разбитная Варвара поначалу предстает примерной «заучкой», эдаким «ботаном» в очках, а Катерина, напротив, задиристой пацанкой с сигареткой в зубах. Так же, как Островский своей пьесой протестовал против старого домостроевского уклада, Нина Чусова протестует против навязшей в зубах хрестоматийной, трактовки этой прекрасной пьесы. Когда зритель, преодолев шок обманутых ожиданий, втягивается в эстетику спектакля, то начинает понимать, что, в сущности, все основные темы и мотивы пьесы сохранены, но представлены в новом ракурсе, что позволяет им обрести более современное звучание. И это, прежде всего, столкновение свободолобивой, мятущейся личности с миром двойных стандартов. Катерина – единственная, кто не хочет притворяться; это сильная, страстная натура, которая не хочет принимать правила, по которым играют все, как когда-то это сделала Кабанова. То, что, несомненно, заложено в пьесе Островского, Чусова вытаскивает на поверхность, чему во много способствует именно неожиданное назначение на роль Кабанихи Елены Яковлевой. Режиссер идет дальше и передоверяет ей часть текста Катерины из финального монолога, превращая его в диалог со свекровью. Так перед нами предстает трагедия двух женщин, одна из которых когда-то тоже была гордой и непокорной, но смирилась, и другой – которая не смогла смириться и погибла.

Тарасов пишет: «Если в классическом театре даже со смертью главного положительного героя все равно оставалась надежда на утверждение положительных идеалов в обществе, то в

постмодернистском любая надежда на это срезается на корню»[13]. – Действительно, можно привести немало примеров, когда современные режиссеры, часто, даже не внося существенных изменений в пьесу, разрушают катарсис, как бы не разрешая зрителю оторваться от повседневности, где человеческие трагедии всего лишь часть будничного бытия. Однако Чусова заканчивает спектакль мощной, патетической кодой: ее Катерина не бросается с обрыва, но взбирается по веревочной лестнице все выше и выше, как бы желая сравняться с теми птицами, которым завидовала.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что в спектакле Чусовой мы имеем дело с деконструкцией прежде всего на формальном уровне, что не только не мешает, а, напротив, даже помогает ярче высветить и заострить основной конфликт пьесы.

Подводя итоги, хочется сказать, что ни один вид искусства не может основываться на разрушении ради разрушения, так как художественное творчество созидательно по самой своей природе, поэтому каждый значительный художник, будь то писатель, драматург или режиссер, деконструируя старое, создает что-то новое, чем его произведение в конечном счете и будет интересно читателю и зрителю.

Shamina V.B.

DECONSTRUCTION IN THE THEATRE

The essay addresses different kinds of deconstruction in modern theatre. The author analyses such types of deconstruction as deconstruction of the canonical text – remakes, actors' and directors' deconstruction, language deconstruction and deconstruction of the spectators' expectations.

Keywords: deconstruction, postmodernism, Theatre, simulacrum, remake.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Деконструкция>. (дата обращения 28.05.2013).
2. Деконструкция. Эстетика. Словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. - М.: Политиздат, 1989. С. 71;
3. Деконструкция. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. I - М.: Мысль, 2000. С. 614;
4. Деррида Ж. Письмо японскому другу. //Вопросы философии 1992, № 4, С. 53–57.
5. Коркия В. Гамлет. Ru. – М: Глобус, 2001.
6. Несмелова О.О. «Интеллектуальные игры с Бернардом Шоу»// Постмодернизм в зарубежной и русской литературах [коллективная монография]. – Казань: Казанский университет, 2011. С. 189-200.
7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. III - М.: Мысль, 2001. С. 97.
8. Новая философская энциклопедия. Институт Философии Российской Академии Наук. 2007—2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3645.html> (дата обращения:28.05.2013).
9. Lehmann H.-Th. Postdramatisches Theater / H.-Th. Lehmann. - Frankfurt a. Main: Verlag der Autoren, 2001.
10. Natalie E. Feminist Theatre. A Study in Persuasion – New York@ London 1985.
11. Neely C.T. Feminist models of Shakespearean Criticism: Compensatory, Justificatory, Transformational. // Feminist Criticism of Shakespeare: Women Studies. – London, 1980.
12. Петрушевская Л. Гамлет. Нулевое действие. // Измененное время. – СПб.: Амфора, 2005. Постмодернизм.
13. Тарасов А. Н. Журнал: Философия и общество. Выпуск №1 (53)/2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130319/> (дата обращения: 15.04.2013).
14. Шамина В.Б. «Пьесы Тома Стоппарда как отражение характерных черт постмодернизма в драматургии». //Ученые записки Казанского государственного университета. Т 151, кн.3 – Казань, 2009. С. 133-144.
15. Шевченко Е.Н. Феномен постдраматического театра. // Постмодернизм в зарубежной и русской литературах [коллективная монография]. – Казань: Казанский университет, 2011. С. 143-146.
16. Шекспир У. Гамлет // Полное собр.соч. в 8т. – М.: Искусство.

Василий Дорофеевич Козлов

Доктор экономических наук, профессор,
Ректор бизнес-школы Green City
kovado@front.ru

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ БИЗНЕСА

Александр Аузан

**«Экономика всего. Как институты определяют
нашу жизнь»**

Издательство: Манн, Иванов и Фербер, 2013 г.

Все считают, что институты это те правила, по которым живет общество. Они сегодня определяют будущее, а не люди, не человеческие факторы, не технологии, не ресурсы. Отставание в этих правилах становится понятно, когда поясняется что такое ограниченное рациональное поведение или оппортунистическое поведение, что такое в теореме Коуза появление сопротивления – когда договоренности, правила, действующие в обществе становятся непреодолимыми.

В книге большое значение придается социокультурным факторам. Содержатся полные и ценные исследования, которые предписывают

России определенную траекторию экономического будущего роста, потому что у нее есть такие социокультурные особенности как: очень высокое избегание неопределенности и страх за будущее, высокая дистанция власти, которая порождает ее сословную структуру, неумение и нежелание кооперироваться, высокий индивидуализм и неготовность соблюдать правила.

Считается, что от ста до тысячи лет требуется для естественной смены определенных норм и правил. Однако такие страны как Сингапур, Япония, Гонконг или Тайвань прошли это путь за пятьдесят лет. У России тоже есть шанс совершить такой скачок.

По сути, книга является некоторым прогнозом нашего будущего.

Татьяна Нефедова

«Десять актуальных вопросов о сельской России»

Издательство: Ленанд, 2014 г.

К 2020 году по некоторым прогнозам до 80% населения будет жить в городах. Например, в Нижегородской области эта цифра уже близка к реальности. Городская культура во многом удобна. Но складывается такое представление, что мегаполисы создают мрачные перспективы: когда огромное количество людей «спрессованы» на небольших территориях, закрытые как в резервации забором, за которым огромные и природно-привлекательные места оказываются пустынными и соблазнительными для различных кучно живущих людей.

Представляется целесообразным задуматься о том, как выстроить новую сельскую политику, чтобы не быть застигнутым врасплох при возможном принятии международных норм о нерациональном использовании исторически доставшихся

пространств.

Книга Нефедовой, как раз, полно и обстоятельно описывает некоторые перспективы сельской жизни в России, которые сейчас нам особенно важны. Выделяется десять трендов и задач, которые необходимы в развитии очаговой экономики, умений использовать хуторской и фермерский методы.

Пример Финляндии блестяще показывает, что такой организация локальных рынков, очаговой экономики это огромный ресурс для предпринимателей.

Эрик Кляйненберг

«Жизнь соло. Новая социальная реальность»

Издательство: Альпина нон-фикшн, 2014 г.

В попытках представить будущее мы понимаем, что будущее нам нужно, чтобы жить в настоящем. И поэтому неотвратимые тренды очень важно усмотреть вовремя. В этом смысле крайне интересна книга Эрика Кляйненберга «Жизнь соло. Новая социальная реальность».

То что, что-то неладное происходит в наших «королевствах» мы это чувствуем, поскольку семья, как наиболее прочная социальная ячейка, основа общества, самый гласный источник передач традиций сегодня распадается. То что раньше называлось сожительством теперь называют гражданским браком, пошли частые и обескураживающе частые разводы. Поэтому когда мы видим такую книгу говорящую нам, что новая социальная реальность это жить в одиночестве, трудно ею не заинтересоваться.

Хотелось бы отметить, что при этой особенности будущих социальных отношений это, вместе с тем,

новый вызов для предпринимательства, потому что создаются новые ниши для бизнеса в такой социальной среде.

До 60% домохозяйств США, это люди-одиночки. Это люди которые были женатыми, замужем, завели детей. Интересно это явление тем, что такой образ жизни связан с городской средой. Именно городская среда, возрастание роли женщин, изменение экономической зависимости превращает семью в обузу.

Сегодня нас беспокоит исчезновение традиционной семьи. Термин «свободная от детей» некоторыми женщинами воспринимается как некоторое знамя. Именно «гигиена» жизни в одиночестве стала новой социальной реальностью.

Что происходит с людьми в пожилом возрасте? Какие способы сегодня быть независимым и вместе с тем не несчастным? Ответам на эти вопросы и посвящена книга Эрика Кляйненберга. Книга является некоторым прогнозом и прагматичным, поскольку это новые сегменты экономики, и социальный который должен нам соизмерить туда ли мы движемся и нужен ли нам этот тренд как желаемый. Поэтому «Жизнь соло. Новая социальная реальность» это книга над которой стоит поразмышлять каждому.

Нассим Николас Талеб

Антихрупкость

Antifragile: Things That Gain from Disorder

Издательство: КоЛибри, 2014 г.

Мы особенно ценим тех, кто расширяет поле смыслов, позволяет наш мир и познания его сделать более полным. Безусловно, к таким людям относится Нассим Талеб, автор книг «Антихрупкость» и «Черный лебедь»

Введение понятия «антихрупкость» стало сенсацией и предметом очень оживленных дискуссий. В чем же смысл этого нового понятия и какая нам польза от прочтения этой сложной книги полной отсылок и к античной философии, и к теории игр, и к теории принятия решений, и к статистике?

Сам Талеб считает себя специалистом в области неопределенности. Черный лебедь это как раз находка которая отличала обычный, традиционный взгляд на наиболее вероятные решения. Но мир меняется так быстро, что неожиданности появляются так неожиданно, что «черный лебедь» стал метафорой непредсказуемого явления.

Талеб делит мир на три условности.

Мир прочный – способный выдерживать определенные изменения.

Мир хрупкий – не выдерживает стрессовых ситуаций.

Введя понятие «антихрупкость», Талеб выделил тот класс явлений, которые являются наиболее ценными для эволюции. То есть это то, как парадоксально изменяется мир. Реагируя на изменения он становится только крепче, лучше и совершенствуется. Он говорит: - «Если меня спросят о будущем, то я устраню из него то, что имеет сомнительную прочность и оставлю то, что живет веками». Например, так он говорит о вере. Если доверие к некоторым вещам у нас сохраняется, долгоживущие фирмы или долгоживущие предметы остаются действующими.

Уметь различить то, что не прочно и, вместе с тем, оставить то, что выживает вопреки и, более того, становится совершенным как живые системы, как некоторые политические системы – это и есть главная мысль книги «Антихрупкость» и той значительной дискуссии которую она вызвала.

Обратите внимание на то, что мир нуждается сегодня в антихрупкости. Особенно в ситуациях, когда столь непредсказуемы ни политические события, ни военные события.

Обратите внимание на все что вокруг Вас имеет свойство антихрупкости.

Дэниел Канеман
«Думай медленно... Решай быстро»
Thinking, fast and slow.
Издательство: АСТ, 2013 г.

Если Вы успеете прочитать хотя бы одну книгу в уходящем году, прочитайте книгу лауреата Нобелевской премии по экономике Даниеля Канеман «Думай медленно... Решай быстро», попавшую в список бестселлеров.

Эта книга уже имеет мягкую обложку, а это знак высокой популярности, и в зарубежных книжных магазинах лежит под номером один.

В своей книге Канеман рассказывает тайны, известные каждому любознательному. Как мы принимаем решения, о чем и как мы думаем.

В каждом человеке есть два «Я». Одно чувствующее, другое помнящее. Чувствующее - переживает каждую секунду, помнящее - отбирает единицы особо ценные, но складывая их в определенную систему начинает быть в диалоге с эмоциями чувствующего «Я». Именно оно становится причиной каких-либо стереотипных решений. Вместе с тем, Канеман говорит, что надо использовать систему мышления основанного на знаниях, но доверять интуиции, поскольку профессиональная интуиция позволяет с высокой скоростью, по едва уловимым знакам выделить те важные качества, которые делают шахматистов прозорливыми с одного взгляда на доску, или игроку в хоккей или футбол, читающему игру.

Книга, которая не проста в чтении, вместе с тем доставит и удовольствие, и ощущение, что вы стали больше понимать в мире в котором мы живем.

Список ближайших защит диссертаций на соискание степени кандидата и доктора наук в диссертационных советах Казанского (Приволжского) федерального университета

Дата защиты	ФИО автора, Название темы диссертации	Шифр научной специальности	Шифр диссертационного совета
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (КАНДИДАТСКАЯ)			
15.01.2015	АГАПОВА ЭЛЕОНОРА ИГОРЕВНА ДУХОВНЫЕ ПРАКТИКИ ЧЕЛОВЕКА В СТРУКТУРАХ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ	09.00.11	Δ 212.081.16
15.01.2015	ХАЗИЕВА НАТАЛИЯ ОЛЕГОВНА ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ)	09.00.11	Δ 212.081.16
19.02.2015	ФАРХУТДИНОВ ЛИНАР ИЛШАТОВИЧ САМООБОСНОВАНИЕ КУЛЬТУР И ПРЕДЕЛЫ ИХ МОДЕРНОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ	09.00.11	Δ 212.081.16
19.02.2015	САФИН АЙШАТ МАРАТОВИЧ ОШИБКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН	09.00.11	Δ 212.081.16
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ (ДОКТОРСКАЯ)			
27.02.2015	КАЛИНИН АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ ПРАВООБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ И СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ (ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)	12.00.01	Δ 212.081.26
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ (КАНДИДАТСКАЯ)			
22.01.2015	НИКОГОСЯН СТЕЛЛА АДРАНИКОВНА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ БРАКА С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН	12.00.03	Δ 212.081.26
22.01.2015	УГУРЧИЕВА ХАДИЖАТ ОМАРОВНА ОСНОВЫ НРАВСТВЕННОСТИ - КАК ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РОССИИ	12.00.03	Δ 212.081.26
23.01.2015	ПЕРМИЛОВСКИЙ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ	12.00.02	Δ 212.081.26
27.02.2015	ЗАЙНУТДИНОВ ДИНАР РАФАИЛОВИЧ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ "БЕЛОЙ" ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918-1920 ГГ.)	12.00.01	Δ 212.081.26
27.02.2015	КАЗАЧЕНКО ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ ОРГАНЫ И УЧРЕЖДЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1715 - 1917 гг.): ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	12.00.01	Δ 212.081.26
27.03.2015	НЕДЕЛЬКО АННА АЛЕКСАНДРОВНА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОГОВОР ДОБЫЧИ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ	12.00.03	Δ 212.081.26
27.03.2015	ЛУНЕВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ В ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ	12.00.03	Δ 212.081.26
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (КАНДИДАТСКАЯ)			
12.02.2015	СЪЁМЩИКОВА ЕЛЕНА ОЛЕГОВНА МУЗЫКАЛЬНОСТЬ КАК ОСОБЕННОСТЬ ПОЭТИКИ ИНГЕБОРГ БАХМАН	10.01.03	Δ 212.081.14
12.02.2015	ТУКТАРОВА ГУЗЕЛЬ МАНСУРОВНА ЕВРОПЕЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТАТАРСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ)	10.02.02	Δ 212.081.12

12.02.2015	САГАДУЛЛИНА ГУЛЬЧАЧАК НУРГАЯЗОВНА РАФАЭЛЬ МУСТАФИН - ЛИТЕРАТУРОВЕД И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК: ЖАНРЫ И ПОЭТИКА	10.01.02	Δ 212.081.12
17.02.2015	СПИРИДОНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА	10.02.01	Δ 212.081.05
17.02.2015	БУЛАТОВА АЛСУ МАГСУМОВНА ЛЕКСИКО - ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА СТРАХ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	10.02.20	Δ 212.081.05
18.02.2015	РАХЕЛЕХ ЗИАИФАШТАМИ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПОБУЖДЕНИЙ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК	10.02.20	Δ 212.081.05
18.02.2015	ШАЛИМОВА ПОЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕННОГО ПОРЯДКА В РУССКОМ ТЕКСТЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ)	10.02.20	Δ 212.081.05
17.03.2015	КАЗАНЦЕВА АИДА МАРСОВНА ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	10.02.01	Δ 212.081.05
17.03.2015	ГЭН ЦЗЕ БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ НЕБО-ЗЕМЛЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ МАЛЫХ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРА)	10.02.20	Δ 212.081.05
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ (КАНДИДАТСКАЯ)			
21.02.2015	ФАСХУТДИНОВ АЗАТ РИНАТОВИЧ РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО ЛОКАЛИЗОВАННОЙ СИСТЕМЕ	08.00.05	Δ 212.081.29
21.02.2015	ПАЛЯКИН РОМАН БОРИСОВИЧ ФОРМИРОВАНИЕ БИНАРНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА С УЧЕТОМ АСИММЕТРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ	08.00.05	Δ 212.081.29
21.02.2015	ЗАГИТОВА ЛЯЙСАН РАВИЛЕВНА ВЛИЯНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ФАКТОРА НА РОССИЙСКУЮ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДИНАМИКУ	08.00.01	Δ 212.081.29
14.03.2015	КАШФУЛЛИН ЛИНАР МУЗАВИРОВИЧ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ МУНИЦИПАЛЬНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА	08.00.05	Δ 212.081.27
14.03.2015	ГАРИФУЛЛИН ИЛЬСУР НАИЛОВИЧ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА РЕГИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ	08.00.05	Δ 212.081.27
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (ДОКТОРСКАЯ)			
26.02.2015	НАБИЕВ РУСТАМ ФАНИСОВИЧ ГОСУДАРСТВО ДЖУЧИДОВ В XIV ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	07.00.02	Δ 212.081.01
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (КАНДИДАТСКАЯ)			
12.03.2015	ВОСТРИКОВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АФИН (338-146 гг. до н.э.)	07.00.03	Δ 212.081.01

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Редакционным советом журнала «КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК» принимаются к рассмотрению только оригинальные, ранее нигде не публиковавшиеся статьи на русском и английском языках.

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. Редакционный совет принимает решение о публикации статьи на основании двух рецензий, подготовленных специалистами в данной предметной области, имеющими ученую степень. Редакционный совет оставляет за собой право отклонить статью или вернуть её на доработку.

Принадлежность и объем авторских прав на публикуемые в журнале материалы определяются действующим законодательством Российской Федерации. Допускается распространение по электронным сетям любых статей журнала или выдержек из них, но при таком распространении обязательна ссылка на первоисточник. Запрещается издание материалов журнала третьими лицами или организациями на бумажных и твердых электронных носителях без разрешения редакционного совета.

Общие требования к статьям:

Для рассмотрения Вашей статьи редакционной коллегией журнала, Вам необходимо выслать в адрес ред.коллегии следующие материалы:

Рекомендация кафедры или ученого совета, или доктора наук в данной области наук;

Регистрационную форму;

Публикуемую статью (электронная версия предоставляется на русском или английском языках), подготовленную в соответствии с правилами оформления статей в электронном виде;

Заявление с подписями автора(ов) о том, что статья не публиковалась ранее и не подана для публикации в другие издания;

Разрешение на обработку редакцией персональных данных автора.

Перечисленные документы должны быть переданы в редакцию по электронному адресу: mail@kazanvestnik.ru (по этому же адресу будет осуществляться переписка с редакцией). Телефон редакции: +7 (843) 258-97-00.

Статьи, не удовлетворяющие требованиям к оформлению, к публикации не принимаются и возвращаются авторам на доработку без их рассмотрения по существу.

THE ARTICLE SUBMISSION

The editorial board of "The Socio-Humanitarian Bulletin" examines only original articles in Russian or English. The article must be new and never published before.

Articles submitted for the publication go through an obligatory peer-review process before the editorial board comes to a decision based on the grounds of two reviews. The reviews are prepared by specialists with degrees in the field of study, which is closely related to the topic of the article. The editorial board retains the right to reject the article or suggest changes.

Affiliation and the author's rights for the materials published in the journal are defined by the ongoing regulations and requirements of the Russian Federation. Journal articles and excerpts distributing via the Internet is acceptable, but in this case the source reference is obligatory. It is forbidden for the third party or other organizations to publish the journal materials on paper or on the hard electronic media without the editors' permission.

General requirements for the articles:

In order to submit your article for peer-review you need to send the following documents to the editorial board:

Either the recommendation of the academic board of your department, or the recommendation from the Doctor of Science in your field of study must be submitted;

Registration Form;

Publishing article, prepared according to the rules of the electronic articles layout (the electronic version should be provided in the Russian or the English language);

Application form cwith the article author's signature confirming that the article has not been published before and it was not sent to other journals;

Permission to process the author's personal data.

The listed documents have to be sent to the editorial board via email: mail@kazanvestnik.ru (this email address will be used for the future communications between the author and the editorial board). Phone number +7 (843) 258-97-00.

The articles which do not meet the criteria of the article layout cannot be accepted and are usually returned for the correction without examination.

**КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
ЗИМА 2014 (13)**

Подписано в печать 20.12.2014
Формат 70 x 108 1/16
28 усл.печ.л. Тираж 900 экз.

Казанский Издательский Дом
www.kazanvestnik.ru
тел. (843) 258-97-00
факс: (843) 238-30-93

Отпечатано в ООО «Казанский Издательский Дом»